

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

СЛАВЯНСКИЙ СБОРНИК

Межвузовский сборник научных трудов

ВЫПУСК 11

Издательство «Наука»
2013

УДК 9(4-11)(082)
ББК 63.3(45)я43
С47

Редакционная коллегия:

*д.и.н. А.Н. Галямичев (отв. редактор), д-р Я. Вацулик,
к.и.н. С.А. Кочуков, д.и.н. С.А. Мезин,
к.и.н. С.В. Соколов, к.и.н. Я.Н. Рабинович.*

Рецензенты:

*Доктор исторических наук Ю.В. Варфоломеев,
кандидат исторических наук Н.А. Малова*

С47 Славянский сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 11. — Саратов:
ИЦ «Наука», 2013. — Вып. 11. — 204 с.

ISSN 0207 – 2467

В сборнике публикуются статьи и сообщения по широкому кругу проблем исторической славистики – от особенностей развития славянских городов в эпоху средневековья до дискуссионных вопросов новейшей истории зарубежных славянских народов.

Для студентов, преподавателей, научных работников, всех, интересующихся историей России и зарубежных славян.

УДК9(4-11)(082)
ББК63.3(45)я43

ISSN 0207 – 2467

© Саратовский государственный
университет, 2013

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Л.П. Лаптева

Г.А. ИЛЬИНСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ БОЛГАРИИ

В конце XIX – первой четверти XX в. русское славяноведение достигло больших успехов во всех областях этой дисциплины, которая продолжала именоваться «славянской филологией». Русские ученые исследовали не только славянские языки и литературы, но и памятники древней письменности, историю, этнографию, а также современное развитие славянских народов – экономическое, политическое и культурное. В целом изучение славянского мира охватывало все сферы жизни, а славяноведение как наука стало комплексом дисциплин, так что определение его как «славянская филология» вполне устарело, хотя и продолжало употребляться в литературе. Русское славяноведение внесло существенный вклад в науку, в процесс превращения ее из преимущественно филологической дисциплины в целый комплекс научных дисциплин о славянах. Особенно существенные достижения были сделаны в области славянского языкознания, в изучении памятников славянской письменности, которые русскими учеными разыскивались не только в отечественных архивах и книгохранилищах, но также за рубежом: на Афоне, в славянских странах, в библиотеках европейских государств и т.д. Русские ученые имели то счастливое отличие от других славянских исследователей, что обладали универсальными знаниями славянства. Если ученые славянских стран концентрировали внимание на национальных ценностях, чтобы повысить свой культурный престиж в среде европейских народов, который был весьма невысоким в силу особенностей их многовекового исторического существования (славянские народы долго находились под господством других народов, которые не заботились о развитии национальных культур подчиненных им этникумов), то русские ученые интересовались всем славянством, так как перед ними не стояла задача защиты своей культуры от посягательств со стороны дру-

гих. Кроме того, универсализму русских славистов способствовала система воспитания кадров в области славяноведения. Каждый, желавший стать профессором этой дисциплины, проходил серьезную подготовку не только в русских университетах и на отечественной источниковой базе, но и обязан был усвоить европейские достижения в области славяноведения. Средством для выполнения этой задачи являлись научные командировки за границу за счет государства на срок от двух до пяти лет. Слависты начинали свои штудии в университетах Германии, где посещали лекции знаменитых лингвистов и историков, философов, историков права и т.д., работали в библиотеках и архивах с документами и памятниками письменности, консультировались со специалистами. Получив теоретическую и методическую подготовку, они ехали в славянские земли, где проводили большую часть своего командировочного времени, изучая на месте славянские языки, культуру, этнографию, археологию и т.д. В отличие от зарубежных славянских ученых, и не только славянских, русские получали все из первых рук. Славянские коллеги путешествовать не любили: мало кто из них знал русский язык, в России с ученой целью бывали единицы, нашей страны не знали. Среди русских славистов было много всесторонне образованных ученых, отличных знатоков духовной и материальной жизни славян в прошлом и настоящем.

К таким универсалам принадлежал и Григорий Андреевич Ильинский. Он внес весомый вклад во многие области славяноведения. Более 500 работ, которые он опубликовал, посвящены изучению славянских языков, истории славянской письменности, сравнительной и исторической грамматике и многим другим филологическим, историографическим и археографическим проблемам. Творчество Г.А. Ильинского изучено еще недостаточно. В настоящей статье речь пойдет лишь об одной его стороне – о работах, касающихся истории и культуры средневековой Болгарии.

Г.А. Ильинский родился в Петербурге 11 марта 1876 г., окончил Петербургскую гимназию и в 1898-м – словесное отделение историко-филологического отделения Петербургского университета. Славистическую подготовку проходил под руководством академика В.И. Ламанского, которого считал своим учителем. Под влиянием курсов лекций и работ С.К. Булича и А.И. Соболевского увлекся лингвистическими дисциплинами, его выпускное сочинение на тему «Орбельская Триодь» было награждено золотой медалью. Г.А. Ильинский проявлял большой интерес к своей специализации, он усвоил современные лингвистические взгляды, перевел на русский язык значительную часть книги Б. Дельбрюка «Введение в изучение языка», списал «для себя» несколько древнейших рукописей, хранившихся в библиотеках Петербурга. Большой интерес Г.А. Ильинский проявлял к культуре славян. После окончания универси-

тета он был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре славянской филологии, которую в то время возглавлял В.И. Ламанский. Выдержав магистерский экзамен, Г.А. Ильинский был командирован за границу для усовершенствования в науках, где «ревностно и успешно занимался в избранной специальности»¹ с 1 мая 1901 по 1 мая 1903 г. К этому времени он уже напечатал значительное число работ. В основном это были статьи, касающиеся лингвистических вопросов («Из истории славянского аориста», «Происхождение частицы зи в болгарском и сербском языках» и т.п.). Кроме специальных лингвистических работ Г.А. Ильинский публикует рецензии и заметки о различных славянских изданиях. Наряду с информационными статьями Г.А. Ильинский высказывает свое мнение о сюжетах, которые характеризуют его общественные взгляды и убеждения. В начале XX в. в русских журналах «славянского направления» («Славянское обозрение», «Славянский век» и некоторые другие) активно обсуждался вопрос о славянофильстве. Это течение русской общественной мысли, активное в 40-х – 50-х гг. XIX в., к концу столетия стало анахронизмом в том варианте, как было сформулировано его родоначальниками. Исчезнув из серьезных научных исследований о славянах, оно продолжало существовать в измененном виде и в разных вариантах. В начале XX в. в русской литературе проходила уже историческая оценка славянофильства, разбиралась его сущность и значение для русской интеллектуальной жизни XIX в. и определялось место самой славянофильской доктрины в настоящем и будущем. Являясь учеником известного славянофила В.И. Ламанского, Г.А. Ильинский придерживался совершенно противоположных взглядов на славянофильство, чем его учитель. Признавая утопичность идей ранних славянофилов, фантастичность и политическую ангажированность их последователей, Г.А. Ильинский находил плодотворными некоторые мысли классиков славянофильства для умственного развития русского общества XIX в., и отмечал положительную роль отдельных славянофильски мыслящих деятелей в период реформ в России в 60-е гг. XIX в. Вместе с тем, признавая прогрессивность взглядов западников, Ильинский указывал на их односторонность и непригодность для русских национальных условий. Таким образом, в работах Г.А. Ильинского, посвященных анализу славянофильства, содержится наиболее объективная в русской литературе оценка этого явления. Ученый высказался на эту тему в нескольких работах. В 1901 г. в журнале «Славянский век», выходившем в Вене на русском языке, он опубликовал статью «Что такое истинное

¹ Российский Государственный исторический архив (РГИА) Ф. 733. Оп. 151. Е. X. 205. Л. 73 (Характеристика Г.А. Ильинского, данная ему проф. П.А. Лавровым 27 сент. 1901 г.).

славянофильство?»². Начиная свои рассуждения о славянофильстве, Г.А. Ильинский констатирует, что это явление, самобытное, оригинальное и великое, имело множество противоположных толкований. Одни видели в нем культ самодержавия, православия и народности, другие – веру в религиозную всеспасающую миссию русского народа, третьи – христианский социализм, четвертые – политический панславизм и т.д.³. Такое крайнее смешение понятий славянофильства есть следствие всякого учения, стремящегося объять целый круг религиозных, социальных и других явлений, – поясняет автор. Далее он делает экскурс в историю возникновения этого течения и констатирует, что в начале 40-х годов в русской общественной мысли оформились два направления, которые по-разному отвечали на вопросы о том, в каком отношении русская культура должна находиться к западноевропейской, и как следует понимать отношение русского народа к государству⁴. Одна из партий утверждала, что русская культура должна в своем развитии идти самостоятельным, независимым от западной цивилизации путем, но саму русскую культуру отождествляла с началами и устремлениями русского государственного устройства. Но так как современная ей государственная власть определяла эти начала как православие, самодержавие и народность, то эта партия «самобытности» в глазах общества приобрела консервативный и даже реакционный оттенок. Сторонники этого направления враждебно относились ко всяким западноевропейским и русским течениям, которые иначе понимали отношения между государством и народом. Другое направление общественной мысли, получившее наименование западников, отрицательно относилось к основам государственного быта того времени, освящавшим произвол бюрократии, крепостное право, религиозное фарисейство, полное рабство печатного слова и т.д. Оно требовало коренных реформ тогдашнего русского быта, но не хотело признавать самобытности русской собирательной народной личности, отождествляя ее с простым невежеством. Западническое направление видело в русском народе абсолютную культурную *tabula rasa* и доказывало необходимость усвоения западноевропейской цивилизации, которая, по мнению представителей этого направления, была верна гуманистическим идеалам «добра, истины и красоты». Более того, некоторые западники, которых Г.А. Ильинский определяет как «либеральных космополитов», доходили до крайностей, доказывая, что варварская Россия только тогда приблизится к идеалу европейского государства, когда воспримет католицизм. Комментируя эти рассуждения западников (Чаа-

² *Ильинский Г.* Что такое истинное славянофильство? // Славянский век. 1901. № 33–34. Декабрь.

³ Там же. С. 261.

⁴ *Ильинский Г.* Что такое истинное славянофильство? С. 262.

даева, Белинского и др.) Г.А. Ильинский говорит, что «проповедуя по добные чудовищные нелепости, либеральные космополиты не замечали громадной непоследовательности своих возвышенных стремлений. Ведь по существу они стремились не к полному уничтожению рабства, а к замене одного его вида – социально-политического другим – национально культурным»⁵. От этой логической ошибки были вполне свободны славянофилы, – продолжает автор статьи. И далее пишет, что только они могут называться истинными гуманистами, т.к. мечтали об эмансипации русского народа не только от помещичьей или бюрократической опеки, но и от опеки западноевропейской цивилизации. В противоположность западникам они не считали, что гуманизм принадлежит только Западу, но доказывали, что славянское племя всегда было, есть и будет носителем человечности. Далее Г.А. Ильинский констатирует, что в понимании этого тезиса славянофилы иногда доходили до крайностей типа утверждения, что славянство призвано обновить и освежить дряхлеющий западноевропейский мир.

Но основным требованием учения славянофилов была необходимость двойного освобождения русской народной личности и не случайно большинство славянофилов приняли непосредственное участие в разработке и реализации реформ в России 60-х годов.

Далее Г.А. Ильинский характеризует отдельные фазы развития славянофильства, которых насчитывает четыре. Первая фаза названа религиозно-метафизической (Хомяков, Киреевские, Аксаковы) адепты которой объявляли идеей русского народа православие, отождествляемое ими с первобытным христианством. Торжество идеи русского народа было бы, по их мнению, торжеством христианской любви и свободы. Затем славянофильство эволюционировало во вторую фазу, которую представляла так называемая «молодая редакция» «Москвитянина» (А. Григорьев, Н.И. Страхов, Писемский и др.). Это направление автор статьи назвал «эстетико-органическим». По мнению Г.А. Ильинского, оно являлось большим шагом вперед в сравнении с теорией московской школы, но отличалось туманностью понятий в определении качественного содержания самобытной русской культуры. Далее Г.А. Ильинский останавливается на мистицизме направления Ф.М. Достоевского (3-я фаза), под влиянием которого возникло так называемое народничество, с его стремлением учиться правде у народа, с его хождениями в народ и попытками опроститься. Четвертой фазой развития славянофильства Г.А. Ильинский считает теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Завершая свои рассуждения об эволюции славянофильства, автор статьи констатирует, что все попытки доказать права славянского

⁵ *Ильинский Г.* Что такое истинное славянофильство? С. 263.

племени на культурную самобытность оказались неудачными. История человечества пошла по пути заимствования одного народа у другого, как отдельных форм культуры, так и целых цивилизаций. Следовательно, начала одной цивилизации передаются другой. Однако в отличие от проф. П.Н. Милюкова, которому, по мнению Г.А. Ильинского, принадлежит утверждение, что славянофильство «умерло и не воскреснет более», автор статьи утверждает, что все славяне сходны по языку и основной принцип славянофильства – политическая и духовная эмансипация славянского племени от других – остается в силе⁶.

Таким образом, Г.А. Ильинский считает, что славянофильство существует и в начале XX в., и формулирует его задачи в одной из своих статей⁷. В ней он говорит, что наблюдается растущий интерес славянских народов друг к другу, появляются общества, союзы и съезды славистов, а лучшие славянские политические умы стремятся создать среди славянских народов «единое славянское общественное мнение»⁸. Отметив разнородность славянских народов в политическом, религиозном и экономическом отношениях, автор признает, что «конечно, абсолютно единое славянское общественное мнение невозможно, но относительное – вполне достижимо»⁹. Единство интересов славян, по мнению Ильинского, выражается также «в культурном и политическом состязании славянства с германством... Бескровный характер этого состязания не мешает ему оставаться в сущности более отчаянным, чем, например, русско-японская война для России. Каков бы ни был ее результат, ни государственное, ни национальное существование ее не ставится на карту... Славянский вопрос есть вопрос национального «быть или не быть» для некоторых славянских народностей, например чехов и словенцев. Для России его отрицательное решение означало бы полнейшую ликвидацию некоторых главнейших ее исторических задач и идеалов. Ведь если «Россия полезна славянам тем, что она существует, то и славяне полезны России тем, что существуют»¹⁰.

Как видно из изложенного, Г.А. Ильинский смотрел на отношение к славянству с иных позиций, чем многие его предшественники. Для него термин славянофил включал в свое содержание отношение к славянам с симпатией, желание с ними сотрудничать как со всеми другими народами, изучать их культуру, основанную на языковой близости, т.е. для него «славянофил» – это тот, кто интересуется славянами и позитив-

⁶ Ильинский Г. Что такое истинное славянофильство? С. 269.

⁷ Ильинский Г. Ближайшая задача современного славянофильства // Славянский век. 1904. Февраль. № 76. С. 102–106.

⁸ Там же. С. 103–104.

⁹ Там же. С. 104.

¹⁰ Там же.

но относится к ним. Но как теория, как доктрина, проповедующая некую исключительность славян, вековую вражду и непримиримость к германству, религиозную и даже политическую гегемонию и т.д. – такие черты славянофильства уже не возродятся. История показывает, что славянофильство XIX в. во всех его вариантах, рассмотренных Г.А. Ильинским, осталось феноменом общественной жизни того века, когда оно возникло.

Вопросов славянофильства Г.А. Ильинский коснулся в статье «Великий эмансипатор (А.С. Хомяков)»¹¹. Автор представил этого теоретика славянофильства как борца за свободу не только личности, но и целых народов. А.С. Хомяков был горячим противником крепостного права, тогдашних судебных порядков, административного произвола и всех других «бесчисленных грехов» дореформенной России. «Беспощадный бичеватель всякого общественного и политического рабства, Хомяков был еще более суровым врагом рабства духовного», – писал Г.А. Ильинский. В частности, Хомяков считал, по мнению Г.А. Ильинского, что каждый народ, в первую очередь русский, может самостоятельно выбирать себе путь культурного развития и осуществлять культурное творчество с учетом особенностей и самобытности русского народа. Далее Г.А. Ильинский говорит, что Хомяков не отрицал достижений Западной культуры и не провозглашал «гниения Западной Европы», а доказывал, что пользования благами европейской цивилизации должно быть критическим и побуждало русский народ к самостоятельному и самобытному развитию своей культуры. В связи с этим Г.А. Ильинский отвергает обвинения современников Хомякова, главным образом западников, в шовинизме и национальной исключительности. Напротив, если для западников целью была социальная, политическая и духовная свобода личности (примером для них являлась Западная Европа), то Хомяков требовал еще и свободы национальной для России и всех других славян. «Таким образом, – резюмирует автор статьи, – Хомяков рассеял окончательно и навсегда тот странный предрассудок, будто западноевропейская цивилизация имеет не национальное, а общечеловеческое значение, т.е. ее историческое развитие представляет общеобязательную норму прогресса всех вообще народов в том числе и русского»¹². Таким образом, только полным незнанием сочинений Хомякова и их духом, или намеренным извращением фактов можно объяснить постоянно, и теперь еще, к стыду славянства повторяемые обвинения Хомякова в каких-то панруссистских идеях, – констатирует Г.А. Ильинский. Отметим, что это был новый взгляд на творчество одного из основоположников славяно-

¹¹ *Ильинский Г.* Великий эмансипатор (А.С. Хомяков) // Славянский век. 1901. № 18. С. 5–8.

¹² Там же. С. 6.

фильства 40-х гг. XIX в., основанный на глубоком анализе и осмыслении духовного наследия «великого эмансипатора».

О том, что Хомяков в своих литературных и научных трудах решил задачу синтеза «национализма и либерализма» Г.А. Ильинский говорит и в рецензии на книгу В.З. Завитневича, опубликованную в 1902 г.¹³

Еще раз по вопросу о славянофильстве Г.А. Ильинский выступил при характеристике лекции профессора Н.И. Кареева «О главных направлениях русской общественной мысли», прочитанной в Праге в 1901 г. Здесь Г.А. Ильинский выступил против западника Кареева с защитой славянофильства как течения, представляющего собой последовательный либерализм, выступающий за национально-культурную эмансипацию. Западники же, по мнению Г.А. Ильинского стремились к общественно-индивидуальной эмансипации¹⁴.

Наряду с обсуждением в печати вопроса о славянофильстве Г.А. Ильинский в начале XX в. писал в разные журналы заметки, сообщения и рецензии. Так, он откликнулся на издание труда В.А. Францева «Очерки по истории чешского возрождения»¹⁵, высоко оценив перво-проходческую работу варшавского профессора-слависта. В журнале «Славянские известия» он поместил рецензию на книгу профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии И.С. Пальмова «Чешские братья в своих конфессиях...»¹⁶. Впрочем, в этой рецензии Г.А. Ильинский автор изложил лишь содержание книги, выразив позитивное к ней отношение.

В «Известиях Отдела русского языка и словесности» Г.А. Ильинский разобрал изданную чешским ученым А. Патерой рукопись «Подебрадской псалтыри» – памятника чешского языка конца XIV в.¹⁷, в «Византийском Временнике» регулярно публиковал библиографические заметки по русской и зарубежной литературе о славянах¹⁸. По сведениям одного из биографов, только за время заграничной коман-

¹³ [Ильинский] Г.А. Рец. на кн.: Завитневич В.З. Алексей Степанович Хомяков. Киев, 1902 // Славянский век. 1904. Январь. № 73. С. 24–30.

¹⁴ Ильинский Г.А. О главнейших направлениях русской общественной мысли в XIX столетии. Лекция проф. Н.И. Кареева в Праге // Славянский век. 1901. Июнь. № 24. С. 13–16.

¹⁵ Ильинский Г.А. Рец. на кн.: В.А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения // Славянский век. 1902. № 52, 53.

¹⁶ Ильинский Г. Рец. на кн.: Пальмов И. Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI в. Прага, 1904 // Славянские известия. СПб, 1905. № 5, 6. С. 489–490.

¹⁷ Ильинский Г.А. *Žaltař Poděbradský podle rukopisu Dražd'anského*. Vyd. A. Patera. Praha, 1899 // Известия ОРЯС. 1900. Т. 5. Кн. 3. С. 1059–1060.

¹⁸ Ильинский Г. Славянские земли // Византийский временник. СПб, 1906. Т. XII. Раздел Библиография. С. 380–385.

дировки 1901–1903 гг. Г.А. Ильинский написал и опубликовал в русских журналах 50 рецензий¹⁹.

Таким образом, уже в ранний период своего творчества Г.А. Ильинский выступил как широко образованный славист, хотя и вышедший «из школы» В.И. Ламанского, но принадлежавший к новому, прогрессивному направлению в славяноведении.

В формировании научных взглядов в области славистических дисциплин вообще и языкознания в частности огромную роль сыграла заграничная командировка Г.А. Ильинского. Он «ревностно и успешно занимался в избранной специальности»²⁰, работал в Берлинской королевской библиотеке над славянскими рукописями, вошел в контакт с немецкими профессорами-славистами А. Брюкнером и Э. Бернекером. Затем он приехал в Прагу для изучения чешской филологии. Здесь Г.А. Ильинский посещал лекции чешского филолога Я. Гебауэра (1838–1907) и лингвиста Й. Зубатого (1855–1931), а также работал в архивах и библиотеках. Из славянских рукописей его заинтересовало «Слово Златоуста» болгарской редакции, представлявшей большой интерес с точки зрения языка. В библиотеке он занимался диалектологией по карте диалектов Шемберы и Душека»²¹. В Обществе Чешских Филологов прочитал научный доклад.

Из Праги в марте 1902 г. Ильинский поехал в Лейпциг, где слушал лекции А. Лескина и других ученых по старославянскому, литовскому и готскому языкам. Из Лейпцига – в Вену, где познакомился с К. Иречеком и Й. Вондраком. У И.В. Ягича читал в семинаре доклад о некоторых славянских суффиксах. В конце командировки Ильинский посетил Загреб, Белград, Любляну и Болгарию, где познакомился с рядом крупнейших славистов. По возвращении из-за границы Г.А. Ильинский в 1904 г. был принят приват-доцентом в Петербургский университет, в 1905 г. защитил магистерскую диссертацию «О местоимениях»²² и в 1907 г. переехал в Харьков, где в университете стал читать курс по истории славянских народов и литератур.

Харьковский университет командировал Г.А. Ильинского на Афон, куда ученый поехал в 1907 г. с профессором Петербургского университета П.А. Лавровым²³. В этой командировке Г.А. Ильинский собрал все

¹⁹ Журавлев В.И. Григорий Андреевич Ильинский. М., 1962. С. 10.

²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Е. X. 205. Л. 73 (Отчет Г.А.Ильинского о работе в заграничной командировке в 1901 г.).

²¹ Там же. Л. 75–76.

²² Ильинский Г.А. Сложные местоимения и окончания родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода неличных местоимений в славянских языках. Этимологические исследования. СПб., 1905.

²³ См.: Ильинский Г.А. Значение Афона в истории славянской письменности // Журнал министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). Н.С. Ч. 18, ноябрь.

болгарские грамоты, сделал с них копии и на основании этих источников написал книгу «Грамоты болгарских царей»²⁴.

Изложив историю изучения и издания грамот, автор указал на недостатки предшествующих публикаций, отметив, например, множество ошибок, неточностей в прочтении и датировке в издании П.И. Шафарика «*Ramátky dřevního písemnictví jihoslovanův*». Г.А. Ильинский констатировал, что Шафарик «и в этом издании остался верен не вполне научным палеографическим приемам»²⁵. Меньше неточностей было в издании И.И. Срезневского, но все же, по мнению Г.А. Ильинского, достаточно много. Далее в книге характеризуется состояние изученности каждой грамоты, их палеографические и лингвистические особенности. Указывая на стиль и формуляр болгарских грамот, Г.А. Ильинский подчеркивает, что хотя они по содержанию и представляют оригинальные произведения славянской письменности «их внешняя сторона – способ выражения, построение фраз, мотивировка постановлений, т.е. все, что называется стилем, было скопировано с аналогичных произведений византийской дипломатики. Болгарские грамоты, как и сербские, по своему стилю представляют точные слепки с византийских образцов, начиная с первого слова и кончая последним», – резюмирует автор²⁶.

Отметив огромное значение болгарских грамот для изучения исторической географии Балканского полуострова, Г.А. Ильинский останавливается на их культурно-исторической ценности. Констатируется, что болгарские хрисовулы являются главным источником древнеболгарского права и дают обильный материал для экономического и социального строя страны, для изучения учреждений государственной и общественной жизни древних болгар. Автор книги считает, что хрисовулы являются наиболее надежным источником для изучения территории древнеболгарского царства, социального состава населения, верховной власти, управления и его органов²⁷. Исследование заканчивается словоуказателем²⁸ и снимками всех семи изданных грамот.

Книга Г.А. Ильинского имела большой резонанс среди специалистов-филологов и историков. Так В. Погорелов писал в своей рецензии²⁹, что «издание исполнено с большой тщательностью и вниманием. Это

С. 1–41; *Он же*. Рукописи Зографского монастыря на Афоне. // Известия Российского Археологического Института в Константинополе. Т. 13. С. 256–276.

²⁴ *Ильинский Г.А.* Грамоты болгарских царей. М., 1911 (Древности. Труды Славянской комиссии. Т. 5. С. 1–160).

²⁵ Там же. С. 4–5.

²⁶ Там же. С. 95.

²⁷ Там же. С. 114–115.

²⁸ Там же. С. 127–159.

²⁹ *Погорелов В.* Рец. на кн.: Грамоты Болгарских царей. Труд Г.А. Ильинского. М., 1911 // ЖМНП. 1912. Февраль. Новая серия. Ч. XXXVII. С. 343–357.

новое научное собрание грамот болгарских царей выгодно отличается от предшествующих изданий Шафарика, Срезневского и др. тем, что дает в руки исследователя надежный текст всех болгарских грамот XIII–XIV вв. Палеографические наблюдения проф. Г.А. Ильинского над этими грамотами вообще отличаются тщательностью и разносторонностью»³⁰. Но далее рецензент считает, что «лингвистическая часть работы проф. Ильинского оказывается совершенно неудачной и вызывает желание видеть новое, серьезное исследование этих грамот по языку»³¹. Изложив дальше ряд своих соображений лингвистического характера, рецензент приходит к выводу, что «недочеты лингвистического исследования в совокупности производят впечатление недоделанности, непродуманности, вся работа кажется исполненной эскизно, начерно»³².

Иное мнение о труде Г.А. Ильинского высказал проф. П.А. Лавров³³. Возразив автору труда по поводу употребления в грамотах некоторых букв, рецензент пишет, что «закключение Ильинского о принадлежности грамот известной местности Болгарии, правильно, что выгодно отличает его распределение грамот от предложенного ранее Цоневым. Разбор языка грамот исчерпывает материал, который они дают»³⁴. «Изданием всех сохранившихся грамот, вместе с присоединением вполне точных прекрасно исполненных снимков, грамоты делаются доступными для всех, с той или другой стороны интересующихся ими. Собранный объяснительный материал облегчит дальнейшее изучение всего что еще остается неясным»³⁵.

Книга Г.А. Ильинского была награждена академической премией им. Ломоносова и стала его докторской диссертацией, которую он защитил в Киевском университете в 1911 г., получив степень доктора славянской филологии. «Грамоты болгарских царей» представляют собой издание, выполненное на образцовом научном уровне. «Хотя отдельные грамоты и были опубликованы ранее, но издание Ильинского остается до сих пор единственным научным изданием. Для сбора всех грамот понадобились длительные поездки в те места, где хранятся эти грамоты (Афон, Трансильвания, Рильский монастырь), понадобились две заграничные командировки... Характерной чертой Г.А. Ильинского является соби́рание отдельных отрывков одного текста в различных хранилищах

³⁰ *Погорелов В.* Рец. на кн.: Грамоты Болгарских царей... С. 343–345.

³¹ Там же. С. 353.

³² Там же. С. 354.

³³ Отзыв о сочинении Г.А. Ильинского «Грамоты болгарских царей с приложением семи фототипических снимков». М. 1911., составленный проф. П.А. Лавровым // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорской Академией наук. VI. Отчеты за 1911 г. Петроград, 1916. С. 250–258.

³⁴ Там же. С. 253.

³⁵ Там же. С. 258.

и сведение их воедино. Само собирание разрозненных отрывков и сведение их воедино уже является своего рода научным подвигом, требующим не только упорства и терпения, но и прекрасного знания состояния многих хранилищ рукописей, палеографических и орфографических особенностей огромного числа памятников», – пишет один из биографов ученого³⁶. В 1907 г. Г.А. Ильинский стал приват-доцентом Харьковского университета и читал здесь студентам курсы по истории южных славян³⁷ и южнославянских литератур³⁸. Тексты лекций сохранились в рукописи, но с них была сделана литография. Курс истории южных славян Г.А. Ильинский начинал с общих сведений о народах Балканского полуострова. Указав на то, что в настоящее время Балканский полуостров населяют три славянских племени – болгары, сербо-хорваты и словенцы, лектор отмечает, что несмотря на тесное этнографическое родство и близкое географическое положение южнославянских народов, исторические судьбы их были далеко не одинаковы, каждый народ развивался обособленно и лишь в исключительных случаях соединялся со своими соседями для отражения общего врага. «При таких условиях можно говорить не об истории южных славян как одного политического целого, а лишь об истории болгар или сербо-хорватов, или об истории словенцев», – констатирует лектор. Эта констатация свидетельствует о том, что в русской историографии уже прочно установился взгляд на историческое развитие славянских народов в зависимости от условий их существования – географических, климатических и других, а также контактов с другими народами неславянского характера, влияния их на славян, на образ жизни и культуру. Характерной чертой межславянских отношений до турецкого завоевания была взаимная вражда. Таким образом, Г.А. Ильинский представляет собой ученого того направления в славяноведении, которое выступало против сторонников теории общей истории славян, связанных языковым родством, православной религией и греческим культурным влиянием. Г.А. Ильинский, не являясь профессиональным историком, на основании глубокого исследования комплекса дисциплин, связанных со славянским языком, славянской письменностью, и в целом духовной культуры славян, пришел к выводам, признанным прогрессивной наукой того времени. В дальнейшем изложении истории южных славян автор лекций отводит первое место болгарам на том основании, что они начали расселяться на Балканском полуострове

³⁶ Журавлев В.Х. Григорий Андреевич Ильинский. М., 1962. С. 18.

³⁷ Ильинский Г.А. Краткий курс истории южных славян, читанный в 1908/9 учебном году в Харьковском Императорском университете. Издание филологического отдела Общества взаимопомощи студентов Харьковского университета. Харьков, 1909.

³⁸ Ильинский Г.А. Лекции по истории южнославянских литератур, читанные в Харьковском университете в 1907/8 учебном году. Харьков, 1908.

раньше других славян. В то время как словенцы заняли свои территории не ранее VI в., а сербы не ранее середины VII столетия, те славяне, которые впоследствии вошли в состав Тюркско-болгарского царства, начали проникать на Балканский полуостров еще в конце V века. Таким образом, болгарские славяне являются древнейшими представителями славянского населения на полуострове. Осветив дальше вопрос о том, при каких обстоятельствах балканские славяне получили имя «болгары», Г.А. Ильинский ставит им в историческую заслугу создание первого славянского государства на Балканах. Это государство не органически выросло из «первоначальных родовых общин, – говорит лектор, – а явилось чем-то вроде компромисса... славянского общинного (задружного) быта с самодержавным строем тюркской орды, покорившей в VII в. мизийских славян»³⁹. «В то время как словенцы, хорваты и сербы все еще продолжали пребывать на стадии примитивного племенного быта, восточно-балканские славяне, хотя бы и под властью иноплеменной орды сумели не только организовать могущественное государство, но и в три-четыре века ассимилировать с собой своих победителей. Все это доказывает глубокую жизненную силу болгарских славян, их великую государственную мудрость и огромный политический такт»⁴⁰, – констатирует Г.А. Ильинский. Таким образом, и в вопросе возникновения славянской государственности, ученый стоит на современной ему научной позиции.

Затем лектор говорит о периодах развития Болгарской империи, выделив шесть таких периодов с 679 до окончательного завоевания Болгарии турками. Характеризуются все эти эпохи, подробно освещаются времена наивысшего могущества Болгарского государства при Симеоне, особенно выделяется культурная политика этого болгарского царя. Отмечается результативная деятельность бежавших из Моравии учеников Мефодия, перечисляются древнейшие памятники болгарской письменности.

В лекциях по истории южнославянских литератур⁴¹ ученый дает характеристику этих памятников, указывает на их происхождение и современное местонахождение. Обращается внимание на язык каждого памятника. Самым крупным писателем эпохи царя Симеона был старший ученик Мефодия – Климент, на деятельности которого Г.А. Ильинский останавливается особенно подробно⁴². Основательно освещается творчество другого ученика Мефодия – Константина⁴³, говорится о творчестве Иоанна Экзарха, о трудах Пресвитера Григория и некоторых других книжников.

³⁹ *Ильинский Г.А.* Краткий курс истории южных славян. С. 3.

⁴⁰ Там же. С. 4.

⁴¹ *Ильинский Г.А.* Лекции по истории южнославянских литератур. С. 12–14.

⁴² Там же. С. 19–30.

⁴³ Там же. С. 32–36.

Дальнейшее изложение истории Болгарии Г.А. Ильинский осуществляет по своей периодизации, выделяя в каждой эпохе правление отдельных царей. Так, при сыне Симеона Петре I отмечается ослабление Болгарии и падение культуры. Особое внимание лектор уделяет вопросу о богомилстве. Он говорит о широком распространении богомилства на востоке и особенно на западе – в Италии, Франции, Германии. На наш взгляд, мнение о переносе богомилства на Западную Европу достаточно сомнительно. Хотя действительно все дуалистические секты Европы назывались «богомилы», однако это не означает, что учение было занесено из Болгарии. Некоторое сходство идей почти всех еретических учений средневековья объясняется единым (и единственным) идеологическим источником – Священным Писанием, которое в зависимости от конкретных условий толковалось, интерпретировалось и развивалось в бесчисленном многообразии вариантов. Поэтому представляется неосновательным рассуждение Г.А. Ильинского, например, о том, что «богомилы несомненно подготовили почву для гуситского движения» в Чехии. Как известно, гуситское движение XV в. с точки зрения религиозной являлось ранней реформацией католической церкви в Европе. Оно имело сложный характер: было общенародным, отличалось четкой программой и самостоятельной идеологией, на определенном этапе национально направленным. Существование сети вальденсов на юге Чехии в XIV–XV вв., возможно, и повлияло на взгляды самой радикальной части гуситов, но они быстро были истреблены остальными таборитами и даже в период наивысшего радикализма гуситской революции не составляли значительного числа.

Автор лекций далее останавливается на своеобразном философском и социальном мирозерцании богомилов, излагает сущность их учения и отмечает большое разнообразие в толковании болгарскими богомилами определенных пунктов их доктрины. В общей характеристике богомилства Г.А. Ильинский в целом высказывает широко распространенное в русской историографии в начале XX в. мнение. Но в лекциях по истории южнославянских литератур он приводит много нового, интересного материала. Здесь богомилству посвящена большая глава «Богомилская и антибогомилская литература»⁴⁴. И хотя часть текста лекций дословно совпадает с текстом в «Истории», здесь много подробностей: указывается литература, в которой анализируются произведения, содержащие богомилские положения, излагается история изучения апокрифической компиляции попа Иеремии⁴⁵. Автор подробно останавливается на антибогомилской «Беседе» Козмы Пресвитера⁴⁶. По поводу

⁴⁴ *Ильинский Г.А.* Лекции по истории южнославянских литератур. С. 52–57.

⁴⁵ Там же. С. 58–60.

⁴⁶ Там же. С. 61–62.

состава сочинения Козмы Г.А. Ильинский присоединяется к точке зрения, высказанной болгарским историком В.Н. Златарским и поддержанной дополнительными аргументами русских ученых⁴⁷.

Характеризуя творчество сторонников богомилства, Г.А. Ильинский констатирует, что «литературное творчество богомилов не соответствовало практическому значению их учения ни широтой своего размаха, ни внутренней ценностью содержания»⁴⁸. Выводы ученого сводятся к убеждению, что богомилы лишь использовали для своих целей христианские апокрифы, толковали их в духе своего учения и иногда делали вставки. Сами они не составляли апокрифов и, вероятно, не принимали участия в переводе этих произведений с греческого языка на славянский.

В целом же история Болгарии Г.А. Ильинским изложена традиционно, по правлению царей и династий. Основой автору служила историческая литература, преимущественно русская, накопившая в XX в. значительный багаж исследований. Курс лекций по истории южнославянских литератур является результатом многолетнего изучения автором самих источников, которые он разыскал, систематизировал, многие впервые обнаружил и ввел в научный оборот. Он исследовал тексты памятников, оценивая их место в истории письменности и историко-литературное значение. Так, Г.А. Ильинский сообщает много нового о житиях болгарских святых, в первую очередь Иоанна Рильского, а также Свв. Иоакима, Гавриила и Прохора.

В лекциях по истории болгарской литературы Г.А. Ильинский рассматривает «Синодик царя Бориса» и отмечает, что памятник «имеет громадную важность для изучения внутреннего состояния Болгарии» в XIII в. Охарактеризовав кратко историческую обстановку, в которой возник «Синодик», автор лекций говорит о его литературном значении.

В дальнейшем изложении истории болгарской литературы Г.А. Ильинский останавливается на ее развитии в XIV в., называя это явление «эпохой Евфимия, патриарха Тырновского». Указав коротко на сущность деятельности Евфимия, его последователей и учеников по переводу на славянский язык капитальных произведений византийской литературы, исправлению правописания рукописей и созданию оригинальных литературных сочинений, автор характеризует этот процесс как возрождение болгарской литературы, напомнившее болгарам лучшие времена царя Симеона. Г.А. Ильинский считает, что деятельность Тыр-

⁴⁷ До начала XX в. в русской литературе господствовало мнение, что Козма Пресвитер написал несколько «Бесед» против богомилов. Анализ текста произведения, осуществленный В. Златарским, убедительно показал, что произведение Козмы Пресвитера представляет собой единое сочинение и должно называться «Беседа» вместо «Беседы», как писалось в литературе XIX века.

⁴⁸ *Ильинский Г.А.* Лекции по истории южнославянских литератур. С. 63.

новского патриарха Евфимия носила незаурядный характер в истории болгарской письменности. «И как реформатор болгарского правописания, и как редактор нового перевода некоторых книг Св. Писания, и как церковный проповедник, и как агиограф, и как автор посланий патриарх Евфимий обнаружил недюжинные дарования, глубокий патриотизм, огромное трудолюбие и ясное сознание своих задач и миссий»⁴⁹, – говорит лектор. Финал деятельности этого замечательного представителя средневековой болгарской культуры был весьма трагическим. В 1393 г. Тырнов был взят турками, политическая независимость Болгарии уничтожена. Чудом спасшийся от смерти патриарх отправился в ссылку в Южную Болгарию, где и закончил свои дни, всеми забытый и никому не нужный. На этой печальной ноте заканчивает Г.А. Ильинский изложение истории болгарской литературы⁵⁰.

Общая оценка средневековой болгарской культуры Г.А. Ильинским сводится к тому, что она заимствована из Византии, переосмыслена и приспособлена к болгарской специфике. Это положение убедительно и ярко доказано автором. Многие вошло в Болгарию из Византии целиком, без осмысления, что также не вызывает сомнения.

Таким образом, Г.А. Ильинский был сторонником мнения о том, что культура народов имеет возможность для развития, когда обогащается за счет достижений других народов и усваивает себе то, что подходит к образу жизни того или иного народа и в то же время обогащает других достижениями собственного духа. Эта точка зрения подтверждается и творчеством самого Г.А. Ильинского.

Материал лекций Г.А. Ильинского по истории и литературе Болгарии, свидетельствует об обширной эрудиции ученого в этой области, о доскональном знании источниковой базы, что дало ему возможность открыть новое, пересмотреть или уточнить уже известное и создать в русской историографии картину исследования предмета, основанную на достижениях современной науки. Слушатели его лекций в университете получали подробную информацию как по истории, так и по культуре Болгарии. Правда, в этих лекциях нет сведений об экономическом развитии болгарского государства, об уровне развития производительных сил, занятиях и жизни простого народа. Г.А. Ильинский на основании богатого фактического материала рассказал о царях и представителях господствующих классов, как светских, так и церковных, приобретших свое богатство за счет трудового населения, славу и могущество благодаря той военной силе, основу которой составлял тот же народ.

⁴⁹ *Ильинский Г.А.* Лекции по истории южнославянских литератур. С. 85.

⁵⁰ Подробно о содержании лекций Г.А. Ильинского по истории и литературе Болгарии см.: *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 688–717.

Впрочем, такой подход к истории развития славянских народов в русском дореволюционном славяноведении был типичным. Что касается лекций по истории славянских литератур, то Г.А. Ильинский, лично внесший большой вклад в открытие памятников письменности, их изучение и издание, относился к первоклассным ученым в этой области и свои научные достижения успешно передавал студентам. В своем письме к В.А. Францеву он сообщал, что в Харькове он «читал обязательные курсы 2 года. Первый год – историю южных славян и историю южнославянских литератур, 2-й год – историю западнославянских народов». «Эти же курсы читались мною, – пишет Г.А.Ильинский, – параллельно на ВЖК⁵¹ и кроме этого церковно-славянский, русский и сербский языки»⁵². Однако в Харьковском университете столь квалифицированный славист проработал всего два года, занимая должность приват-доцента. Дело в том, что в дореволюционных российских университетах на кафедре славянской филологии полагался один ординарный профессор и новым молодым славистам, иногда уже докторам наук, приходилось ждать профессорской ставки. Должность приват-доцентов ниже оплачивалась, была менее престижна, хотя, как правило, приват-доценты относились к числу квалифицированных и передовых кадров славистов. В 1909 г. Г.А. Ильинский был избран профессором Нежинского историко-филологического института. Это частное высшее учебное заведение Российской империи имело ограниченный контингент слушателей, однако давало им хорошее образование. Оно славилось хорошей славистической библиотекой и служило как бы пунктом, где молодому специалисту можно было «переждать» время, а потом перейти на освободившееся место в каком-либо университете. Так, в Нежине начинали свою деятельность в области славяноведения известные впоследствии ученые – М.И. Сперанский, М.И. Соколов и ряд других. Но Нежин был маленьким провинциальным городком, в нем отсутствовала та среда, которая необходима для людей, занимающихся умственным трудом. Ограниченность общения с людьми «интеллигентного круга» приводила к текучести кадров и профессора Нежинского историко-филологического института при первой возможности оставляли этот по выражению Ильинского «некультурный» город. С 1909 г. Г.А. Ильинский преподавал в этом учебном заведении. Правда одновременно он читал лекции на Высших женских курсах в Киеве, где жил и выезжал в Нежин только на лекции. О содержании своей педагогической работы он сообщал В.А. Францеву 24 августа 1910 г.: «Здесь в Нежине центральным предметом моих занятий со студентами служит русский язык. Хотя он близко подходит

⁵¹ ВЖК – Высшие женские курсы.

⁵² Письмо Г.А. Ильинского В.А. Францеву 13 декабря 1910 г. // Литературный Архив Памятника Национальной письменности в Праге. Francev č. 129/42.

к предмету нашей специальности, все таки мое сердце, как слависта, гораздо ближе лежит к другим славянским языкам. Возможность посвятить себя их изучению исключительно, очень соблазняет меня в Варшаве, не говоря уже о других чисто внешних условиях жизни этого прекрасного города»⁵³. Это письмо было связано с попыткой Г.А. Ильинского получить место профессора в Варшавском университете, но удача не сопутствовала ученому в этом деле.

В 1916 г. Г.А. Ильинский был избран ординарным профессором Юрьевского университета, где принял активное участие в организации журнала «Византийское обозрение», печатавшего так же статьи по вопросам ранней культуры славян.

После Октябрьской революции 1917 г. личная и творческая жизнь Г.А. Ильинского сложилась драматично и закончилась трагедией. Сначала он работал в Воронеже, куда был эвакуирован Юрьевский университет. В 1920 г. переехал в Саратов, в январе 1927 г. – в Казань, а осенью того же года был избран профессором кафедры славистики 1-го МГУ и поселился в Москве. Все это время Г.А. Ильинский занимался проблемами языкознания в самом широком аспекте. Его труды в области лингвистики были известны и высоко оценивались как в России, так и за рубежом. В 1921 г. он был избран в члены-корреспонденты Российской академии наук, а впоследствии стал членом Болгарской и Польской академий. В 1930 г. ряд академиков выдвинул кандидатуру Ильинского в действительные члены Академии наук СССР. Однако Г.А. Ильинский занимал непримиримую позицию по отношению к новому учению о языке, придуманному академиком Н.Я. Марром и решительно защищал индоевропейскую теорию. В связи с этим не был избран в академию. В послереволюционный период Г.А. Ильинский создал ряд крупных трудов. Многие из них были опубликованы за границей. Большой интерес представляет статья «Что такое славянская филология?»⁵⁴. Прямое отношение к истории южных славян вообще и Болгарии в частности имеет статья, посвященная памяти известного русского историка-

⁵³ Письмо Г.А. Ильинского В.А. Францеву 24 августа 1910 г. // Там же. Francev ъ. 129/42. В связи с этой попыткой Г.А.Ильинский выслал список своих напечатанных работ до 1909 г. Документ важен для дальнейшего изучения биографии и творчества ученого, т.к. полная библиография его трудов пока не составлена.

⁵⁴ Статья впервые была опубликована в «Ученых записках Саратовского университета» (1923. Т. I. Вып. 3. С. 123–135) с цензурными сокращениями. Полностью она была напечатана в болгарском журнале «Славянский глас» в 1926 г. (Кн. 1–2. С. 8–18; Кн. 3. С. 15–22). Этот текст опубликован в приложении к кн.: *Горяинов А.Н.* В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006.

слависта Т.Д. Флоринского⁵⁵, опубликованная в болгарском журнале «Славянский глас» и особенно многолетний труд ученого «Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии»⁵⁶. Но плодотворная деятельность известного ученого была насильственно прервана. В 1934 г. Ильинский был арестован по делу о так называемой «Русской национальной партии» (Дело славистов) и осужден на 10 лет лагерей. В виду того, что названной партии не существовало, лагерь был заменен ссылкой в Сибирь. В 1936 г. Г.А. Ильинский был освобожден от отбывания ссылки и поселился в Томске. Там 19 ноября 1937 г. он был повторно арестован, осужден и расстрелян 14 декабря 1937 г. О последних годах его жизни рассказывает книга «Дело славистов»⁵⁷, а послереволюционная научная деятельность одного из крупнейших ученых филологов, которыми могла гордиться русская наука XX в., изложена подробно и правдиво в монографии М.А. Робинсона⁵⁸.

⁵⁵ *Ильинский Г. Т.Д.* Флоринский как историк славянства (К десятилетию со дня его смерти) // Славянский глас. 1929. Кн. 3. С. 79–83; Кн. 4. С. 124–128. Опубликовано в России А.Н.Горяиновым (Византийский временник, 2006, Т. 65(90), С. 325–322).

⁵⁶ *Ильинский Г.А.* Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934.

⁵⁷ *Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

⁵⁸ *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.

СТАТЬИ ИЗ ЧЕХИИ

Я. Вацулик

МАСАРИК И УКРАИНА

В мае 1917 г. в Киеве состоялся III съезд Союза чехословацких обществ в России, утвердивший устав русского филиала Парижского Чехословацкого Национального совета. Председателем филиала должен был стать член Национального совета, находящийся в России. Членами филиала были представители чешских обществ, добровольцы из рядов чехословацкого корпуса и пленные австро-венгерской армии, работавшие на русских предприятиях или находившиеся в лагерях военнопленных.

Сразу же после киевского съезда, 16 мая 1917 г., Т.Г. Масарик приехал в Петроград. В течение двух ближайших месяцев он побывал также в Москве, в Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве, вел переговоры с представителями Временного правительства, посланниками стран Антанты и посетил лагерь добровольцев. После боя у Зборов, где особенно отличились чехословацкие legionеры, Масарик 27 июля 1917 г. приехал в Киев, где на излечении находилось много чешских солдат. Сразу же после приезда Масарик посетил Кирилловскую больницу, где его с почетом встретил председатель Союза чехословацких обществ хирург Вацлав Гирса. На следующий день в Старом пассаже на Крещатике Масарик встретился с чешскими предпринимателями. 31 июля 1917 г., на обеде в доме Отакара Червены он беседовал с киевскими чехами из Общества Я.А. Коменского, Славянского издательства и Чехословацкого корпуса.

3 августа 1917 г. Масарик выступил на собрании добровольцев («большом таборе») во внутреннем дворе Университета св. Владимира. Масарик говорил о необходимости создания чехословацкой армии как фундамента будущего государства. Выступление Масарика заканчивалось словами: «Австрия должна быть уничтожена, Габсбурги должны

быть уничтожены. Мы хотим независимости для чехословацкого народа, мы хотим видеть свободную Европу»¹.

Начиная с августа 1917 г. Масарик стал частым гостем в здании Педагогического музея, в котором размещалась тогда Центральная Рада Украины. Здесь он вел переговоры с М. Грушевским, В. Винниченко, С. Петлюрой, В. Шульгиным и другими украинскими политическими деятелями о статусе чехословацкого корпуса на территории суверенной Украины.

В зале Педагогического музея проходили собрания военнопленных чехов, которые часто были очень бурными. По воспоминаниям современника, стены Педагогического музея «сотрясались до основания»² во время споров военнопленных, которые и слева, и справа критиковали руководство Союза чехословацких обществ.

25 ноября 1917 г. здесь, на митинге австрийских и венгерских украинцев под лозунгом «Конец войне – конец Австро-Венгрии», выступил Масарик. Участники митинга протестовали против плана присоединения Галиции к польскому государству, созданному в 1916 г. на территории российской части Польши Германией и Австро-Венгрией. На митинге присутствовали также чехи, словаки, сербы и румыны. Когда председатель объявил выступление Масарика, присутствующие встали и аплодировали, а также возгласами «Слава», «Приветствуем» встретили лидера чехословацкого освободительного движения. Завершая речь, Масарик заявил: «Я хочу пожелать вам и всем народам Габсбургской империи, чтобы конец этой войны стал и концом Австро-Венгрии!»

В конце января 1918 г. в Киеве прошло заседание филиала Чехословацкого Национального совета с участием Масарика, на котором решался вопрос вывода чехословацких войск из Украины. Масарик заявил, что чехи на Украине являются иностранцами, поэтому их отношения с местным населением и органами власти должны основываться на нормах международного права.

Необходимо особо отметить, что Масарик стремился отделить языковой и национальный аспекты от политического. У него было особое отношение к идее украинской независимости. Еще до провозглашения независимости Украины, Масарик писал в статье, напечатанной 5 января 1918 г. в специальном номере «Чехословацкого дневника», печатном органе филиала Чехословацкого Национального совета (ЧНС) и Союза чехословацких обществ в России (СЧОР), что «Украину и ее республику признаем»³. Однако он имел в виду Украину как автономную часть Рос-

¹ Муратов А., Муратова Д. Чехи в России. URL: <http://www.aid.eu/article.php?sid=74> (дата обращения: 19.11.2012).

² Там же. URL: <http://www.aid.eu/article.php?sid=75> (дата обращения: 19.11.2012).

³ Československý denník. 05.01.1918.

сийской Федерации, так, как она была провозглашена III Универсалом Центральной Рады в ноябре 1917 г. Поскольку в то время на украинской территории находился чехословацкий корпус, возникла необходимость урегулировать его отношения с правительством автономной Украины. Украинское правительство приняло на себя обязательства предыдущего российского правительства по отношению к чехословацкому корпусу, а Чехословацкий Национальный совет признал правительство Украины. Чехословаки согласились нести караульную службу, а украинское правительство признало их нейтралитет по отношению к политической борьбе в Украине. В случае заключения мира с Четверным союзом соглашение предусматривало свободный уход чехословаков из Украины. «Это с точки зрения чехов и словаков, мы могли принять», – сказал Масарик после возвращения из Украины на собрании Филиала ЧСНС в Москве, которое состоялось 27 февраля 1918 г.⁴

Ситуация изменилась после провозглашения полной независимости Украины IV Универсалом Центральной Рады в январе 1918 г., когда украинский парламент высказался за мир и подписание соглашения с Четверным союзом. В связи с этим Масарик заявил: «Я лично, если вообще имею право об этом говорить, не могу признать самостоятельную Украину вне России в качестве юридического и политического субъекта»⁵. Одной из причин этого было его стремление сохранить корректные отношения со всеми русскими политическими партиями, включая большевиков, так как от этого зависела возможность проезда чехословацкого корпуса из Украины через Россию во Францию.

В независимости Украины в соответствии с IV Универсалом Масарик видел выгоду для немецких и австрийских пангерманистов⁶. Следствием провозглашения независимости Украины и подписания Брест-Литовского договора было решение Масарика об выводе чехословацкого корпуса из Украины. В своей книге «Мировая революция» Масарик подчеркивал, что Чехословацкий Национальный совет не хочет выступать против Украины и ее политики, однако украинский вопрос будет решать и Россия, а «мы во внутренние дела России принципиально не вмешиваемся»⁷. В своей книге «Славянские проблемы» Масарик отмечал, что распад России играет на руку Германии⁸.

Еще до октябрьского переворота 1917 г. на заседании Филиала Чехословацкого Национального совета в Петрограде 12 октября 1917 г. Масарик заявлял: «Однако мы должны вмешиваться. На Волыни живут

⁴ Čechoslovák, 1918. S. 121.

⁵ Там же.

⁶ Masarik T.G. Nová Evropa. Brno, 1994. S. 137–138.

⁷ Idem. Světová revoluce. Praha, 1925. S. 219.

⁸ Idem. Slovanské problémy. Praha, 1928. S. 91–92.

наши чехи, перед которыми стоит украинский вопрос»⁹. До принятия украинского закона о национально-персональной автономии для национальных меньшинств, в январе 1918 г. при правлении Союза чехословацких обществ в России была создана комиссия для разработки проекта образования чехословацкой автономии на Украине. Заседание комиссии, на котором присутствовали председатель Чехословацкого Национального союза Масарик и председатель правления Вацлав Гирса, состоялось 19 января 1918 г. в Киеве. Комиссия ознакомилась с проектом закона о национальной автономии, который был принят через несколько дней. Она констатировала, что образование национальной автономии чехов и словаков на Украине (около 30 тысяч человек) в кратчайший срок является жизненным условием культурного и хозяйственного развития чехов и словаков, проживающих в Украинской Народной Республике. Комиссия выразила надежду на скорое политическое освобождение чешского народа и образование независимого чехословацкого демократического государства. Она призвала всех соотечественников всеми силами содействовать достижению этой цели и поддерживать Филиал Чехословацкого Национального совета в России.

Условием образования национально-персональной автономии было предоставление подписей 10 тысяч человек, принадлежавших к этой национальности. Поэтому правление Союза чехословацких обществ на Руси решило послать своих эмиссаров в места компактного проживания чехов, прежде всего на Волынь, для организации сбора подписей. После этого правление Союза планировало провести выборы в Чехословацкое Учредительное собрание на Украине.

Под национальной личной автономией чехов и словаков на Украине подразумевалось право на самобытный уклад жизни на основе национальных традиций. В сфере самоуправления должны были находиться вопросы, признанные таковыми и для других национальностей Украинской Народной Республики – великороссов, поляков и евреев. Это были вопросы местного управления, просвещения, общественных работ, сельского хозяйства и финансов. Все чехи и словаки, проживавшие на Украине, должны были войти в Чехословацкий национальный союз Украины. Он должен был составлять списки граждан чешской и словацкой национальности, которые предполагалось внести в Чехословацкий национальный кадастр Украины. Высшим органом Национального союза должно было стать Учредительное, а позже – Национальное собрание, избранное членами Союза. Учредительное собрание должно предполагалось избрать на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Исполнительным органом Национального союза должен был стать Наци-

⁹ *Masarik T.G. V boji za samostatnost. Praha, 1927. S. 107.*

ональный совет чехов и словаков Украины в составе председателя, его заместителя и восьми членов – руководителей секций¹⁰.

Правительство Украинской Народной Республики признало Чехословацкий Национальный совет в Париже во главе с Масариком представителем интересов чехов и словаков, находящихся за пределами Чехии и Словакии, а Филиал ЧСНС в России – его исполнительным органом в Украине. Филиал уполномочил Союз чехословацких обществ заняться организацией автономии чехов и словаков в Украине в соответствии с законами Украинской Народной Республики, в частности, законом о персональной национальной автономии¹¹.

В середине 1918 г. Союз чехословацких обществ направил украинскому правительству письмо, в котором указывал, что из-за всеобщего хаоса не может собрать необходимые 10 тысяч подписей. Поэтому Союз просил временно признать представителем интересов чехов и словаков на Украине правление Союза обществ. Кроме того, предлагалось ввести в составе украинского правительства должность министра или, по крайней мере, чрезвычайного комиссара по чехословацким вопросам. Союз ссылаясь при этом на то, что другие национальности – великороссы, поляки и евреи – имеют своих министров¹².

Закон о национально-персональной автономии прокомментировал в печатном органе Филиала ЧСНС и Союза чехословацких обществ в России «Чехословацком дневнике» член Филиала Йозеф Патейдл. Он информировал читателей о том, что под национальной автономией подразумевается право определенной нации на устройство жизни в соответствии с национальными обычаями. Она выражается в самостоятельном решении вопросов, касающихся общих потребностей каждой нации. К числу такого рода потребностей относилось создание органов самоуправления низшего уровня, обеспечение личной безопасности, здравоохранение, образование, связь, благотворительность и т.п. Национальные центры должны были создавать национальные учреждения, такие как Национальный дом, библиотека, театр и другие учреждения культуры, средние и высшие профессиональные учебные заведения, а также представлять интересы нации в органах государственной власти. Боль-

¹⁰ Vojenský historický archiv Praha (VHA). Ф. Svaz československých spolků na Rusi (SČSR). К. 9. Конституция национальной автономии. *Симоненко Р.Г.* Национально-культурная автономия на Украине в 1917–1978 гг. // Вопросы истории. 1997. №1. С. 50–63.

¹¹ VHA. Ф. SČSR. К. 9. Инв. № 49. Письмо Филиала ЧСНС правлению СЧОР от 11.01.1918 г.

¹² Там же. Письмо СЧОР правительству УНР от 15.01.1918 г.

шая часть расходов должна была покрываться из бюджета Украинской Народной Республики¹³.

Конституция Украинской Народной Республики, утвержденная Центральной Радой, включала в себя все десять статей закона о национально-персональной автономии народов Украины. Однако она не вступила в действие, поскольку в день ее принятия произошел государственный переворот и к власти пришел гетман Скоропадский.

Политические принципы УНР были восстановлены после свержения Скоропадского Директорией в декабре 1918 г. В политической платформе Директории от 26 декабря 1918 г. говорилось о вступлении в действие закона о национально-персональной автономии. Однако политическая реальность на Украине не позволила сделать этого. Страна стала ареной ожесточенных военных действий и разгула анархии. Небольшая армия Директории оказалась не в состоянии защитить население. Погромам подвергались не только евреи, но и украинцы¹⁴.

Когда в мае 1919 г. Директория потеряла Волынь, занятую большевиками и поляками, Союз чешских колонистов на Волыни обратился к польским властям во Львове с просьбой о защите от большевиков, которые, по слухам, намеревались убить сотни чехов, поляков и русских¹⁵. Под лозунгом равенства и братства люмпены грабили и убивали зажиточных граждан.

Союз избрал четырех делегатов, которые в мае 1919 г. были направлены в Прагу для установления связи с президентом Масариком и чехословацким правительством. Был составлен меморандум о проблемах украинских чехов, содержание которого было согласовано с советником украинской дипломатической миссии в ЧСР Венцеславом Швиговским. Союз колонистов просил защитить имущественные и культурно-политические интересы чехов и назначить атташе по делам чешских колонистов. В меморандуме обращалось внимание на дороговизну всех предметов первой необходимости и продовольствия вследствие расстройств транспортного сообщения и безудержной спекуляции. Волынские колонисты настоятельно рекомендовали приложить все усилия для создания общей границы между ЧСР и Украиной. Это могло быть достигнуто посредством присоединения восточной Галиции к Украине, а территории проживания венгерских русинов – к ЧСР.

В соответствии с меморандумом, «братоубийственная гражданская война и кошмарная власть вооруженных безнаказанных грабителей повлекли за собой десятки жертв со стороны чешского населения. Одно

¹³ Československý denník. 1918.

¹⁴ Гунчак Т. Українська Народна Республіка і національні меншості // *Ukrainska mysl polityczna w XX wieku*. Kraków, 1993. S. 96.

¹⁵ Národní archiv Praha (NA). Ф. Národní rada československá. К. 357.

восстание сменяется другим, и каждая партия, во власти которой, пусть на короткое время, оказывается наше население, получает полное право распоряжаться жизнью людей и их имуществом, силой угроз проводит мобилизации, реквизирует последних лошадей, зерно и даже белье, а, со своей стороны, не предоставляет никакой защиты от грабителей, которые, по сути дела, сегодня являются хозяевами положения»¹⁶.

Редакция аграрного «Венкова» договорилась о приеме делегации в Пражском Граде президентом Масариком, состоявшейся во время вторжения венгерских большевиков в Словакию и добровольной мобилизации соколов. Делегация пожелала президенту успеха и передала ему Памятный лист, в котором говорилось о том, что каждый новый политический переворот в Украине имел следствием активизацию банд грабителей и убийц¹⁷. Чехи, как отмечалось в листе, испытали особенно много несправедливости и насилия. Наверное, не было ни одного чешского села на Украине, которое обошли грабежи и убийства, во многих местах погибли целые семьи. Украинские власти оказались не в состоянии обеспечить безопасность своих граждан, так как в хаосе, принесенном в общество большевистскими агитаторами, все законы и распоряжения властей игнорировались люмпенами, одетыми в военную форму.

Социалистические партии (украинские эсеры и социал-демократы) в январе 1918 г. добились издания закона о земле, который был призван обеспечить проведение земельной реформы в интересах крестьян. Аграрный закон УНР отменял частную собственность на землю. В законе Центральной Рады устанавливалось владение участком земли в размере не более 40 десятин, в законе Директории максимальная площадь участка была снижена до 15 десятин¹⁸. Этот закон вызвал опасения чехов, владения которых превышали 15 десятин.

Памятный лист обращал внимание на то, что в местах, через которые проходил фронт, многие чешские поселения были разорены и вынужденное оставить их население находило при возвращении лишь развалины. Земли зажиточных чехов уже были частично самовольно разделены между украинцами. Деньги потеряли свою стоимость, а виды на урожай 1919 г. плачевными.

Поэтому чехи обращались к президенту Масарику, как «отцу» всех чехословаков походатайствовать перед украинским правительством о принятии закона, защищающего собственность чехов и предоставляющего им национально-персональную автономию.

¹⁶ NA. Ф. Svaz Čechů z Volyně. K. 91.

¹⁷ Archiv Kancléře prezidenta republiky. R2593/19. Инв. № 53.

¹⁸ Лозовый В.С. Аграрна політика Директорії УНР // Український історичний журнал. 1997. № 2. С. 68–76.

Несмотря на указанные проблемы, следует признать, что украинские власти относились к чехам очень корректно и шли им навстречу. Газеты благожелательно отзывались о новой ЧСР, а большинство населения было настроено дружелюбно по отношению к чехам. Против чехов агитировали большевики, называвшие их реакционерами и контрреволюционерами. Однако мало кого из украинцев им удалось склонить на свою сторону. Волынские чехи были заинтересованы в том, чтобы новая ЧСР наладила с новой Украиной дружественные отношения и их связи с исторической Родиной стали бы более прочными, чем во времена Австро-Венгрии.

(При финансовой поддержке Научной фондации Чешской республики – проект № 410/12/0142.)

Ф. Чапка

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ФИЗКУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ «СОКОЛ» В ЧЕШСКИХ ЗЕМЛЯХ И СЛАВЯНСТВО

С середины XIX века во многих странах Европы происходил процесс становления современного общества и формирования новых наций. Он развернулся и в чешских землях, входивших в состав Габсбургской монархии (с 1867 г. – Австро-Венгрии). Во время революции 1848–1849 гг. чехи открыли для себя «мир политики». Однако революция потерпела поражение. От «большой политики» пришлось отказаться. 1850-е гг. сопровождалась полицейским террором. Лишь упразднение абсолютной монархии и установление конституционной системы в начале 1860-х гг. способствовали оживлению чешской политической жизни¹. Речь шла при этом о так называемой «малой политике», позже названной даже «мелкой». Она сводилась к повседневной культурной, творческой, образовательной и воспитательно-патриотической деятельности.

Чувство национальной неполноценности чешские патриоты старались преодолеть с помощью идеи славянской взаимности. Сначала они ориентировались на Россию и подчас некритически поддавались русофильству, оказавшись в плену иллюзии о положительном влиянии России. Чешских патриотов привлекало то, что чешский национализм был таким же романтично-эмоциональным, как русский, и выражался в литературной форме. Свою роль сыграло и то, что население Российской империи говорило на родственном чешскому языке. Последнее лежало в основе представления, что чех скорее договорится с русским, чем с немцем или французом. От этой языковой иллюзии было недалеко и до иллюзии государственно-политической, мечты о том, что «большой русский славянский брат и великан», раскинувшийся от «Камчатки до Адриатики» поможет угнетенным народам Центральной Европы, «своим младшим славянским братьям». Помощь, оказанная Россией сербам в деле их освобождения в начале XIX в., питала надежду на то, что и другие славянские народы смогут рассчитывать на нее, и Россия создаст мощную славянскую империю, во главе которой встанет царь². Русо-

¹ См.: Чапка Ф. Dějiny českých zemí 1800–1918. Brno, 2003. S. 89–106; Urban O. Česká společnost 1848–1918. Praha, 1982. S. 142–190.

² Bidlo J. Historický vývoj Slovanstva // Slovanství. Sborník. Praha, 1912.

фильство (особенно под влиянием польских восстаний 1830 и 1863 гг.) постепенно сошло на нет³.

Наряду с русофильством развивалась и тесно связанная с ним идея славянской взаимности. Она исходила из того, что процессу освобождения славянских народов поможет их сближение и взаимопомощь, а в будущем – объединение. Эта идея основывалась на том, что славяне имеют уходящие вглубь столетий культурно-цивилизационные связи. Эти взгляды порождали политический панславизм, вызывавший острое неприятие австрийских властей. Поэтому чешские приверженцы идеи славянской взаимности делали акцент на развитии культурных и литературных связей.

Начиная с 30-х гг. XIX в. идея славянской взаимности захватила чешское национальное движение. Прага привлекала многих славянских ученых и поэтов⁴. Чехи и зарубежные славяне обменивались письмами, научными трудами, журналами и литературными произведениями. Особенно тесные связи чехи установили с южными славянами, однако желанными гостями Праги были московский профессор О.М. Бодянский и профессор Казанского университета В.И. Григоревич, основатели русского славяноведения⁵.

Против такого идиллически восторженного восприятия славянства уже до 1848 г. высказывались многие чешские политики. Громче всех звучал голос Карла Гавличека Боровского. В большой статье «Славянин

³ См.: *Vlček R. Ruský panslavismus – realita a fikce. Praha, 2002. S. 10–38; Švankmajer M. Ještě k otázce českého rusofilství // Slovanský přehled. 50. 1964. S. 23–25; Švankmajer M. Počátky českého rusofilství. K problematice jejich studia // Slovanské historické studie. 7. 1968. S. 181–193.*

⁴ Интерес славян Центральной Европы к России оживил там иллюзии о том, что с помощью славянства или политически мотивированного панславизма можно усилить империю и распространять за ее пределами русскую культуру и стиль жизни. Основой для этого стала идея о политической, культурной и религиозной миссии России. Этим вопросам посвящены две исследовательские работы: *Vlček R. Panslavismus či rusofilství? Pět tezí k otázce reflexe slovanství a panslavismu českou společností 19. století // Slovanství a česká kultura 19. století. Praha, 2007. S. 9–20; Vlček R. Slovanství, panslavismus a rusofilství při formování moderního českého národa // Slovanské historické studie. 30. 1991. S. 59–109.*

⁵ Профессор Бодянский посетил Прагу в 1837 г., из Праги уехал в Сербию, а позже лечился в Грeфенберге (в настоящее время – курорт Есеник в Северной Моравии). В 1846 г. он с известным чешским поэтом К.Й. Эрбеном побывал на народном празднике под Прагой и объехал с ним Западную Богемию. Позже Бодянский перевел на русский язык труды известного словацкого историка и лингвиста П.Й. Шафарика «Slovanský přehled» и «Slovanské starožitnost». В том же 1846 г., во время своего пребывания в Праге, профессор Григоревич встретился с выдающимся историком Ф. Палацким и другими чешскими литераторами и учеными (К. Гавличек-Боровским, Ф.Л. Ригером, В.В. Томеком). См.: *Jandásek L. Turyšovo slovanství. Praha, 1947. S. 14–17.*

и чех», которая печаталась в «Пражской газете» в феврале и марте 1848 г., он выступил против понимания славянства как единой нации и призывов к языковой и культурной интеграции славян, и тем более против политического панславизма. В конце концов он заявил: «Я – чех, а не славянин»⁶. Таким образом, Гавличек разорвал заколдованный круг традиционного понимания славянской взаимности.

Усилением славянской идеи (особенно, у австрийских славян) был отмечен революционный 1848 год. Уже в его начале газеты писали о славянском бале в Вене и о состоявшемся здесь 8 марта съезде, собравшем около трех тысяч представителей славянских народов⁷. Укреплению славянской идеи должны были служить вновь образываемые общества: «Чехословацко-силезское общество» в Вене, основанная радикал-демократами в Праге «Славянская лира», а также пражское студенческое общество «Славия» или «Братство академических граждан»⁸.

Славянский энтузиазм возрастал и вырос в идею славянского съезда, манифестацию взаимности славян (02–12.06.1848 г. в Праге). Около 350 делегатов славян Австрийской империи (присутствовал и русский революционер М.А. Бакунин) предполагали всесторонне обсудить вопрос об объединении славянских народов в центрально-европейской империи. Однако наступило 12 июня, и в Праге началось восстание.

⁶ Гавличек принял такое решение вследствие разочарования, которое он испытал в 1843–1844 гг. во время своего пребывания в России в качестве воспитателя в московской семье. Первоначальное восхищение Россией постепенно переросло в расставание с иллюзией о могучей славянской «дубине» на востоке. В последующие годы он значительно смягчил остроту своей критики России и в статье «Русские» (журнал «Slovan» от 10.07.1850 г.) писал, что «...прежде всего мы должны отделять русский народ от его правительства. Одно дело – это русские, наши славянские братья, великий народ, добродушный, способный и деятельный..., и совсем другое дело – сегодняшнее русское правительство». Одновременно Гавличек изменил свое отношение к славянству и написал: «...слова мои о том, что я чех, а не славянин, не означают то, что стыжусь быть славянином, а то, что славянство – это идеал, к которому мы идем».

⁷ Первый чешский журнал в Моравии «Týdenník, listy poučné a zábavné», который начал выходить в Брно с января 1848 г., писал об этом празднике следующее: «Слушайте меня братья-славяне! Слушай меня весь мир! Славянское единение и взаимность, именно единение, которое с давних времен было нашим слабым местом и причиной всех наших несчастий, теперь становится реальностью, а славянская гениальность не позволит в это равнодушное время забыть полученный нами такой ценой опыт, говорящий о том, что нас может спасти только единение и взаимность».

⁸ Пражская газета «Národní noviny» писала о студенческой «Славии»: «На востоке солнце восходит, смотрите, народы европейские, липа славянская разрастается... С помощью идеи великого будущего познают славяне себя и вскоре исчезнет у них злоба и ненависть по отношению друг к другу, славянин познав славянина прильнет к нему и их огромная объединенная сила наполнит ужасом их общих врагов... Смотрите, миллионы презренных затрясли своими оковами и свет трясется».

Славянский съезд в суматохе был распущен. До практических шагов дело не дошло, осталась только цветистый, но не имевший практического значения «Манифест съезда славянских народов к народам Европы»⁹.

После поражения революции 1848–1849 гг. в Австрии на десять лет вновь установился режим реакционного абсолютизма. Только после 1859 г. империя возвратилась к конституционному строю. Чехи вынуждены были учиться демократии не в рамках политических партий, а в иного рода объединениях: профессиональных, благотворительных и образовательных обществах, в кружках по интересам. Такими объединениями были, например, союзы пожарных, актеров любительских театров, хоры и общества читателей, а также объединения членов касс взаимопомощи. Старые феодально-сословные структуры были разрушены новыми либеральными идеями, которые мобилизовали чешских патриотов на всесторонний подъем духа у всех слоев чешского народа. Чешские объединения, конкурировавшие с густой сетью немецких корпораций, хотя и кипели национализмом¹⁰, но одновременно воспитывали в своих членах активность, ответственность и дисциплинированность, в результате чего возникали «островки» гражданского общества, которые становились фундаментом для развития чешской предпринимательской среды.

Наряду с обществами художественно-культурного направления с начала 40-х гг. XIX в. в Праге стали появляться чешские частные учреждения, которые использовали методику немецкого турнерского (физкультурного) движения. Первое такое физкультурное лечебное учреждение было основано в Праге в 1843 г, другие появились в конце десятилетия. Эти физкультурные учреждения посещали как немецкие, так и чешские инструкторы и физкультурники, в большинстве своем студенты и интеллигенция. Именно ими в 1861 г. было принято решение об основании немецко-чешского физкультурного общества «Прагер Меннер Турнферайн». Идея его основания возникла у немцев, официальным языком общества должен был стать немецкий¹¹. В качестве сотрудника в общество был приглашен один из самых известных пражских инструкторов Мирослав Тырш (1832–1884)¹².

⁹ См.: *Čapka F. Dokumenty a materiály ke studiu dějin Československa v letech 1848–1918.* Brno, 1993. S. 12–14.

¹⁰ О проблематике чешского национализма XIX века: *Červinka F. Český nacionalismus v XIX. století.* Praha, 1965.

¹¹ *Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského.* Praha, 1883. S. 43.

¹² М. Тырш родился 17 сентября 1832 г. в Дечине в семье немца – замкового врача, в части Северной Богемии, заселенной немцами. В детстве он пережил две семейные трагедии: лишился обоих родителей, когда ему еще не было шести лет. Он воспитывался в Праге, в семье своего дяди. Здесь же М. Тырш учился в гимназии, где впервые окупился в чешскую среду. По окончании гимназии поступил в универ-

Однако Тырш в конечном счете склонился к идее создания чешского физкультурного общества. 16 февраля 1862 г. в Праге состоялось учредительное собрание первого чешского физкультурного общества «Пражский Сокол»¹³. Общество нашло мецената в лице пражского предпринимателя Индржиха Фюгнера (1822–1865)¹⁴. Он стал первым старостой «Сокола», а его руководителем стал М. Тырш. Будучи близкими друзьями, они создали очень успешный «тандем».

Что было характерно для «Сокола»? Отметим только самые главные признаки. Во вводной части устава указывалось, что целью общества является «развитие физкультуры, совместное выполнение простых упражнений и упражнений со снарядами, проведение совместных походов, пение и фехтование». Впоследствии перечень дополнили стрельба по мишеням, плавание, другие водные виды спорта. В уставе речь шла и о культурно-воспитательной деятельности, о лекциях и массовых развлечениях (позже – о любительских театрах, танцевальных вечерах и балах)¹⁵. Внутри «Сокола» все считались братьями, были отменены все сословные, политические и религиозные различия. По предложению М. Тырша девизом общества стали слова: «Набираемся сил!», при встрече соколы говорили друг другу: «Привет!». Эмблемой общества был «летающий сокол». На совместных мероприятиях члены «Сокола» выступали в одинаковых костюмах, имевших славянские символы¹⁶.

ситет, в котором сначала учился на юридическом факультете, а через год перешел на философский и медицинский факультеты. По окончании университета М. Тырш не имел достаточных средств к существованию, пока ему не удалось получить место воспитателя, а впоследствии – инструктора в лечебном учреждении. Здесь у него зародилась идея создания чешского физкультурного общества. Идея получила поддержку у группы чешских патриотов, которые в декабре 1861 г. подали прошение о разрешении деятельности «Пражского физкультурного общества».

¹³ Символическое название «Сокол» было выбрано в связи со славянской взаимностью. Для южных славян сокол был «птицей солнечного света» и соколами здесь называли своих народных героев.

¹⁴ И. Фюгнер родился 10 сентября 1822 г. в Праге, в богатой немецкой купеческой семье. В молодости он не получил высшего образования, но исколесил по торговым делам всю Европу и владел несколькими языками. Успешный предприниматель и финансист Фюгнер подружился с Тыршом и пошел по пути исправления мира, занимаясь благотворительностью, поддерживал сокольское движение

¹⁵ *Lasovská F. Deset let sokolské práce vzdělávací. Praha, 1930; Pelikán J. Vznik a cíle sokolské práce vzdělávací. Praha, 1927.*

¹⁶ Уже первые эскизы сокольского костюма (март 1862 г.) подчеркивали идею его сближения с другими славянскими образцами (особенно с популярным в то время польским костюмом). Основными цветами стали красный и белый, которые дополнялись оттенками серого и коричневого цветов. Костюм состоял из брюк и куртки так называемого русского (сурового) полотна, небольшой круглой шляпы с лентой (или гладкой шапки, украшенной красной розой с соколиным пером), значка и рубашки, чаще всего, красного цвета (по примеру популярных в то время «краснору-

Был создан ранее не существовавший словарь чешских физкультурных понятий.

Тырш увлекался античным искусством, историей древнегреческих Олимпийских игр и представлениями древних о гармоническом развитии человека, его тела, ума и нравственности. Создавая идеологические основы сокольства, Тырш думал не только об античном человеке, но и о «славянском духе», который особенно ярко проявился у южных славян в ходе их национально-освободительной борьбы. В этом духе было выдержано его выступление на первом слете «Пражского Сокола» в мае 1862 г., в котором он говорил о необходимости воспитания таких качеств как храбрость, дружба и взаимопомощь¹⁷.

Уже в 1862 г. начали возникать первые сокольские общества в других городах Богемии. В декабре того же года было основано первое сокольское общество в Моравии (Брно). Вскоре «Пражским Соколом» заинтересовалась полиция, хотя руководители (в первую очередь, Фюгнер) подчеркивали его аполитичность. Комитет, защищая общество, заявлял, что занятия физкультурой готовят будущих солдат к службе в армии, а занятия фехтованием полезны для будущих жандармов. Фюгнеру и Тырше удалось воспрепятствовать участию «Сокола» в жарких спорах о польском восстании 1863 г.

Несмотря на это, с середины 60-х гг. XIX в. «Сокол» все более смыкался с крепнущим национальным движением. Физическое воспитание понималось как проявление национально-политического сознания, свидетельство жизнеспособности чешского народа. Этому способствовало основание в 1869 г. «Физкультурного сокольского общества женщин и девушек»¹⁸. К началу 1871 г. в «Соколе» состояло более 10 тысяч членов, половину из которых составляли ремесленники, мелкие предприниматели, служащие, а также преподаватели и студенты. Последующие два десятилетия характеризовались дальнейшим увеличением численности общества. Так, в 1888 г. в 188 обществах в чешских землях (из них 156 в Богемии), насчитывалась 21 тысяча членов.

башечников» Гарибальди). Эти два цвета (красный и белый) преобладали и на знамени общества. См.: Sokol. 3. 1873. №. 14. S. 111. Кроме того, в эти годы среди мужчин распространилась мода на ношение красного пальто, которое завязывалось шнурами, так называемыми чамарами (польского происхождения), а среди женщин – на ношение различного вида «славянских шляпок».

¹⁷ М. Тырш детально разработал свой комплекс физкультурных упражнений. См.: Tyrš M. Základové tělocviku. Praha, 1926; *idem*. O tělocviku školním a čím se od spolkového liší // Sokol. I. 1871. № 1. S. 7–8; Waic M. Sokol v české společnosti 1862–1938. Praha, 1996. S. 9–53; Hora-Hořejš. Toulky českou minulostí. Praha, 2000. S. 71–84.

¹⁸ Jandásek L. Přehledné dějiny sokolstva. I. Od vzniku Sokola (1862) do založení ČOS (1889). Praha, 1936. S. 50.

Сокольские идеи вышли не только за границы Богемии и Моравии, но и за пределы Габсбургской монархии, найдя особый отклик среди южных славян. Началом этого процесса можно считать поздравительные телеграммы по поводу второго публичного выступления «Пражского Сокола» (01.03.1863 г.), которые общество получило от венского хорового общества и загребского хорового общества «Колесо». В конце июля того же года Фюгнер получил письмо из Любляны, в котором Драгути Блайвайс от имени подготовительного комитета сообщал об идее основания славянского физкультурного общества. 1 октября 1863 г., в Любляне был основан «Южный Сокол». Большую роль сыграли при этом словенские студенты, вернувшиеся на родину после обучения в Праге. Общество переняло от «Пражского Сокола» не только костюм, но и формы работы (освящение знамени и проведение публичных занятий физкультурой). Однако после четырех лет деятельности общество было распущено властями (1867 г.) Через несколько месяцев энтузиастам удалось основать новое общество, которое с 1868 г. работало под названием «Физкультурное товарищество Сокол». В это время словенское сокольство было самым активным¹⁹.

В 1874 г. в Загребе было основано общество под названием «Хорватский Сокол», что было непосредственно связано с посещением Загреба представителями словенского общества «Южный Сокол» в 1866 г. Кроме занятий физкультурой, общество ставило целью борьбу против германизации и мадьяризации Хорватии и Славонии. Для этого организовывались походы и познавательные мероприятия, направленные на воспитание патриотизма. В становление «Хорватского Сокола» большой внес вклад чех Франтишек Гохман, переехавший в Загреб. По примеру чешского «Сокола» он стал использовать новые методы занятия. Усилиями хорвата Андрея Гайденека в 1878 г. в Загребе начал издаваться первый специальный физкультурный журнал на Балканах под названием «Сокол».

Важным рубежом в истории хорватского сокольства была постройка собственного здания в Загребе в 1883 г. Основание новых сокольских обществ потребовало их объединения. В 1904 г. в Загребе был основан «Хорватский сокольский союз», организовавший в 1906 и 1911 гг. про-

¹⁹ На протяжении первого года существования (1864 г.) членами общества в Любляне стали 174 человека, к концу 1865 г. их уже насчитывалось 229, большинство составляли ремесленники, служащие, юристы, врачи и учителя. В обществе работало 11 инструкторов (из них только два получали зарплату), физкультурой в 12 товариществах занимались 4 раза в неделю. Кроме регулярных занятий физкультурой, общество организовывало в походы, устраивало вечера отдыха с пением, танцами и чтением. Постепенно словенское сокольское движение получило распространение и в сельской местности. См.: *Jandásek L. Tyršovo slovanství. Praha, 1947. S. 65–66, 87–88.*

ведение слетов, в которых приняли участие сокольские общества из Богемии и Словении. Перед началом I Мировой войны «Хорватский сокольский союз» объединял 168 обществ в 14 сокольских жупах в Хорватии, в 2 жупах в Боснии и Герцеговине и в 3 жупах в Соединенных Штатах Америки, членами которых были 15 тысяч человек²⁰.

Сходными путями развивались отношения между чешскими и польским соколами, начало которым положило основание в 1866 г. польского физкультурного общества во Львовском университете, которое использовало программу Тырша (через два года оно приняло название «Сокол»). В соответствии с уставом, главной целью общества являлись регулярные занятия физкультурой. Львовский «Сокол» 17 лет оставался единственным обществом такого типа в стране. Начиная с 1884 г. началось бурное развитие сокольских обществ. Они появились в Станиславо-ве, Кракове, Тарнове, других городах. Развитие сокольского движения в Галиции также потребовало создания центральной организации. Она была образована во время первого сокольского слета в 1892 г. по случаю 25-летия возникновения «материнской» организации во Львове. Тогда же был основан и «Союз польских сокольских организаций в Австрии». В 1884 г. началось развитие сокольского движения в прусской части Польши. Первое общество возникло во Вроцлаве, вскоре возникли общества в Быдгоще, Познани и других местах. В 1893 г. был основан «Союз сокольских обществ Великой Польши» (с 1895 г. – «Союз польских сокольских обществ в Германии»). В 1905 г. началось сокольское движение в русской части Польши, в Варшаве. Здесь в 1906 г. удалось создать центральную организацию в Царстве Польском – «Союз сокольских обществ», которая легально существовала несколько месяцев. Сокольские организации везде были важными центрами жизни польского народа, хотя и оказались под влиянием социал-демократической партии²¹.

С первым случаем пропаганды сокольской идеи в России мы встречаемся в связи с поездкой чешских политиков в Москву на выставку народного творчества в 1867 г., которая позже была названа «паломничеством в Россию». Поездка происходила в то время, когда были устра-

²⁰ *Frntič F.* Tyršovy ideje na rozvoj sokolství a na moderní sporty v Chorvatsku // Sokol, jeho vznik, vývoj a význam. Mezinárodní konference Praha, září 1997. Sborník příspěvků. Praha 1998. S. 88–91. В США мы встречаемся с «Соколом» гораздо раньше. 26 февраля 1865 г. было основано сокольское общество в Сент-Луисе, членами которого были 64 человека. Однако вскоре оно распалось. В следующем году (19 августа 1866 г.) в США появилось другое общество, на этот раз – в Чикаго, в котором состояло 59 членов. Славянский характер имело сокольское общество в швейцарском Цюрихе, которое было основано 18 июня 1867 г. и объединяло 35 членов.

²¹ См.: *Woltmann B.* Der polnische «Sokol» (1867–1914) // Sokol, jeho vznik, vývoj a význam. Mezinárodní konference Praha, září 1997. Sborník příspěvků. Praha, 1998. S. 123–128.

нены разногласия между чешскими политиками, возникшие в 1863 г. В связи с польским восстанием. Эта поездка отражала возрастание прорусских и прославянских симпатий. Одновременно она стала первым проявлением собственной заграничной политики представителей чешского народа. М. Тырш не принял участия в паломничестве в Россию, однако использовал его как повод для издания своей первой книги о системе физкультурных упражнений «Сокольская физкультура». Книга была предназначена для московской выставки и была издана всего в 20 экземплярах. Вместе с первым выпуском «Статистико-исторического обозрения сокольских обществ за 1865 г.» книгу отвез в Москву заместитель старосты «Пражского Сокола» Томаш Черны (с 1872 г. – староста «Пражского Сокола»). Когда делегация 12 июня 1867 г. вернулась в Прагу, в «Народной газете» появилось сообщение, которое с сожалением констатировало отсутствие понимания сокольской идеи со стороны русских «народовольцев», ссылавшихся на отсутствие в России условий для ее реализации. Тырш был огорчен. Он надеялся, что «Святая Русь» последует примеру других славянских народов. Тырш полагал, что «занятие физкультурой», деятельность одновременно идейная и нравственная, может стать связующим звеном славянской взаимности. Это он подчеркнул следующими словами: «Никакое общество, кроме братского сокольства, не может так тесно объединить славянскую молодежь и мужчин»²².

Начиная с 70-х гг. XIX в. чешские политики все более активно занимались вопросами сотрудничества с другими австрийскими славянами для сопротивления усиливавшемуся централизму Вены. Чешская политика в эти годы характеризовалась пассивным сопротивлением австрийскому правительству. Она оказалась неудачной. Чехи в своем сопротивлении оставались в одиночестве. Неудачи на политическом поприще они пытались компенсировать в сфере культуры, особенно литературы и живописи. Свою роль должно было сыграть и физкультурное движение.

Именно в это время в полной мере развернулась организаторская и идейная активность М. Тырша. После возвращения из Швейцарии в 1870 г. он предложил начать издание журнала, который должен был «...наблюдать за стремлениями заграничного сокольства, особенно, у южных славян, в Польше и России». Первый номер журнала «Сокол» вышел 1 января 1871 г. Сразу после этого Тырш еще раз попытался создать единую организацию, которая объединила бы все сокольское движение. Был переработан текст устава, вместо рабочего языка старой редакции, который предусматривал использование «всех славянских наречий», указsdfkcz «чехославянский» язык. К сожалению, министерство внутренних дел это предложение не приняло. Остался регулярный

²² Jandásek L. Tyršovo slovanství. Praha, 1947. S. 35–65.

обмен информацией о деятельности славянских организаций в журнале «Сокол». Кроме того, Тыршу удалось послать инструкторов пражской сокольской «школы» в польские, словенские (а позже – и в хорватские) сокольские общества.²³

1870 г. был годом перелома в восприятии сокольской идеи в России. В этом году были основаны два первые сокольские общества на Украине, в Мирогоште и Семидубах, объединившие 99 крестьян из волынских чехов²⁴. Занятия проводились три раза в неделю на летней тренировочной площадке. Уже в 1870 г. было организовано 10 походов. Это начинание горячо приветствовал М. Тырш, который подчеркнул значение распространения соколизма «по всей славянской деревне». Однако уже через год (1871 г.) в Россию был приглашен для обучения учителей физкультуры немец-инструктор Бруно Дитрих из Саксонии. Тырш прокомментировал это следующими словами: «И надо было русским оглядываться на немцев? Что же, на Руси без немцев никогда ничего не выходит? Наверное, еще долго это будет продолжаться, пока русские не вырвутся из немецких объятий!»

Все это имело следствием разочарование Тырша, ставившего задачу «воспитания сильных, здоровых и смелых славянских юношей на великий исторический бой славянства с германством». Он подчеркивал необходимость развития «Сокола» в чешских землях в качестве образца для остальных славянских народов²⁵. В том же духе Тырш ясно высказался в своей новогодней речи в 1873 г., опубликованной в журнале «Сокол». В ней он призывал чешских соколов к активной деятельности, потому что «...славянское племя имеет великую миссию <...> и во многих случаях мы должны быть для наших братьев светом, образцом и вождем». Однако в 70-х гг. XIX в. надежды Тырша оказались тщетными. В чешских землях снижалась активность сокольского движения, уменьшалось количество его членов (до семи тысяч человек). Вместо «Сокола» стали возникать общества пожарных (во многих случаях создавались пожарно-сокольские общества). Спад сокольского движения способствовал ухудшению состояния здоровья М. Тырша. Он на длительное время уезжал за границу, чаще всего, в Италию. В поездках его сопровождала жена, дочь И. Фюгнера Рената, которая была на 20 лет моложе его.

²³ Одним из таких «помощников» был 21-летний Й.Е. Веселы, который в 1871–1872 гг. работал в сокольском обществе в Любляне. Ему удалось составить словарь физкультурных терминов на словенском языке и поднять уровень активности пяти действующих словенских обществ.

²⁴ *Vaculík J. Dějiny volyňských Čechů. D. I. Léta 1868–1914. Praha, 1997. S. 57.*

²⁵ *Húsek J. Sokolstvo a Slovanstvo. Brno, 1923; Páta J. Sokolstvo a Slovenstvo. Praha, 1920.*

Изменившиеся в начале 80-х гг. политические условия, когда чешские политики отошли от пассивного сопротивления и стали сотрудничать с правительством, создавали новые условия для работы сокольских обществ. Вновь стало расти число членов «Сокола», а в 1881 г. возобновилось издание журнала «Сокол», приостановленное в 1876 г. Кульминацией первого двадцатилетия развития «Сокола» явился I Всесокольский слет, который прошел 18 июня 1882 г. в Праге и в котором приняли участие физкультурники славянских обществ, а также соотечественники из Америки. Среди соколов и в чешском обществе слет вызвал воодушевление и заложил основу традиции проведения слетов. Кроме того, он проложил путь дальнейшему сотрудничеству и популяризации сокольской идеи среди славян.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ И РОССИИ

А.А. Лебедева

ПЕРВЫЕ ГОРОДА НА НЕМЕЦКОМ ПРАВЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОРАВИИ

Начало XIII века – важный рубеж в истории Чешского государства, который был ознаменован существенными переменами в развитии его городов. Эти перемены были связаны прежде всего с развертыванием в Чехии, а также на территории соседних Польши и Венгрии, немецкой колонизации, охватившей все области экономической, социальной и политической жизни этих стран.

Городская колонизация выражалась в том, что переселявшиеся в основном из Германии «гости» («госпиты») основывали в этих странах новые города с письменно фиксированным правом по образцу городского права той земли, откуда они пришли, или же – что было намного чаще – поселялись в местных городах и предгородских поселениях, получая для себя аналогичные правовые гарантии. «Городская колонизация» способствовала расширению торговых связей чешских, польских и венгерских городов, прогрессу ремесленного производства и освобождению их от наиболее грубых форм зависимости от сеньоров¹.

Параллельно с городской немецкой колонизацией протекал процесс колонизации сельской, в ходе которой осваивались пустовавшие земли. Немецкая сельская колонизация осуществлялась главным образом выходцами из соседних немецких земель: из Тюрингии, восточной Франконии, Баварии, Австрии и Саксонии².

В землях Чешского государства процесс городской немецкой колонизации развернулся раньше всего в Моравии. Причины этого явления следует, на наш взгляд, прежде всего искать в особенностях экономического развития Моравии, которая в средние века развивалась опережа-

¹ История Европы: в 8 т. Т. 2. М., 1993. С. 388.

² История Чехии. М., 1947. С. 43–46.

ющими сравнительно с территорией Чешской долины темпами. Благодаря благоприятным климатическим условиям и богатым почвам Моравия отличалась более высокой урожайностью зерновых, технических и огородных культур, обладала условиями для развития виноградарства. Эти обстоятельства не могли не стать источником дополнительной притягательной силы для немецких колонистов.

Рассматривая предпосылки опережающего развертывания немецкой колонизации в Моравии, следует, на наш взгляд, обратить внимание на своеобразие ее политического развития в XI–XII вв. В Моравии этого периода имелось несколько градов особого статуса, которые можно определить как грады-резиденции удельных князей. Такими градами являлись Оломоуц, Брно и Зноймо³, каждый из которых немногим уступал столице государства – Праге – и представлял собой крупный городской центр. К началу XIII века Моравия управлялась единым правителем, который носил титул маркграфа, но в бывших столицах удельных княжеств продолжали жить заложенные в предшествующий период традиции, сохранялись монастыри и церковные институты.

Честолюбие моравских маркграфов, их стремление к увеличению своих доходов сыграло значительную роль в ходе городской немецкой колонизации. Правители Моравии выступали в роли инициаторов колонизационных предприятий. Чтобы привлечь в Моравию поток колонистов, должны были создать условия, делавшие переселение наиболее привлекательным. Главным из этих условий являлось предоставление новопривывавшим горожанам тех привилегий, которыми пользовались в то время города Германии. Моравские князья проявили в этом смелость и решительность.

Географический фактор также сыграл свою роль в выборе первыми немецкими колонистами Моравии в качестве объекта для поселения. Естественно-географическая открытость оказывала благотворное влияние на развитие этого региона еще со времен существования Великой Моравии. Во многом благодаря благоприятному географическому положению, со стороны соседей – Силезии и Австрии – в которых городская колонизация набирала обороты, поступали импульсы, благоприятствовавшие развитию этого процесса в Моравии. Отсутствие пограничных гор и лесов обеспечивало относительно прочную связь поселенцев с прародиной и вселяло уверенность в том, что в случае, если им не удастся благополучно освоиться на новой территории, всегда будет возможность беспрепятственно вернуться.

Богатство недр Моравии – здесь располагались известные издревле богатые месторождения серебра – также весьма привлекало новых посе-

³ Были основаны в 1055 г. Бржетиславом I. См.: *Козьма Пражский*. Чешская хроника. М., 1962. С. 123 (Кн. II. Гл. 15).

ленцев, поскольку многие рудники в Германии были выработаны, что заставляло рудокопов и горных предпринимателей искать новые места для поселения и разработок.

Слухи о природных богатствах этой земли распространялись далеко за пределы Чешского государства, что и вызвало сюда приток населения.

Вышеперечисленные причины явились катализатором притока в Моравию немецких колонистов, которые внесли значительный вклад в развитие городской жизни данного региона. Это нашло выражение в том, что именно с этого времени города Моравии вступают в новый этап развития, связанный главным образом с появлением городского права. Примечательным остается тот факт, что первые грамоты городских привилегий были изданы для маленьких городов Моравии, а не для Праги и других крупных городов Чехии. Их содержание представляет большой интерес, проливая яркий свет на все стороны жизни немецких городских общин в первые десятилетия после их обустройства на моравской земле.

Наиболее ранними грамотами пожалований городских привилегий являются грамоты таких моравских городов, как Брунталь⁴, Годонин⁵ и Уничов⁶.

Брунталь – город в северной части Моравии, в 1213 г. получивший грамоту городских привилегий от чешского короля Пржемысла Оттокара (1197–1230). Уничов – город, расположенный в северной части Моравии, жители которого в 1223 г. от того же Пржемысла Оттокара получили учредительную грамоту⁷. Годонин располагался на юго-востоке моравского региона и грамоту городских привилегий получил чуть позже в 1228 г. от королевы Констанции, жены Пржемысла Оттокара⁸.

В городском праве Уничова присутствует указание территории, на которой это право имело юридическую силу. Оно распространялось «как в самом городе, так и за его пределами»⁹. Годонинская грамота, по всей вероятности, распространялась на всю территорию города, а также имела юридическую силу в пределах одной мили вокруг него, как это не раз повторяется: «пусть в пределах одной мили никто не вознамерится варить пиво; в пределах мили пусть не обустройства кузнец, ткач, и т.д.;

⁴ Грамота Брунталья // *Regesta diplomatica nec non epistolaria regni Bohemiae et Moraviae* / Ed. C.J. Erben. Praegae. 1855. T.1. P. 253.

⁵ *Галямичев А.Н.* Из истории средневекового городского права в Чешских землях: Годонинская грамота // *Вопросы истории славян.* Вып. 16. Воронеж, 2004. С. 101–106.

⁶ *Галямичев А.Н.* Древнейшая хартия городских привилегий средневековой Чехии (Учредительная грамота г. Уничова 1123 год) // *Средние века.* Саратов. С. 160–163.

⁷ Оригинал грамоты см.: *Regesta diplomatica nec non epistolaria regni Bohemiae et Moraviae* / Ed. C.J. Erben. Praegae. 1855. T.1. P. 310–311.

⁸ Там же. P. 346.

⁹ *Галямичев А.Н.* Древнейшая хартия городских привилегий... С. 161.

всякий человек, вступающий по дороге в пределы мили, пусть имеет мир от моей руки»¹⁰. Брунталь в этом смысле не представлял собой исключительный случай. Городское право распространялось на всех тех, кто находился в данном городе и за его пределами на расстоянии 4 миль¹¹.

Основное внимание в городском праве отводится вопросам организации судопроизводства, его исполнения, а также выполнению налоговых обязательств. Уже на основании первых строк годонинской грамоты можно сделать вывод о том, что дарованные права предусматривались для мира и спокойствия горожан. Так, здесь говорится, что «После того как воры и разбойники и прочие злодеи убили нашего владаря Петра в Годонине вопреки нашему королевскому и государственному праву»¹². Значительная часть предписаний городского права касалась вопросов уголовного и гражданского характера. По всей вероятности, в первом письменном праве горожане старались добиться справедливого регулирования наиболее злободневных для них вопросов. Так, здесь четко регламентируется наказание за убийство, побои, оскорбление, судом также решались спорные имущественные дела.

Жители городов обладали правом самостоятельно вести процесс судопроизводства на территории города, за некоторыми исключениями. В уничовской грамоте говорится: «Далее мы повелеваем, чтобы они сами творили суд по всем делам согласно собственным обычаям, за исключением тех тяжких и крупных преступлений, которые должны разбираться нами или нашими урядниками», остальные, более мелкие разбирательства находили решения в собрании бюргеров¹³. Например, в собрании бюргеров решался такой вопрос как: «если мельница не отдаст того, что она обязана отдать, пусть она будет передана на милость королевы и на решение собрания бюргеров». В городах также существовала должность судьи, который избирался горожанами, основным источником доходов которого были средства от рассмотрения дел, что было закреплено в письменном виде: «заплатит судье 72 денария»¹⁴.

Жители названных городов обладали особыми правами, которые на территории Чешского государства распространялись только на немецких колонистов. «...они не подчинялись никакой (другой) власти, а также никому не служили, кроме как мне и моим сыновьям <...> чтобы они не

¹⁰ Галямичев А.Н. Из истории средневекового городского права... С. 102–103.

¹¹ Грамота Брунталья... Р. 253.

¹² Галямичев А.Н. Из истории средневекового городского права... С. 102.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 103.

подчинялись никакому (другому) судье, кроме как тому, которого они избирали бы сами, по собственной воле»¹⁵.

Поселенцы освобождались от уплаты основных налогов, тем не менее, имели некоторые обязанности. Так, в Уничовской грамоте с каждого земельного участка, большого или малого, ежегодно на день Святого Мартина полагалось платить шесть денариев¹⁶, в Годонине чиншевые повинности составляли 30 денариев с лана, и 12 с каждого пивовара. А бюргеры Годонина освобождались от пошлин на всей территории Чехии и Моравии, а также в течение 10 лет освобождались от уплаты налогов. Они также свободно могли пользоваться лесом, который был необходим при строительстве, за исключением зеленых дубов в Годонине. Неисполнение этих обязательств влекло за собой наказание. В Брунтале горожане были обязаны платить десятую часть с пошлины и добычи рудников¹⁷.

По-видимому, немецких колонистов серьезно волновала проблема обеспечения городов продовольствием, и они предприняли все усилия к тому, чтобы решить эту проблему самостоятельно. Наличие свободных земельных площадей в местах основания новых городов давало эту возможность. Немцы поспешили ею воспользоваться, поскольку в самой Германии все земельные ресурсы были к тому времени исчерпаны. Как уже говорилось, в Уничове основу составляли платежи «с каждого земельного участка, большого или малого <...> платить шесть денариев», «с каждого пахотного надела – фертон серебра и три меры зерна, в том числе одну (меру) ржи, вторую – пшеницы, третью – овса»¹⁸. В Годонине «30 денариев с лана, с имеющего приусадебный участок – 12 денариев, с обходящегося без приусадебного участка – 6»¹⁹. По всей вероятности, пивоварение составляло важную, одну из самых прибыльных отраслей хозяйственных занятий горожан. Годонинская грамота сообщает нам, что «кто бы ни варил пиво, 12 денариев с каждого пивовара»²⁰.

Горожане обеспечивали себя и продукцией ремесленных мастерских. Так, в грамоте Годонина в пределах одной мили запрещалось обустриваться «кузнецу, ткачу, сапожнику или какому-либо другому ремесленнику»²¹. Основным занятием населения Брунталя, по всей вероятности, была деятельность, связанная с добычей и переработкой добываемой здесь руды. Так, в грамоте 1213 г. сообщается, что население города несет

¹⁵ *Галямичев А.Н.* Из истории средневекового городского права... С. 102.

¹⁶ *Галямичев А.Н.* Древнейшая хартия городских привилегий... С. 161.

¹⁷ Грамота Брунталя... Р. 253.

¹⁸ *Галямичев А.Н.* Древнейшая хартия городских привилегий... С. 161–162.

¹⁹ *Галямичев А.Н.* Из истории средневекового городского права... С. 102.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 103.

налоговые обязательства в виде «10-ю часть с пошлыны и право рудной добычи на городской территории в пределах 4 миль мы предоставляем»²². Добычей руды занимались и в Уничове, о чем свидетельствуют данные археологических находок и письменные источники²³.

Торговля являлась важной отраслью в жизни бюргеров, от нее во многом зависело процветание города. В связи с этим значительная часть предписаний учредительных грамот городов была отведена вопросам регулирования и безопасности торговой деятельности. А бюргеры Годонина освобождались от пошлин на всей территории Чехии и Моравии.

Набиравший силу процесс развертывания немецкой городской колонизации в Моравии был прерван монголо-татарским нашествием, которому с особой силой подверглась именно Моравия и в первую очередь её города.

²² Грамота Брунталя... Р. 253.

²³ *Виноградова А.И.* К вопросу о возникновении городов в Чехии // Ученые записки института славяноведения. Т. X. 1954. С. 393.

А.А. Родимцев

АРМЯНСКИЕ ОБЩИНЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГАЛИЦКОЙ РУСИ И ИХ РОЛЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГОРОДОВ

Проблемы, связанные с историей торговли в западно-украинских землях в период средневековья, давно привлекают внимание зарубежных исследователей. В отечественной историографии данный вопрос не получил, на наш взгляд, должного внимания, и многие его аспекты остаются невыясненными до сих пор.

Регион Галицкой Руси (известный в русских летописях также как Червоная Русь) уже с IX в. стал зоной активных этнических передвижений. До XII в. эти передвижения сводились большей частью к захвату этой территории поочередно восточными и западными соседями, не сопровождаясь крупными этническими миграциями. Начиная с XIII в. положение меняется: среди постоянного населения Галицкой Руси в источниках постоянно упоминаются не только ее исконные жители – славяне, но и обосновавшиеся здесь (главным образом в городах) татары, половцы, немцы, евреи, армяне и другие. Приток разнородного в этническом отношении населения объясняет срединное положение городов Галичины на торговых путях между Востоком, Западом, Севером и Югом. Купечество соседних стран старалось иметь своих торговых представителей в городах Галичины, так как присутствие в этом регионе и исполнение посреднических функций приносили значительную прибыль.

В настоящей статье мы остановимся на одной из иноземных этнических общин, осевших в Галичине и особенно преуспевшей в международной торговле, – армянской. Цель данной работы – выяснить, какую роль в экономической жизни региона играла эта община. Для этого необходимо рассмотреть проходившие через Галичину торговые пути и структуру экспорта / импорта, понять, какие предпосылки способствовали приобретению армянами положения, в котором они находились, а также определить, на каких направлениях торговли и на каких товарных группах концентрировались их приоритетные интересы.

Британский исследователь Э. Геллнер, опираясь на огромный материал источников и подводя итоги специальных и общих исследований по истории торговли, называет армян в числе первых экономически ак-

тивных урбанизированных этносов, «имеющих длительную традицию дисперсного проживания в качестве национального меньшинства»¹.

В древности и в средние века территория Армении многократно подвергалась опустошительным набегам и завоеваниям. В такие периоды большое количество армян вынуждено было покинуть землю предков. Формирование диаспоры (по армянски – «спюрк») было во многом связано именно с этими иноземными нашествиями. Иноземные вторжения принято ставить на первое место в ряду факторов, способствовавших рассеиванию армянства². Но не только военные опустошения заставляли армян переселяться в другие страны. Имели место и чисто экономические мотивы. В поисках новых торговых путей армянские купцы отправлялись в далекие земли и оседали на этих землях в качестве торговых посредников. В средние века армяне упоминаются среди состоятельных купцов Самарканда и Константинополя, Венеции и Исфахана и многих других экономических центров того времени.

Галиция являлась одним из ключевых торговых регионов Восточной Европы. В X–XI вв. она несколько раз поочередно завоевывалась Киевскими и Гнёзненскими великими князьями, а в XII в. и венгерским королем. В течение XII в. наблюдается усиление самостоятельности данного региона, образуются независимые от Киева и Гнёзно Волынское и Галицкое княжества, а в начале XIII в. усилиями Романа Мстиславича Волынского они объединяются в единое Галицко-Волынское княжество.

Наличие на территории княжества перекрестка торговых путей объясняется в первую очередь его географическими особенностями. Галичина занимает пологую лесостепную равнину, удобную для движения гужевого и вьючного транспорта в любое время года. Выход к морю возможен по Днестру в навигационный период (10–11 месяцев в году). Для главного товарного коридора с востока на запад, Галичина подходила гораздо лучше северной Берестейщины, дороги которой становились непроходимыми весной или после сильных дождей. Через Червонную Русь проходила торговля между Чехией, Польшей и Священной Римской Империей с запада и русскими княжествами, половцами, Золотой ордой с востока. Между Византией, Молдавией, Венгрией и генуэзским Крымом с юга и Литвой, Тевтонским орденом и Полоцким княжеством с севера. Древний торговый путь «Регенсбург – Прага – Краков – Киев», по мнению Н.Ф. Котляра, проходил через Перемышль – один из древнейших городов Галичины.³

¹ *Gellner E. Nation and nationalism. Oxford. 1990. P. 105.*

² *Арутюнова–Фиданян В.А. К вопросу об основных характеристиках контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995. С. 42–46.*

³ *Котляр Н.Ф. Княжеский двор Галича в XII веке // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 4 (26). С. 50–66.*

Вместе с тем Галичина была не только посредником, но и производителем в системе международных торговых отношений. Одним из ведущих промыслов была добыча соли (значение слова галич – «соль»). Галицко-Волынское княжество, вместе с Крымом, поставляло соль для всей Киевской Руси и Литвы. По мнению И. Крипякевича, соль поставлялась также в Западную Европу⁴, что представляется не вполне убедительным, ввиду наличия на торговом пути в западном направлении Величковского соляного месторождения, подконтрольного Кракову. Благоприятное расположение княжества на черноземных землях, особенно вблизи рек Сана, Днестра, Вислы и др. создавало условия для развития хлебопашества. Поэтому Галич являлся также одним из лидеров по экспорту хлеба. Главными культурами были овес и рожь, в меньшей степени пшеница и ячмень⁵.

О развитии сельского хозяйства и ремесленного производства говорит Галицко-Волынская летопись. Когда в 1238 г. в Галичине поселился черниговский князь Михаил Всеволодович, Даниил и Василько «дали ему много пшеницы и меда и скота и овец достаточно»⁶. Жители Болоховской земли, на верховьях Случи и Буга, были оставлены ордынцами, «чтобы пахали им пшеницу и просо»⁷. «В 1279 г. в земле ятвягов начался голод, Даниил послал туда через Берестье, по Бугу, запасы ржи»⁸. Среди предметов экспорта из Галичины и Волыни встречаем также кожу. Князь Даниил имел сапоги «зеленого хза, шитые золотом», а лошади его жены были убраны в кожаные «кояри»⁹. Таможенный тариф второй половины XIV в. называет среди экспортных товаров также «лисьи и овечьи шкуры, которые исчислялись тысячами, меха и воск кругами»¹⁰.

Однако собственное ремесло в ряде отраслей уступало импорту. Киев поставлял в Галичину художественно-ювелирные изделия. В церкви Богородицы в Холме помост был отлит из меди и чистого олова, так что «блестел как зеркало», «Колокола частично привезены из Киева, частично вылиты в Холме»¹¹. Из Литвы поступали продукты лесного хозяйства: ятвяги заявляли Даниилу, что за посланную им рожь готовы дать «чего захочешь: воск, белки, бобры, черные куны, серебро – мы

⁴ Крип'якевич І. Галицько-волинське князівство. Київ, 1984. С. 39.

⁵ Крип'якевич І. Указ соч. С. 41.

⁶ Галицко-Волынская летопись // Памятники литературы Древней Руси: XIII век (Далее – ПЛДР). М., 1981. Ипат., С. 521.

⁷ Там же. С. 526.

⁸ Там же. С. 580.

⁹ Там же. С. 540–541.

¹⁰ Hansisches Urkundenbuch. Hrsg. vom Verein für Hansische Geschichte, bearbeitet von K. Nöhlbaum. Halle, 1882–1886. Bd. 3. N 559.

¹¹ ПЛДР. Ипат. С. 528.

с радостью дадим»¹². Из Причерноморья и из Византии привозили шелк, драгоценные ткани, украшения, оружие; южные фрукты, вино, рыбу. Летопись повествует, что с Олешья на Нижнем Днепре «пришли Днестром лодки с рыбой и вином»¹³. Таможенный тариф второй половины XIV в. упоминает шелк и восточные пряности (перец, имбирь). Из Фландрии привозили сукно, полотно.¹⁴

Международная торговля регулировалась определенными правовыми нормами, были установлены пути, которыми купцы должны были добираться до городов, а в определенных местах с них взималась пошлина. Так, например, путь из Балтийского моря через Торунь шел на Холм и далее Владимир; другая дорога шла из Берестья на Ковель. Из центральной Польши проходил путь на Крэшей, Любачев и Львов. Рост торговли влиял на развитие путей, которые служили перемещению товаров на большие расстояния. О развитии торговых путей свидетельствует строительство мостов, которые упоминаются под Луцком, Перемышлем, Шумськом и Галичем.¹⁵

Ни в коем случае не умаляя роль объективных, перечисленных ниже факторов, способствовавших экономическому подъему городов, необходимо, на наш взгляд, обратить внимание и на один важный субъективный фактор. А именно – на экономически активную иноземную армянскую общину. Применительно к интересующему нас региону можно выделить три ярко выраженные волны армянской иммиграции. Первая волна переселения была вызвана падением столицы Армении Ани, захваченной турками-сельджуками в 1064 г., когда искавшие спасения в славянских землях армяне оседали и в Червенских городах. Вторая относится к XII в., когда на Армению обрушились монголы, в результате чего значительное число населения вынуждено было бежать на Запад, в том числе и в Галицкую Русь. Третья волна связана с захватом в 1475 г. турками генуэзской колонии Кафы, где к тому времени проживало много армян.

Среди галицких городов (Перемышль, Галич и др.), центром притяжения армян становится достаточно молодой Львов. В основе этого лежало, на наш взгляд, несколько причин.

С 1379 г. Львов получил «право склада». Это означало, что все не львовские купцы, перевозя через город любые товары с Востока или Запада, обязывались в течение двух недель выставлять их в городе на продажу, имея право везти дальше лишь то, что осталось непроданным. Львовские купцы скупали эти товары по выгодным для себя ценам, и иноземные купцы уходили с минимальными прибылями. Можно с высо-

¹² Там же. С. 491.

¹³ Там же. С. 490.

¹⁴ Hansisches Urkundenbuch. Bd 3, N 151.

¹⁵ ПЛДР. Ипат. С. 486, 506, 513, 557.

кой степенью уверенности предположить, что процветание города и городского купечества ускорилось с момента получения «права склада». Но сам факт введения такого права косвенно говорит нам еще об одном факторе – сильном купеческом влиянии на решение короля (даже Кракков к этому времени не имел «права склада»). На вопрос об этническом и конфессиональном лице влиятельного купечества косвенный ответ дает городская правовая система. Установленное Казимиром III в 1356 г. магдебургское право предполагало участие в жизни города только католиков. В жалованных грамотах монархи специально указывали, что даруют магдебургское право немцам и полякам и другим католикам. Не католики не могли выполнять религиозных обрядов, с которыми теснейшим образом была связана жизнь средневековых горожан, а тем более юридические практики, как, например, свидетельство в суде под присягой¹⁶. Обращает, однако, на себя внимание тот факт, что вместе с дарованием Магдебургского права Казимир подтверждает ранее установленные права Львовского спюрка¹⁷. Преемники Казимира подтверждали и сохраняли привилегии армян Львова, даруя общине собственные подтверждающие грамоты¹⁸. Армяне смогли добиться собственного автономного самоуправления, хотя и под верховенством львовского магистрата. Армянскую общину возглавлял армянский войт (правда, в 1469 г. магистрат запретил львовским армянам выбирать себе войта и в дальнейшем делами общины ведал его заместитель (ереспохан), который имел меньшие полномочия), а с 1510 г. и судопроизводства внутри общины по собственному судебнику.

Из вышеотмеченного следует, что армянская диаспора имела во Львове и в целом в Галичине значительное экономическое влияние, с помощью которого добивалась и активно отстаивала свои права и привилегии.

Это стало возможным благодаря сосредоточению в руках армян значительной части восточной торговли. Удачное положение Львова на старом торговом пути «Регенсбург – Киев» стало еще более выгодным в XIV–XV вв., когда турецкие завоевания прервали торговлю Европы с Левантом по Средиземному морю. Армянская община Львова оптимально подходила на роль посредника европейского и азиатского рынков, так как имела поддержку спюрка в исламских городах Востока. А в интересах католического населения Львова (немцев и поляков), было создать для армянской общины благоприятные условия для существования.

¹⁶ Грушевський М.С. Історія України-Руси: в 11 томах. Київ, 1994. Т. 5. С.239–240.

¹⁷ Akta grodzkie i ziemskie. Lwow, 1872. Т. III. № 5.

¹⁸ Котляр Н.Ф. Левантійська торгівля Львова XIV–XV вв. по нумізматическим даним // Нумізматика і епіграфіка. М., 1966. Вып. VI. С. 139.

Не случайно, время укрепления позиций армянского купечества совпадает с обретением Львовом позиций торгового центра общеевропейского значения. Основные товары востока, желанные в Европе в данный период: шелк, пряности, жемчуг, драгоценные камни, возможно, фрукты. Контакты с генуэзскими Таной и Кафой, а через них с Сарайчиком, Тавризом, Самаркандом, Ормузом и наконец с Китаем и Индией облегчались для армян все тем же рассеиванием – в крупных транзитных центрах торговли можно было найти представителей спюрка. Этническая корпоративность перетекала в экономическую, когда «личные соглашения» обеспечивали успех и безопасность коммерческой сделки. Диаспора исторически выступает регулирующим инструментом международной торговли и международных отношений.

В результате успешной торговой деятельности, армянские семейства становились обладателями крупных средств. О благосостоянии армян свидетельствуют суммы налогов в городской приходно-расходной книге. Под 1407 г. с армянского населения обладавшего недвижимым имуществом, было собрано 1800 грошей. Налог от целого дома – 20 грошей. Среди налогоплательщиков есть лица уплачивавшие 40, 60 и более грошей, следовательно имевшие 2 и более домов в городе¹⁹.

А.М. Халмухамедов выделяет 3 фактора способствовавших сохранению этнической целостности армян: принятие монофизитства, которое представлялось еретичным и для католиков и для православных и окончательно выделявшее армян в «этнос-религию», создание собственной письменности и активная экономическая деятельность, обеспечивавшая в известной степени финансовую независимость²⁰. Соглашаясь с соображениями А.М. Халмухамедова, я хотел бы обратить внимание на облегченную адаптацию, помогавшую в рассеивании по миру и нерушимые связи спюрка (как следствие – налаженные культурные, торговые, профессиональные контакты).

Как видим, армянские мигранты не просто влились в городскую среду, но стали важной составной частью города, имевшей особый правовой статус и во многом определявшей экономическую жизнь города.

¹⁹ Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 139.

²⁰ Халмухамедов А.М. Армянская диаспора как этнополитический феномен // Этнографическое обозрение. 1999. № 2. С. 83.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В МОРАВИИ

(вторая половина XV в. – 1620 г.)

Книгопечатание в Чехии вскоре после его зарождения (1468 г.) получило распространение и в Моравии. Первая моравская инкунабула была напечатана в Брно в 1486 году. Первыми типографами, работавшими в Моравии, были приглашенные издатели. В 1486 г. в Брно прибыли типографы Матиас Прейнлейн и Конрад Штагель. В 1500 г. в Оломоуц по приглашению настоятеля Оломоуцкого капитула Августина Кезенброда приехал немецкий типограф Конрад Баумгартен, работавший для нужд капитула и католической церкви¹.

Обратимся к анализу содержания и жанрового репертуара первопечатной книги в Моравии. Среди моравской первопечатной продукции мы находим основные произведения религиозной литературы. Среди них можно выделить издания отдельных частей Священного Писания, служебники, литургические сочинения, листы индульгенций, религиозные трактаты, книги церковной администрации.

К изданиям отдельных частей Священного Писания в первую очередь следует отнести текст «Нового Завета» отпечатанный на латинском языке в Брно (издание 1499 г.)².

Был напечатан служебник, так называемый, миссал – «Миссал» (1491 г.)³, изданный в Брно. Он предназначался для остравского диоцеза а также для других венгерских диоцезов, что было связано с временным подчинением Моравии власти венгерского короля. Очевидно, по заказу Оломоуцкого диоцеза из брненской типографии Штагеля и Прейнлейна, обслуживающей его нужды, вышли две книги литургического и церковно-административного характера – «Агенда» (1486 г.)⁴ и «Статут» (два издания 1498, 1499 гг.)⁵.

К богословской литературе можно отнести моравское издание – воинствующий трактат латинского гуманиста Августина Оломоуцкого (конец XV в.) «Трактат о секте Вальденсов» (1500 г.)⁶, который был

¹ *Horák F.* Pět století českého knihtisku. Praha, 1968. S. 47–48.

² *Dokoupil V.* Pocatky brnenskeho knihtisku. Soupis prvotisku. Brno, 1994. S. 102.

³ *Ibid.* S. 82.

⁴ *Ibid.* S. 73.

⁵ *Ibid.* S. 95–96.

⁶ *Bohatčova M. et al.* Česká kniha v pomenah a dnes. Praha, 1990, S. 139.

напечатан в Оломоуце Конрадом Баумгартенем. Трактат был направлен против Общины чешских братьев, которых автор называет вальденсами.

Чешский исследователь В. Докоупил обнаружил ранее неизвестные моравские инкунабулы, к которым относятся четыре листа индульгенций, изданные в Брно в 90-х гг. XV в. Эти издания отражают религиозную ситуацию в моравских городах⁷.

Светские по содержанию моравские первопечатные книги можно разделить на три группы: а) литература для чтения; б) сочинения дидактического и поучительного характера; в) юридические и официальные документы.

Литература для чтения представлена хроникой венгерского теолога, историка и юриста Яна Туроци, которая была издана под названием «Венгерская хроника» в Брно (1488 г.)⁸. Это было второе иллюстрированное издание этого сочинения с портретами венгерских королей. Оно предназначалось для распространения в Венгрии, о чем свидетельствует посвящение королю Матвею (Матиашу) Корвину.

Жанр сатиры был очень популярен в Чехии. К нему можно отнести две книги, которые издал М. Прейнлейн в Оломоуце в 1499 г. Это латинские сатирические жалобы Иоганнеса Фабри «Плач разоренной церкви» (1499–1500 гг.)⁹ и шуточные речи Иоганнеса Шрама «Невероятные разговоры» (1500 г.)¹⁰.

Следующая группа книг имеет дидактический и научный характер. Первое место здесь занимают четыре издания учебника Элия Доната (популярной в средние века латинской грамматики для начинающих, написанной в IV в. н. э. в форме вопросов и ответов.), которые были изданы в Брно (1486–1488, 1491, 1499 гг.)¹¹.

К художественной литературе можно отнести также сочинения, которые вдохновлялись оригиналами религиозных источников. Стремление домыслить предание о «первых людях» привело к написанию многих сочинений. К этой группе изданий принадлежит брненская первопечатная книга «Сновидения Даниила» (1495 г.)¹². Повествование от лица пророка Даниила, опирающееся, прежде всего на 7–12 главы его ветхозаветных пророчеств, простирается от христианской древности до средневековья и вместе с толкованием снов действует как сонник¹³.

⁷ *Bohatčova M.* Op. cit. S. 140.

⁸ *Dokoupil V.* Op. cit. S. 71.

⁹ *Bohatčova M.* Op. cit. S. 139.

¹⁰ *Ibid.* S. 140.

¹¹ *Dokoupil V.* Op. cit. S. 74–75, 85, 100.

¹² *Ibid.* Op. cit. S. 93.

¹³ *Ibid.* S. 93–94.

Функции календаря и лечебных пособий выполняли так называемые альманахи. Нам известны четыре брненских альманаха, а именно «Альманах» (на 1488, 1489 и 1492 гг.)¹⁴ и «Альманах для г. Вены на 1495 г.»¹⁵. Календарная продукция была постоянно востребована читателями и являлась составной частью чешской книжной культуры, потому что наступление каждого нового года сопровождалось новым изданием календаря.

Особое место в дидактической литературе занимают два издания. Первое, методическое пособие Иоганна Якоба Каниса, трактат «Изложение права и способов его изучения» (1488 г.)¹⁶ и второе – сочинение Г. Фольца, сообщение «О горячих ваннах» (1495 г.)¹⁷, представляющее собой бальнеологические рекомендации. Оба сочинения свидетельствовали о большой информированности инициаторов издания о современной зарубежной литературе своего времени. Сочинение Иоганна Каниса, правоведа из Падуанского университета, уже выдержало к тому времени четыре издания. Сочинение Г. Фольца, очевидно, явилось воспроизведением нюрнбергского издания, первого сочинения этого жанра, заслуживающего внимания помимо прочего и своей стихотворной формой. Бальнеологическая литература будет присутствовать в чешской литературе в течение всего последующего периода (ее изданию способствовали открытые к тому времени минеральные источники в Карловых Варах).

Таким образом, в инкунабульный период в Моравии было издано 25 первопечатных книг: из них 22 книги в Брно и 3 книги в Оломоуце.

В последующий период (1501–1547 гг.) книгопечатание в Моравии получило дальнейшее развитие. Прежде всего необходимо отметить продолжающуюся кратковременную типографскую деятельность прибывших еще в предыдущий период в Оломоуц из немецких земель типографов Конрада Баумгартена (до 1502 г.) и Либория Фюрстенхайна (до 1504 г.), которые продолжили издавать печатную продукцию, отвечающую религиозным запросам.

Известным типографом стал в Моравии бывший нюрнбергский бюргер Ян Гюнтер, печатавший в городе Простейове с 1544 г.

В Моравском книгопечатании этого периода преобладающее место занимали типографы, работавшие для религиозных сект реформационного направления. Так, например, в Микулове работал Балтазар Хубмайер, который издал около 17 книг для чешской секты «анабаптистов», за что был сожжен на костре¹⁸. В Лулчи работала типография Кашпара

¹⁴ *Dokoupil V.* Op. cit. S. 76, 81, 86.

¹⁵ *Ibid.* S. 89.

¹⁶ *Ibid.* S. 79.

¹⁷ *Ibid.* S. 91.

¹⁸ *Horak F.* Op. cit. S. 54–55.

Аргуса. Он печатал продукцию для цвинглианской секты, называвшей себя «Габровыми братьями» и находившейся под покровительством Яна Дубчанского¹⁹. Для нужд Общины чешских братьев работали типографии в Литомышле и Младе Болеславе.

В Оломоуце с 1538 г. работал сын Павла из Мезиржичи Ян Оливетский, который основал там первую постоянную типографию²⁰. За свою издательскую деятельность он был казнен в 1547 г.²¹

Обратимся к репертуару издаваемой в этот период книгопечатной продукции. Ее, как и в инкунабульный период, представляется возможным разделить на две группы изданий: религиозную и светскую.

Рассматриваемый период книгопечатания в Чехии приходится на годы Реформации, происходившей в странах Западной Европы. Естественно, это общеевропейское движение не могло не найти отклика в Чешских землях, которые в то время были, пожалуй, наиболее толерантными в вопросах религиозной свободы и веротерпимости во всей Европе. Поэтому с изданиями сочинений отцов церкви здесь соседствуют издания немецкого реформатора Мартина Лютера. Два из них были изданы Яном Оливетским в Оломоуце²².

Как можно видеть, издаваемая в указанный период религиозная печатная продукция отвечала запросам времени и требованиям читательской аудитории, которая в Чехии отличалась поликонфессиональностью и относительной терпимостью к представителям других вероисповеданий.

Правовая литература главным образом состоит из артикулов сеймов, и сборников прав. Артикулы сеймов маркграфства Моравского насчитывают два издания²³: первое 1540 г. и второе 1544 г. Следующими изданиями правового характера были непосредственно книги прав. Это «Права ленные»²⁴ (1538 г.), изданные в Оломоуце Яном Оливетским, и отпечатанные у него же «Права и устройство маркграфства Моравского»²⁵ (1546 г).

В последующий период развития книгопечатания в Чехии (вторая

¹⁹ *Bohatčova M.* Op. cit. S. 157.

²⁰ *Ibid.* S. 156.

²¹ *Ibid.*

²² *Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Vydala Komise pro knihopisný soupis československých tisků až do konce XVIII. století. Díl. I. Prvotisky. (do r. 1500). Praha, 1925; Díl. II. Tisky z let 1501–1800. Č. I–IX. Praha, 1939–1967. Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Dodatky. Díl. II. Tisky z let 1501–1800. Č. III. Praha, 1996. Knihopis. Č. 5115, 5118. (Ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания).*

²³ *Knihopis. Č. 583, 584.*

²⁴ *Knihopis. Č. 14313.*

²⁵ *Knihopis. Č. 14315.*

половина XVI в. – 1620 г.) в Моравии издательская деятельность сосредоточилась в нескольких городах. В Простейове, а затем Оломоуце работал Ян Гюнтер. Там же печатал Берджих Милихталер в типографии, ранее принадлежавшей Гюнтеру. В конце XVI–XVII в. в Оломоуце действовала типография Иржи Гандла. Там же работали Шебестиан и Ян младший Оливетские. В Брно работали два типографа – Христофор Хаунгенхоффен и Бартоломей Альбрехт Фохман – Аурига.

В Моравии в этот период в Иванчицах и Кралицах обосновались типографии Общины чешских братьев. Это стало возможным в силу ряда причин. Во-первых, там были менее стесненные условия для деятельности Общины, так как маркграфство Моравское имело относительную административную самостоятельность. Во-вторых, это связано с тем, что на его обширных территориях власть была сосредоточена в руках отдельных панских родов, среди которых были и последователи Общины. Наиболее известным изданием общины стала Кралицкая Библия в 6 томах, изданная в 1579–1594 гг. в типографии Общины чешских братьев в Кралице²⁶. Это издание было подготовлено видными деятелями Общины, в том числе и ее руководителем, гуманистом Яном Благословом. После этого увидела свет однотомная Библия в двух изданиях (1596 и 1613 гг.)²⁷, и во второй раз был издан шестой том Кралицкой Библии (1601 г.)²⁸.

Продолжает публиковаться литература законодательного и юридического характера: артикулы сеймов маркграфства Моравского издавались либо в Оломоуце у Яна Гюнтера, либо в Простейове у него же, издавали их также Иржих Гандл, Б. Фохманн и Павел Шрамм²⁹.

Кроме того, издавались сборники прав. «Права и земское уложение Чешского королевства» (1592 г.)³⁰ опубликовали в Оломоуце наследники Милихталера.

Из литературы по медицине продолжают издаваться сочинения магистра Криштана из Прахатиц «Врачебная книжка» (1554 г., Б.г., конца XVI в., 1609 г.)³¹. Последнюю переиздали Ян Гюнтер и Ян Милихталер в Оломоуце.

Из литературы нравственно-философской или, как ее еще называют, морализирующей, сочинение Брикци из Луцка «Сентенции фило-

²⁶ Knižopis. Č. 1107.

²⁷ Knižopis. Č. 1109, 1110.

²⁸ Knižopis. Č. 1108.

²⁹ Knižopis. Č. 585–649 (артикулы сеймов маркграфства Моравского).

³⁰ Knižopis. Č. 14314.

³¹ Knižopis. Č. 4590, 4591, 4587, 4592.

софские: поучения мудрецов <...> об управлении и судах человеческих»³², изданное Яном Гюнтером в 1563 г.

Таким образом, книгопечатание в Моравии на протяжении всего раннего периода истории чешского книгопечатания имело некоторые особенности, отличавшие его от книгопечатания непосредственно в чешских землях.

Они были обусловлены особенностями религиозно-политического развития Моравии. До 1500 г. в репертуаре моравских типографий преобладающее место занимали книги религиозного содержания, главным заказчиком которых выступала католическая церковь. Это объясняется тем, что Моравия осталась в стороне от бурных потрясений гуситских войн и от их непосредственных исторических последствий. Характерно, что, в отличие от Чехии, в Моравии до 1500 г. не было издано ни одной книги на чешском языке, развитие которого было неразрывно связано с гуситской церковью и подъемом чешского национального самосознания и культуры.

В инкунабульный период моравское книгопечатание по-прежнему находилось под преимущественным контролем церкви, однако репертуар и содержание книгоиздательской продукции стал гораздо разнообразнее, прежде всего за счет увеличения удельного веса светской литературы.

Последующий период, отмеченный нарастанием межконфессиональных противоречий в землях Чешского королевства, стал временем подъема моравского книгопечатания. В связи с административной самостоятельностью Моравского маркграфства, на его территории могли работать типографии различных сект реформаторского направления, а в тайных типографиях Общины чешских братьев увидели свет шедевры чешской духовной и художественной культуры, прежде всего, знаменитая Кралицкая библия.

³² Knihopis. Č. 1351.

РУССКО-НОГАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1606–1608 гг.: НОГАЙСКИЕ УЛУСЫ И БОРЬБА С АСТРАХАНСКИМИ МЯТЕЖНИКАМИ

Мятежи и восстания, начавшиеся после свержения Лжедмитрия I и воцарения Василия Шуйского, привели к Гражданской войне в России. Поводом к началу восстаний стали слухи о чудесном спасении «законного» правителя. Одним из первых в этом ряду были жители Астрахани.

В июне 1606 г. здесь вспыхнуло антиправительственное восстание, в котором, как принято считать, принимал участие местный воевода И.Д. Хворостинин¹. Поводом к нему стали слухи о том, что «будто с Москвы Рострига, что назывался царевичем, ушел и на Севере жив»². Их появлению способствовал приезд в Астрахань конного стрельца Васки Еремеева из Солова приказа Протасьева, у которого была проезжая грамота от Лжедмитрия I³. Грамоту, как доказал И.И. Смирнов, он получил для подготовки прибытия Ф.И. Шереметева, назначенного самозванцем на воеводство в Астрахань весной 1606 г.⁴ Восставший город вышел из подчинения центральной власти.

Отметим, что наведение порядка и приведение к присяге Василию Шуйскому астраханцев и ногайских улусов легло на плечи ставленника Лжедмитрия, Ф.И. Шереметева, который весной 1606 г. был направлен на воеводство в Астрахань. По пути он узнал о произошедшей в Москве смене власти и принял присягу новому царю. 25 июня 1606 г. воевода получил грамоту, где ему предписывалось пригласить в Астрахань ногайского улубея Иштерека и начать с ним переговоры о принятии шертной грамоты новому царю.

Судя по всему, воевода отправил в Ногайскую орду посланника Третьяка Кашкарова, путь которого лежал через Астрахань. Кашкаров был направлен на юг Лжедмитрием I для ведения переговоров с Иштреком⁵, но, прибыв в Астрахань и узнав о событиях, произошедших в Москве, принял присягу Шуйскому и склонял к ее принятию жителей города. Это

¹ Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606–1607. М., 1951. С. 231.

² Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 330.

³ Акты времени царя Василия Шуйского (1606. 19 мая – 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 203.

⁴ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 225.

⁵ Акты времени царя Василия Шуйского... С. 157.

закончилась для него трагично, так как во время вспыхнувшего мятежа он был убит⁶.

Сам Ф.И. Шереметев в город допущен не был, вследствие чего принял решение о начале осады и разместил свои войска на острове Балчик⁷, ставшем местом прибежища для покинувших Астрахань сторонников Шуйского. Ногайцы перекочевали от крепости к реке Яик, объяснив свои действия опасностью от «недрузгов и казаков»⁸. Несмотря на это Иштерек отправил в Москву свое посольство, которое заявило о готовности принятия шерсти, так в наказе И.П. Ромодановскому перед его отправкой к персидскому шаху указывалось: «А нагаи завольские также издавна служат великимъ государемъ нашимъ, а ныне великому государю нашему ц. и в. кн. Василью Ивановичу в. Р. с. И Большие Ногаи, Иштерекъ князь зъ братьею и зъ детми, и съ племянники, и со всеми своими улусы свыше прежнего служить, и во всем въ его царском повеленьи»⁹.

Вместо Кашкарова в Ногайскую Орду был направлен Бессон Молвянинов. Он был знаком с Иштереком по событиям 1604 г., когда уговаривал последнего принять участие в переговорах с его противником Янарасланом для объединения Ногайских улусов, а потом сопровождал в Астрахань. Основной их целью была организация похода против Казыева улуса, который совершал набеги на русские поселения¹⁰. Переговоры завершились объединением сил Иштерека и Янараслана при главенстве первого, но до самого похода дело не дошло, так как новый правитель Ногайской орды уклонялся от участия в нем вследствие недостаточности сил. На этот раз Бессону Молвянинову предстояло отправиться в ногайские улусы с целью проведения переговоров о принятии ими шерти и об условиях этого. Посол должен был сообщить Иштереку о повышении размеров жалования для него, что должно было привлечь Ногайскую орду к сотрудничеству с правительством Василия Шуйского¹¹. Из отписки воеводы следует, что достигнуть успеха не удалось, так как «...Иштерек князь и все мурзы к нам, холопом твоим, приказывали и писали, что они твои государевы холопи и шертовать готовы тебе государю на степи, а в городок им к нам, холопом твоим, неезживать»¹².

⁶ Акты времени царя Василия Шуйского... С. 204.

⁷ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (1113–1121 гг.). М., 1907. С. 86.

⁸ Акты времени царя Василия Шуйского... С. 158.

⁹ Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2. Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Феодоровича. СПб, 1892. С. 149.

¹⁰ Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веках. Волгоград, 2005. С. 122.

¹¹ Акты времени царя Василия Шуйского... С. 158.

¹² Там же.

Вследствие безвыходности ситуации воевода согласился на условия, поставленные ногайским улубеем, и выслал к нему переводчика Прокофия Вразского с жалованием и царскими грамотами.

Основным достижением на данном этапе стало то, что ногайские улусы не присоединились к астраханским мятежникам, однако, как и в 1604 г., помощи против них также не оказали. Отметим, что для самой Ногайской орды так же, как и для России, была характерна политическая нестабильность. Мурзы Джан-Арслан и Канай б. Динбай встали на сторону противников В. Шуйского и стали рассылать известия о том, что Лжедмитрий жив и распорядился посадить их во главе ногайских улусов¹³. Таким образом, власть самого Иштерека оказывалась под угрозой, так как при активных действиях против астраханских мятежников он мог стать жертвой заговора недовольных его правлением ногайских мурз. В период пребывания правительственных войск на Нижней Волге они совершали набеги и грабили людей, верных правительству Шуйского, перехватывали его посольства. В начале 1608 г. ногайцы захватили стрельцов-рыбаков, для освобождения которых Иштерек обещал приложить все усилия, но не выполнил обещанного, так как не мог контролировать своих улусных людей¹⁴. В то же время ногайский улубей находился в экономической зависимости от центральной России¹⁵. Характерным примером этого могут служить периоды голода, происходившие там и жестоко сказывавшиеся на Ногайской орде: «У них один продает другого: отец своих детей или жен, если они бесплодны, господин своих рабов или пленников, и за небольшую к тому цену»¹⁶. В свою очередь, и мятежники не могли оказать должной поддержки ногайцам. Юртовские татары, перебежавшие из Астрахани к Иштереку, сообщали, что четверть ржаной муки там стоит 40 алтын¹⁷, о начавшемся в городе голоде. Характерно, что одной из проблем, вставших перед И.Заруцким после его закрепления на Нижней Волге, стала проблема нехватки продовольствия, которое он собирался получить от персидского шаха¹⁸. Вследствие вышеозначенных причин улубей Иштерек был вынужден вести уклончивую политику. С одной стороны, он признал власть Шуйского, с другой – воздерживался

¹³ *Трепавлов В.В.* История Ногайской орды. М., 2002. С. 393.

¹⁴ Акты времени царя Василия Шуйского... С. 184.

¹⁵ О военной и политической зависимости Иштерека от России и правительства В. Шуйского говорить не приходится, т.к. русские войска были заняты наведением порядка в центральных районах страны, а воевода Ф.И. Шереметев находился в тяжелом положении на острове Балчик.

¹⁶ Какаш и Текандер. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. / Пер. *А. Станкевича*. М., 1896. С. 28.

¹⁷ Акты времени царя Василия Шуйского... С. 192.

¹⁸ *Бернадский В.Н.* Конец Заруцкого// Ученые записки Лен. пед. ин-та им. Герцена. Т. 19, 1939. С. 108.

от помощи его войскам при подавлении астраханского мятежа, отказывая в поддержке и мятежникам.

В 1607 г. из Астрахани к Иштереку была направлена грамота, в которой ему предлагалось прибыть в город и дать шерть царю Дмитрию Иоанновичу¹⁹. Ответ ногайского улубея неизвестен, но из документа следует, что посланцы были арестованы и отправлены к Ф.И. Шереметеву. В статейном списке Прокофия Вразского они фигурируют уже как перебежчики²⁰. В феврале 1608 г. к Иштереку прибыла новая грамота, в которой мятежники призывали его перейти на свою сторону²¹. Прокофий Вразский, пребывавший в это время в Ногайской орде, допросил посланников о ситуации, творившейся в Астрахани, и предложил дать шерть Василию Шуйскому. Они согласились, но, вследствие того, что в городе остались их родственники, им было дано разрешение на возвращение обратно с тем условием, что потом они перейдут к Ф.И. Шереметеву²².

Иштерек находил различные предлоги для того, чтобы не идти походом на Астрахань. Весной 1607 г. его улусы прикочевали к острову Балчик, но встали по другой стороне Волги. После начала ледохода он заявил, что движение вместе с правительственными войсками на город неосуществимо из-за невозможности соединения сил, после чего откочевал на север²³. В другом случае он не соединился с войсками воеводы вследствие якобы имевшего место бегства правительственных войск с Балчика. Характерно, что под «бегством» понимался поход Ф.И. Шереметева на восставший Царицын, который для него имел стратегическое положение, т.к. находился на пути снабжения его войск. При этом к Иштереку были направлены грамоты, призывающие его двинуться вместе с Ф.И. Шереметевым, чтобы объединенными силами бороться против мятежников²⁴. В то же время к нему были направлены и грамоты от мятежников, о которых говорилось выше. О каких-либо соглашениях между Иштереком и астраханцами не известно, но, по данным отписки Ф.И. Шереметева, ногайские улусы прикочевали к городу, где были разгромлены мятежниками: «и Астроханские люди и юртовские тотаровя приманя их к Астро(хани) блиско, на них приходили и улусы и(х) громили»²⁵ Свой поступок ногайский улубей оправдал неготовностью кочевать у Царицына вследствие отсутствия там мест для зимовки²⁶. После погрома, устроен-

¹⁹ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. М., 1819. С. 326.

²⁰ Акты времени царя Василия Шуйского... С. 192.

²¹ Собрание государственных грамот и договоров... С. 326

²² Акты времени царя Василия Шуйского... С. 207.

²³ Там же. С. 161.

²⁴ Там же. С. 160.

²⁵ Там же. С. 161.

²⁶ Там же. С. 173.

ного мятежниками, Иштерек был вынужден перейти со своими улусами к Яику. Несмотря на это между ним и мятежниками продолжали существовать дипломатические связи, о чем свидетельствует грамота, поступившая в феврале 1608 г., где астраханцы отрицали свою вину в погроме, перекадывая ее на казаков и ногайцев Казыева улуса²⁷.

На Яике над ногайскими улусами нависла угроза в лице калмыков. Вследствие этого, а также уговоров П. Вразского было принято решение о перенесении кочевий к Царицыну. Сама перекочевка, сопровождавшаяся нападениями со стороны астраханцев и казаков, прошла успешно. Иштерек вновь выразил свою готовность соединенными силами двигаться против мятежников²⁸, однако нового похода вследствие отсутствия сил и сложной ситуации в центральной России не последовало.

Таким образом, в период осады Астрахани войсками Ф.И. Шереметева предводитель Ногайской орды Иштерек вел уклончивую политику по поводу своего участия в боевых действиях против мятежников. Несмотря на шерт, данную В.Шуйскому, он не оказывал помощи царским войскам в их борьбе с мятежным городом, более того, вел с ним переговоры. Подобная политика была определена политическими и экономическими условиями, сложившимися в ногайских улусах периода Смутного времени, а также чертами характера самого ногайского улубея. В своей работе, посвященной истории Ногайской орды, В.В. Трепавлов привел источники, характеризовавшие Иштерека следующим образом: «Живет лукавством и переметчиком, а никому правды не совершит», «Иштерек непостоянен, на все стороны манит, а владеют им добрые улусные люди и слушают его мало»²⁹. Действительно, он не мог обеспечить контроль над ногайскими мурзами, которые вели самостоятельную политику. Опасаясь их измены, а также вследствие экономической зависимости от центральной России, он не мог полностью встать на ту или иную сторону в противостоянии В. Шуйского и его противников. Несмотря на это, нельзя не отметить и успешность подобной политики, так как Иштерек стал одним из немногих, кто сумел сохранить свою власть и жизнь вплоть до окончания Смутного времени и оградить свои улусы от участия в связанных с ним событиях.

²⁷ Собрание государственных грамот и договоров... С. 327.

²⁸ Акты времени царя Василия Шуйского... С. 166.

²⁹ Цит. по: *Трепавлов В.В.* История Ногайской орды. М., 2002. С. 390.

Я.А. Лазарев

**ФОРМИРОВАНИЕ «ГЕТМАНСКОЙ УКРАИНЫ»:
К ВОПРОСУ О МОНОПОЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ
КАЗАЦКИМИ ИНСТИТУТАМИ В «МАЛОЙ РОССИИ»
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВВ.**

Трудно поспорить с тем, что исторические исследования должны основываться на принципах историзма и объективизма. Однако они пишутся людьми, имеющими политические пристрастия, что нередко приводит к упрощению ими исторической реальности. Одним из проявлений этого является появление обусловленных современными политическими проблемами понятий. Некритическая легитимация такого рода понятий в научном лексиконе создает условия для воспроизводства их идеологического содержания, притупляя острие историографической критики, создавая флер объективности, несомненной очевидности.

К числу таких понятий можно, на наш взгляд, отнести распространенное в российской, украинской (в том числе диаспорной) и мировой историографии понятие «Гетманская Украина»¹, трактуемое как казацкое государство во главе с гетманом, которое возникло на обломках восточных воеводств Речи Посполитой и заняло важное место в системе международных отношений Восточной Европы. В связи с этим как якобы несоответствующее историческому содержанию и политически ангажированное, отбрасывается понятие «Малая Россия» («Малороссия»), которым в российском политическом лексиконе XVII–XIX вв. обозначался регион, вошедший в состав Российского государства после 1654 г.

Приоритетной для нас задачей является показать степень обоснованности употребляемого в историографии понятия «Гетманская Украина» в отношении исторической области «Малая Россия» через анализ особенностей ее вхождения в состав Российского государства, практик управления регионом и эволюцию статуса Войска Запорожского в пределах этой исторической области. Конечно, в рамках предлагаемой статьи не представляется возможным подробно изложить намеченные сюжеты. По этой причине она носит дискуссионный характер.

Отправной точкой наших рассуждений являются события 1654 г. Мы не будем касаться особенной освещения переговорного процесса в историографии. Нам важно отметить лишь то, что за редчайшим исключением основное внимание уделялось действиям казацкой делега-

¹ В других вариациях «Гетманщина», «Гетманат», «Украинское гетманство».

ции, посланной от Богдана Хмельницкого в Москву после Переяславской рады. К исключениям можно отнести работы дореволюционного историка Г.Ф. Карпова, целостно рассмотревшего перипетии переговоров 1654 г., а также опубликовавшего важные документы². Г.Ф. Карпов убедительно показал, что итогом переговоров в Москве весной-летом 1654 г. стала серия царских жалованных грамот сословным корпорациям «Малой России» – Войску Запорожскому, православным шляхте и церкви, а также городам, самоуправлявшимся по магдебургскому праву (Переяславль, Киев). Это свидетельствует о том, что московские цари, подобно польским королям, становились суверенам над сословными группами данной исторической области, выступая гарантами их прав. В частности, такой статус подразумевал пребывание воевод в крепостях ряда городов «Малой России», а также сбор налогов с местного городского и сельского населения. Кроме того, итоги переговоров 1654 г. показали, что права Войска Запорожского рассматривались как «права войсковые», т.е. касавшиеся исключительно вопросов казачьего самоуправления.

Однако после переговоров 1654 г. подобная модель управления «Малой Россией» так и не была запущена. Причины этого крылись в сопротивлении верхушки Войска Запорожского, стремившейся закрепить свою монополию на власть в «Малой России», а также в военно-политической нестабильности в регионе во второй половине 50-х – 60-х гг. XVII в. К рубежу 60-х – 70-х гг. XVII в. оформился неформальный «пакт» между царским правительством и верхушкой Войска Запорожского, вызванный стремлением сохранить лояльность последней. Данный «пакт» заключался в фактическом признании российской стороной за административно-судебными структурами Войска Запорожского главенствующего положения в отношении остального населения «Малой России». Исключение составляли сильные городские корпорации Киева, Нежина, Чернигова, Переяславля, обладавшие царскими жалованными грамотами на самоуправление по магдебургскому праву, благодаря которым они находились вне компетенции гетманской власти.

Благодаря политической активности депутатий привилегированных городов (прежде всего, Переяславля) царское правительство смогло остудить политические амбиции казачьей делегации на переговорах в

² См. подробнее: *Карпов Г.Ф.* Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (начало) // Журнал министерства Народного Просвещения (далее – ЖМНП). 1871. № 11; *он же.* Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (окончание) // ЖМНП. 1871. № 12; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее – Акты ЮЗР). Т. X (дополнение к III тому). СПб., 1878.

Москве весной 1654 г.³ Как в 1654 г., так и впоследствии корпорации привилегированных городов стремились оградить свои права и владения от посягательств со стороны казацкой власти⁴. Союзником городов выступала царская власть. Во многом благодаря этому в период военной нестабильности 50–60-х гг. XVII в. царская власть смогла удержаться в крепостях ряда городов, самоуправлявшихся по магдебургскому праву (Киев, Чернигов, Нежин, Переяславль). Царские воеводы, находившиеся в крепостях «малороссийских» городов, выполняли военные функции и не обладали фискальными (за исключением небольшого периода во второй половине 1660-х гг.)⁵ и судебными полномочиями в отношении местного городского и казацкого населения⁶.

Таким образом, действие неформального «пакта» имело следствием сужение «зоны присутствия», корректировку статуса и полномочий «великороссийской» администрации, а также расширение прерогатив институтов Войска Запорожского в «Малой России».

Однако по отношению к указанным городам гетманы смогли добиться только статуса своеобразного покровителя. Это выразилось в выдаче универсалов, дававших дополнительные гарантии сохранения прав, указанных в царских жалованных грамотах на самоуправление, временный налоговый иммунитет и земельные владения⁷. Глава Войска Запорожского выступал также в роли посредника при подтверждении прежних жалованных грамот царским правительством⁸. Вероятно, в це-

³ О политической активности депутатов от привилегированных городов см.: *Карпов Г.Ф.* Малороссийские города в эпоху соединения Малороссии с Великой Россией // *Летопись занятий археографической комиссии.* Вып. VI. СПб., 1877. С. 4.

⁴ *Акты ЮЗР.* Т. VI. С. 55–58; *Романовский В.А.* Перепись населения Левобережной Украины 1666 года: ее организация и критическая оценка. Ставрополь, 1967. С. 26–46; Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года (далее – ПСЗ). Т. 1. СПб., 1830. № 447. С. 818–821.

⁵ *Романовский В. А.* Указ. соч.

⁶ См., например: ПСЗ. Т. 1. № 376. С. 614; *Акты ЮЗР.* Т. V. С. 294–299; *Пирог П. В.* К вопросу о русских воеводах на Украине во второй половине XVII века // *Отечественная история.* 2003. № 2. С. 164.

⁷ См., напр.: *Юрій Хмельницький.* Універсали. Накази // *Універсали українських гетманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657–1687).* Київ, Львів, 2004. С. 156–157; *Іван Брюховецький.* Універсали. Накази // Там же. С. 300–301, 321; *Дем'ян Многогрішний.* Універсали. Накази // Там же. С. 495–497, 534–535; *Іван Самойлович.* Універсали. Накази // Там же. С. 623–624, 643–645.

⁸ См., напр., жалованные грамоты Нежину 1698 г. и Киеву 1699 и 1700 гг.: Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729–1730 г. // *Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии / под ред. Н.П. Василенко.* Вып. I. Чернигов, 1901. С. 95–96; *Щербина В. І.* Документи до історії Києва 1494–1835 рр. // *Український археографічний збірник (далее – УАЗ).* Т. I. Київ, 1926. С. 23, 34.

лях сохранения лояльности сильных городских корпораций гетманы предоставляли им дополнительные земельные пожалования, торговые привилегии, а также подписывали специальные оборонные универсалы, защищавшие города от злоупотреблений полковой верхушки и казаков⁹.

Следовательно, наличие в регионе привилегированных корпораций ставило определенные барьеры для власти гетманов, стремившихся распространить свои полномочия на всю «Малую Россию». Статус таких городов ставит под сомнение представления о «Гетманской Украине» как о монолитном государственном организме во главе с гетманом. Таким образом, если использовать понятие «Гетманская Украина» в качестве категории, подразумевавшей территории под властью гетмана, то к ним относилась не вся «Малая Россия», а сама гетманская власть существовала на неформальном уровне. По этой причине понятие «Гетманская Украина» не может, на наш взгляд, выступать в качестве синонима «Малой России», а лишь обозначает территории Войска Запорожского.

«Малороссийские» крепости Киева, Нежина, Чернигова, Переяславля, в которых находились царские воеводы, фактически образовывали особый Малороссийский военный округ (термин П.Н. Милюкова¹⁰), находившийся в ведении Малороссийского приказа. Среди царских воевод этого округа формальное старшинство имел киевский воевода. Такая административная иерархия не подверглась каким-либо изменениям с появлением в 1700 г. института киевских губернаторов, которые по своим полномочиям ничем не отличались от прежних киевских воевод. Материальные и людские ресурсы крепостей Малороссийского округа были рассредоточены и весьма незначительны. Их снабжение осуществлялось из «Великой России» через сложную систему центральных и

⁹ *Іван Виговський. Універсали. Накази // Універсали українських гетманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657–1687). Київ ; Львів, 2004. С. 62, 83; Юрій Хмельницький. Універсали. Накази // Там же. С. 148–149, 166; Іван Брюховецький. Універсали. Накази // Там же. С. 297–298; Дем'ян Многогрішний. Універсали. Накази // Там же. С. 487–488, 526, 563–564; Іван Самойлович. Універсали. Накази // Там же. С. 641, 660–661, 666, 682–683, 721, 745, 754–756, 764–765, 792–793, 795–796, 804–805, 823.*

Обзор практики выдач гетманами оборонных универсалов, а также универсалов на земельные пожалования, торговые и налоговые привилегии со второй половины XVII до середины XVIII в. см.: *Утвенко В.В. Формування української фіскальної системи в добу Гетьманщини (друга половина XVII – початок XVIII ст.)* : дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2005. С. 120–135; *Кісіль І. М. Соціально-економічне становище міщан Гетьманщини (друга половина XVII – друга половина XVIII ст.)* : дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2006. С. 218–223.

¹⁰ *Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 259–260.*

местных учреждений. Такая схема управления крепостями заметно снижала оперативность военного руководства.

Вероятно, эти особенности Малороссийского военного округа повлияли на принятие решения о его включении в состав более крупного военно-административного образования¹¹. В ходе преобразований Малороссийского военного округа в 1707 г. Петром I рассматривалось, по крайней мере, два варианта такого объединения. Один из вариантов, вероятно, предусматривал объединение сил Малороссийского военного округа и Севского разряда во главе с гетманом И.С. Мазепой. Однако предпочтение было отдано другому варианту, предполагавшему слияние округа с Белгородским разрядом во главе с киевским воеводой Д.М. Голицыным. Это никоим образом не затрагивало прерогатив гетмана, скорее наоборот, создавало дополнительные ограничения для киевского воеводы в его взаимоотношениях с главой Войска Запорожского¹². Впоследствии объединенный Белгородский разряд стал частью Киевской губернии. Однако планы по реализации данного проекта не предусматривали ограничения автономии Войска Запорожского («Гетманской Украины»). Следовательно, реализация военно-фискальных реформ в начале XVIII в. не предполагала пересмотра сложившегося неформального «пакта» между правительством и верхушкой Войска Запорожского («Гетманской Украины»).

Измена И.С. Мазепы породила «кризис доверия» к элите Гетманской Украины со стороны Петра I. Однако он не привел к радикальной ревизии неформального «пакта». Новые явления во взаимоотношениях с казацкой элитой¹³ не означали коренной ломки автономии Войска Запорожского («Гетманской Украины») и существенного падения влияния ее элиты¹⁴. Скорее, наоборот, мы наблюдаем процесс усиления вла-

¹¹ О специфике положения Малороссийского военного округа и затронувших его военно-административных преобразованиях см.: *Лазарев Я.А.* Киевская губерния и Гетманская Украина в период первой и второй губернских реформ Петра I // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 (Гуманитарные науки). 2012. № 2 (102). С. 139–142.

¹² О специфике взаимоотношений И.С. Мазепы и Д.М. Голицына см.: *Киселев М.А., Лазарев Я.А.* Военно-административные преобразования в «Малой России» накануне шведского вторжения 1708 г. (в порядке дискуссии с Т.Г. Таировой-Яковлевой) // Единорог: материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. III (в печати).

¹³ Создание института резидентов при гетмане, внедрение практики прямого назначения на полковничьи должности неподданных «гетманского регимента», появление «великороссийского» землевладения и сильных персон в лице военачальников крупных воинских соединений, а также создания Малороссийской коллегии.

¹⁴ Об этом см. подробнее: *Лазарев Я.А.* «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. // Правящие эли-

сти казацких гетманов в отношении сословных групп «Малой России». Это выразилось в официальном изменении статуса казацких гетманов, кодификации «малороссийских прав», а также проведении переписи всех землевладений в «Малой России» (так называемые «генеральные следствия»).

Следующий после Мазепы гетман – И.И. Скоропадский – начинает играть роль главы «Малой России»¹⁵. В таком статусе его официально утверждает царская жалованная грамота 1710 г.¹⁶ Кроме того, данный документ закреплял за «правами войсковыми» значение прав всей «Малой России». Свой статус главы «Малой России» И.И. Скоропадский подчеркивал в официальных бумагах на протяжении всего своего правления¹⁷. Он сохранился и в титулатуре последующих гетманов – Д.П. Апостола (1727–1734)¹⁸ и К.Г. Разумовского (1750–1764).

Процесс кодификации «малороссийских прав» был санкционирован российским правительством. В рамках кодификации были подготовлены проекты, объединившие юридические памятники, нехарактерные для судебных практик всего региона. Эти проекты создавали условия для закрепощения казацкой элитой свободного крестьянства и казачества¹⁹. Несмотря на то, что процесс кодификации растянулся до 1750-х гг. он позволил казацкой элите «легализовать» себя в статусе «малороссийской» шляхты, т.е. практически замкнутой сословной группы.

ты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / отв. ред. серии *А.В. Доронин*; сост. *Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен*. М., 2013. С. 408–432.

¹⁵ См.: Генеральное следствие о маетностях Черниговского полка 1729–1730 гг. // Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии / под ред. *Н.П. Василенко*. Вып. III. Чернигов, 1908. С. 367.

¹⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. X. М., 1956. С. 9–12.

¹⁷ См., например: Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. II. // Чтения в Императорском обществе истории и древности российских при Московском университете. Кн. I. Отд. II. М., 1859. С. 262–266; 275, 279, 281–282, 292–294.

¹⁸ См., например: Генеральне слідство про маетності Стародубського полку / упор. *К. Лазаревська* // Український архів. Т. I. Київ, 1929. С. 331.

¹⁹ Об этом подробнее см.: См. подробнее: *Лазаревский А.* Универсал Скоропадского о переводе «книг правних» на малорусский язык // КС. № 4. 1887. С. 788–789; *Василенко Н.П.* Прикрепление крестьян в Малороссии // Великая реформа 19 февраля (1861–1911) / Под ред. *А.К. Дживилегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты*. Т. I. М., 1911. С. 108–126. *Василенко М.П.* Як скасовано Литовського статуту (з історії кодифікації західно-руського та українського права) // *Василенко М.П.* Вибрані твори. Київ, 2006. Т. 2. С. 312–313; *Петрухинцев Н., Смирнов А.* Уложение для Украины // Родина. 2003. № 2. С. 89–93; *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: проблемы формирования внутривосточного курса (1730–1740): дис. ... докт. ист. наук. М., 2000. С. 301–309.

Составление на рубеже 20–30-х гг. XVIII в. «генеральных следствий» также было санкционировано российским правительством²⁰. В результате их составления за всеми землями «Малой России» официально признавался статус «войсковых» владений, которые казацкая элита могла получать в качестве пожалований на «уряд» и в личное владение. Это позволило казацкой администрации распространить свои полномочия на сферы, ранее не находившиеся в ее ведении (например, на города, обладавшие жалованными грамотами на магдебургское право (Стародуб, Мглин, Погар, Козелец)²¹ и окончательно закрепить монополию на власть в границах «Малой России».

Следовательно, благодаря отмеченным выше «санкциям» российского правительства, Войско Запорожское на пространстве «Малой России» к рубежу 20–30-х гг. XVIII в. превратилось в относительно автономное полугосударственное образование – «Гетманскую Украину». Отмеченные выше социально-политические трансформации в рамках особого неформального «пакта» предопределили ограниченный характер присутствия царской администрации на территории «Гетманской Украины» в пост-мазепинский период (киевский губернатор, резиденты при гетманском дворе, Малороссийская коллегия)²².

Сделанный нами анализ политических трансформаций статуса Войска Запорожского показывает условность используемого в историографии понятия «Гетманская Украина». Данное понятие не подразумевало изначально ограниченный официальный статус казацких институтов власти, который расширялся в результате действия особого неформального «пакта», сложившегося на рубеже 60–70-х гг. XVII в. Лишь к рубежу 20–30-х гг. XVIII в., благодаря «санкции» российского правительства, казацкие гетманы и институты Войска Запорожского достигли такого объема власти, который дает основания наложить «границы» понятия «Гетманская Украина», изначально имевшей строго корпоративную сущность, на границы «Малой России». Употребление данного понятия без отмеченных оговорок имеет следствием воспроизводство идей и концепций эпохи романтизма. Это способствует созданию фантомов²³,

²⁰ ПСЗ. Т. 8. № 5324. С. 79.

²¹ Об особенностях составления «генеральных следствий» и их идеологическом содержании см.: *Лазарев Я.А.* Киевская губерния и Гетманская Украина в период первой и второй губернских реформ Петра I... С. 138–139; *он же.* «Великороссийская» администрация в Гетманской Украине в 1708–1728 гг.: эволюция институтов и их статуса: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012. С. 127–129.

²² Об подробнее см.: Там же. С. 119–207.

²³ См., например, деконструкцию концепций «Украинской дивизии» в работах украинских историков и «Реформ 1707 года» в монографии Т.Г. Таировой-Яковлевой «Иван Мазепа и Российская империя»: *Киселев М.А., Лазарев Я.А.* Историкографический призрак «Украинской дивизии»: к вопросу о реалиях российско-

историографическим репрессиям²⁴, но отнюдь не объективному, научному изучению прошлого Украины и России.

украинских отношений накануне измены гетмана И.С. Мазепы (1706–1708) // Славяноведение. 2013. № 2. С. 41–50; *они же*. Военно-административные преобразования в «Малой России» накануне шведского вторжения 1708 г... (в печати).

²⁴ В этой связи показательна историографическая «судьба» Г.Ф. Карпова, на которого последующая историография навешивала различные ярлыки, вроде: историк, придерживавшийся «националистической позиции»; «ярый сторонник обрусения Украины»; «воинственный великодержавник», который «сводил историю Украины к тому, что эта “бывшая провинция Польши” стала лишь “провинцией России”»; историк, придерживавшийся «ультракрайних»/«крайних» точек зрения, «деятельный борец с украинским “сепаратизмом”» (*Рубинштейн Н.* Николай Иванович Костомаров (1817–1885) // Исторический журнал. № 10. 1940. С. 46; Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред *М.В. Нечкиной* и др. Т. II. М., 1960. С. 144–145. *Коваленко Л.А.* Історіографія історії Української РСР від найдавніших часів до Великої Жовтневої соціалістичної революції. Київ, 1983. С. 68; *Яковлева Т.Г.* Начальный этап Руины: социально-политическое положение и внешняя политика Украины конца 50-х годов XVII века: Дис. канд. ист. наук. Киев, 1994. С. 10; Она же. Социально-политическая борьба на Украине в 60-е годы XVII века: внутренние и внешние факторы Руины. СПб., 2004. С. 8; *Кравченко В.В.* Україна, Імперія, Росія: вибрані статті з модерної історії та історіографії. Київ, 2011).

**ИСТОРИОГРАФИЯ XVI–XVIII вв.
О СЛАВЯНСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ВАРЯГОВ:
ИСТОЧНИКИ И АРГУМЕНТАЦИЯ***

Реконструкция раннесредневековой истории славянских народов и первых славянских государств – задача в исторической науке во многом нетривиальная, вследствие узости источниковой базы. Категорическая нехватка источников, аутентичность которых общепризнанна, заставляет искать новые данные в фольклоре и поздних письменных памятниках. Сами по себе такие поиски представляют огромный интерес и составляют увлекательную и сложную исследовательскую задачу. Результат же их часто является небесспорным. Примером тому может служить реконструкция системы восточнославянского язычества Б.А. Рыбаковым¹. Стройная система языческих представлений и состав пантеона, реконструированный ученым, впоследствии не раз подвергались критике, главным образом, из-за сомнений в достоверности привлеченных источников².

Ситуация нехватки письменных источников особенно остро стоит в варяжском вопросе. Его дискуссионный характер в нашей исторической науке далеко не в последнюю очередь обусловлен состоянием источниковой базы. Одним из резервов, способных дополнить сведения ранних письменных источников считаются исторические сочинения XVI–XVII вв. К числу наиболее востребованных из них принадлежат «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна. Это описание Московского государства начала XVI в. стало основой для формирования образа России в западноевропейской литературе Нового времени. Чаще всего «Записки» Герберштейна используют как исторический источник именно по истории России XVI в. Однако описанию актуальной для него российской действительности Герберштейн предпослал часть, посвященную истории России. Здесь довольно подробно и с хорошим знанием фактического материала Герберштейн проследил русскую историю от славянского расселения до правления Василия III.

В основе сообщений Герберштейна лежат данные русских летописей, на что уже неоднократно указывалось в науке. Высказывалось также мнение, что Герберштейн, знавший славянский язык, сам читал летописи в бытность свою в России и даже делал из них выписки³. На пер-

¹ См.: *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.

² См.: *Клейн Л.С.* Воскрешение Перуна. СПб., 2004. С. 68–105; *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 298–314.

³ См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 288–289.

вый взгляд, это представляется вполне вероятным, если учесть исключительную точность в передаче имен, названий и дат. Вместе с тем очевидно также и то, что Герберштейн пользовался многочисленными дополнительными источниками, помимо русских летописей. Некоторые из его источников сами вбирали традицию русского летописания. Такими были, например, сочинения польского историописателя и профессора Ягеллонского (Краковского) университета Мачея Меховского «Tractatus de duabus Sarmatiis» и «Chronica Polonorum», изданные в 1519 и 1521 гг. Они содержали некоторые сведения по истории Руси, восходящие к Яну Длугошу (XV в.), а Длугош, в свою очередь, опирался на русские летописи. Помимо Меховского, Герберштейн имел перед собой также сочинения венского епископа Иоганна Фабри «О религии московитов, «Космографию» Себастьяна Мюнстера и другие популярные в то время историко-географические сочинения⁴.

Все сведения Герберштейна по ранней истории восточных славян достаточно близко передают текст ПВЛ, за исключением места, где говорится о призвании варяжских князей. Для Герберштейна, как для писателя нового времени, была особенно интересна тематика происхождения народов. Нельзя сказать, что этногенез в средние века не интересовал авторов исторических сочинений, но они не занимались этими вопросами столь скрупулезно. Однако, что касается происхождения варягов, то в этом случае Герберштейн, как он указывал в своем сочинении, не смог получить в России сведений об их происхождении. «Про варягов, – писал Герберштейн, – никто не мог сообщить мне ничего определенного, помимо их имени».⁵ Далее Герберштейн рассказывал, что русские «сами называют Варяжским морем (mare Varegum) море Немецкое (Teutsch Moer), по-латыни Балтийское (mare Baltheum)», почему он и «думал было, что вследствие близости (к этому морю) князьями у них (русских – С.С.) были шведы, датчане или пруссы»⁶. Однако это первоначальное мнение Герберштейн изменил на другое. Он пришел к выводу, что варяги были славянами с южного берега Балтики. Из контекста написанного Герберштейном не совсем ясна причина смены его мнения, однако он приводит аргументы, которые, как ему казалось, однозначно доказывают славянское происхождение варягов. Главный аргумент – созвучие названий варяги и Вагрия. Герберштейн указывал, что «С Любеком граничила когда-то область вандалов со знаменитым городом Вагрия, так что, как полагают, Балтийское море и получило название от этой Вагрии (Wagria)». Итак, варяги были призваны из города Вагрия,

⁴ См.: Герберштейн С. Указ. соч. С. 35; Кудрявцев О.Ф. Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов» // Россия и Германия. М., 1998. Вып. 1. С. 12.

⁵ Герберштейн С. Указ. соч. С. 60.

⁶ Там же.

а вандалы являлись славянами. «Более того, продолжал Герберштейн, вандалы тогда не только отличались могуществом, но и имели общие с русскими язык, обычаи и веру, то, по моему мнению, русским естественно было призвать себе государями (Herrschaften) вагров, иначе говоря, варягов, а не уступать власть чужеземцам, отличавшимся от них и верой, и обычаями, и языком»⁷. Таким образом, еще один аргумент в пользу славянского происхождения варягов основывался на том, что, по мнению Герберштейна, призвать правителя от единоплеменного народа проще, чем от чужого.

Эти положения Герберштейна стали трактоваться как свидетельство существования традиции, восходящей ко времени призвания варягов. Оговорка Герберштейна («как полагают») могла, по мнению некоторых историков, свидетельствовать о том, что австрийский дипломат усвоил эту версию во время своего путешествия в Данию (ему как раз доводилось проезжать через земли вагров). Утверждается, что историки имеют в данном случае дело с исторической памятью, пусть и несколько видоизмененной, но опирающейся на реальные события. Такого мнения придерживается группа ученых, стоящих на антинорманистских позициях (В.В. Фомин, Е.С. Галкина и др.), которые видят в сведениях Герберштейна дополнительное доказательство славянского происхождения варягов.⁸

Точке зрения антинорманистов противостоит достаточно убедительное мнение о том, что все сообщение Герберштейна является продуктом его собственных измышлений. Такой позиции придерживались многие историки, разделявшие скандинавскую концепцию происхождения варягов. Следует упомянуть (из новейших работ) статьи известных специалистов в области истории Древней Руси Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина⁹. Главным аргументом Герберштейна и его посылом (заставившим искать варягов Вагрии) они считают уже упомянутое созвучие названий. Это справедливое наблюдение требует, на наш взгляд, некоторого дополнения. Герберштейн не просто подобрал созвучное название, он не являлся фантазером, пытавшимся решить сложный вопрос простым способом. Герберштейн выступает в этом случае скорее как исследователь, который пользуется методом, считавшимся вполне допустимым в ученом сообществе в его эпоху. Сравнительно-лингвистический метод еще не был открыт и исторической лингвистики как таковой не суще-

⁷ Герберштейн С. Указ. соч. С. 60.

⁸ См.: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. М., 2005. С. 432.

⁹ См.: Петрухин В.Я. Сказание о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М., 2008. С. 78; Мельникова Е.А. Ренессанс средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // Родина. 2009. № 5. С. 56.

ствовало, поэтому догадка Герберштейна может считаться гипотезой, выдвинутой на уровне науки своего времени.

Можно привести примеры использования подобного метода для создания исторических реконструкций. Так, например, отождествление русских и роксолан, впервые появилось в итальянской историографии эпохи Возрождения. Эней Сильвий Пикколомини (папа Пий II) писал в своем трактате о «Состоянии Европы в правление Фридриха III», что русские назывались в трудах античных географов и историков Птолемея и Плиния роксоланами. Это мнение было подхвачено европейским ученым сообществом. Его придерживались и польские историописатели (М. Меховский, М. Бельский, М. Стрыйковский)¹⁰. В польской историографии XVI в. происхождение русских от роксолан очень хорошо сочеталось с мнением, что предками славян являлись античные сарматы¹¹. Роксоланы как раз назывались некоторыми античными авторами (Тацитом, Плинием) сарматским племенем¹². Созвучие казалось настолько очевидным и бесспорным аргументом, что его редко оспаривали (исключения – М. Кромер и Дж. Флетчер)¹³. Герберштейн не поддержал, но и не опроверг роксоланской версии, упомянув ее среди прочих известных ему версий¹⁴.

Говоря о подобном методе поиска созвучных слов, следует обратиться к другому этнониму, которым оперирует Герберштейн, доказывая южнобалтийское происхождение варягов – вандалы. Представляется, что именно из-за предположения о славянской принадлежности вандалов Герберштейн вообще обратился к Южной Балтике, где, согласно свидетельствам античных географов, проживали вандалы. Достаточно много написано о том, как в средние века вандалов стали отождествлять со славянами. По-видимому, главную роль здесь также сыграло созвучие: вандалы – венды. Венды – славянское племя, вандалы – германское. На это прямо указывали Тацит и Прокопий Кесарийский (последний сближал вандалов и готов)¹⁵. Тем не менее, с конца X в. словом вандалы

¹⁰ *Aeneae Sylvii Bartholomeus. De Statu Europae sub Friderico III liber // Rerum Germanicarum Scriptores. Vol. II. Argentorati, 1717. P. 115; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka. T. 1. Warszawa, 1846. P. 110–111 (первое издание «Хроники» Стрыйковского вышло в 1582 г.); Кудрявцев О.Ф. Указ. соч. С. 17.*

¹¹ *Лескинен М.В. Образ сармата в истории. На пути формирования национального самоосознания народов Речи Посполитой во второй половине XVI – первой половине XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.*

¹² *Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2009. Т. I. С. 240–241, 250–251.*

¹³ *Kromer M. Kronika Polska. T. I. Krakow, 1882. P. 170; Флетчер Д. О Государстве Русском. СПб., 1906. С. 5.*

¹⁴ *Герберштейн С. Указ. соч. С. 60.*

¹⁵ *Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. М., 1993. С. 179.*

стали иногда именовать поляков. Так, например, Герхард в Житии святого Ульриха называет польского короля Мешко I *dux Wandalorum*. Адам Бременский, описавший в конце XI в. Балтийский регион, уже утверждал, что все славяне в древности назывались вандалами¹⁶.

Вероятно, соотнесение вандалов со славянами было связано с тем, что они обитали примерно в одном регионе: до начала своих передвижений вандалы проживали в междуречье Одера и Вислы. Из польских историописателей наибольшее внимание вандалам уделил Ян Длугош (середина XV в.). Он утверждал, что «вандалы ныне зовутся поляками» и что река Висла первоначально носила название Ванда или Вандалом. Помимо Длугоша можно назвать также немецкого автора Альберта Кранца, писавшего в начале XVI в. и обратившегося к вопросу о происхождении славян в своем сочинении «О Вандалиии».¹⁷

Важно то, что вандалы были памятны для позднеантичных и средневековых историков. Они прошли с завоеваниями длинный путь от Балтики до Карфагена, захватили и разграбили Рим в 455 г. Конечно, их роль в истории не вполне благовидна, но ведь известность отнюдь не всегда приносит добрые дела. А такое деяние, как захват Рима, могло рассматриваться в Средние века, скорее как доблесть. Доблесть или подругому «славность» была присуща вандалам, что могло послужить Герберштейну дополнительной причиной для соотнесения вандалов и варягов.

Следует отметить, что мнение Герберштейна было весьма популярным в Новое время. Так, например, хорватский историописатель Мавро Орбини писал, что «русси ради збрания нового князя послали в Вагрию город и в провинцию в прошлых временах весьма славную вандалов... дабы иметь какого-либо правителя от этого народа им во всем единообразного». Прусские авторы начала XVIII в. Б. Латом и Ф. Хемниц придерживались того же мнения. Тогда же соотносил варягов с ваграми, а Рюрика выводил с южнобалтийского побережья и Готфрид Вильгельм Лейбниц¹⁸.

В России наиболее ярким сторонником славянского происхождения варягов был М.В. Ломоносов. Ломоносов, основываясь на европейской

¹⁶ См.: *Steinacher R.* Wenden, Slawen, Vandalen. Eine fruhmittelalterliche pseudologische gleichsetzung und ihre nachwirkungen // *Die Suche nach den Ursprüngen. Von der Bedeutung des frühen Mittelalters.* Ed. *W. Pohl.* Wien, 2004. S. 335, 345–346.

¹⁷ *Длугош Я.* Анналы или хроники славного королевства Польши. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Dlugos_2/frame1.htm (дата обращения: 18.09.2012); *Krantz A.* Wandalia. Coloniae, 1519.

¹⁸ *Орбини М.* Книга историография. СПб., 1722. С. 81; *Герье В.* Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 102; *Фомин В.В.* Начальная история Руси. М., 2008. С. 189–195.

традиции, идущей от Герберштейна, добавил к доказательствам в пользу славянства варягов также сюжет «Сказания о князьях владимирских»¹⁹. В этом сказании XVI в. говорилось, что Рюрик с братьями был призван из Пруссии, а предок Рюрика Прус (от его имени происходит название «Пруссия») прибыл туда из Рима и является родственником императора Августа²⁰. Это династическая по своей сути легенда оказалась весьма кстати для доказательства южнобалтийского происхождения летописных варягов. Следует подчеркнуть, что легенда о Прусе и Рюрике никоим образом не связана с рассказом Герберштейна и выстроена в рамках иной логики. Помимо Ломоносова версию о призвании варягов с Южной Балтики разделяли также в российской историографии XVIII в. А.И. Манкиев, Ф.А. Эмин, В.К. Тредиаковский, М.М. Щербатов.²¹

Таким образом, мнение, высказанное Герберштейном о славянском происхождении варягов, едва ли можно считать частью исторической памяти, сохранившейся с раннего средневековья. Важный методологический момент, который следует учитывать при изучении исторической памяти, состоит в том, что следует разделять историческую память, то есть основанные на фактах истории представления общества о своем прошлом и те сюжеты, которые появились и обращались в интеллектуальном пространстве образованной элиты.

¹⁹ Ломоносов М.В. Древняя российская история. СПб., 1766. С. 43–44.

²⁰ Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

²¹ Эмин Ф.А. Российская история. СПб., 1767. Т. I. С. 47–48; Манкиев А.И. Ядро российской истории. М., 1770. С. 22; Тредиаковский В.К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских // Сочинения. СПб., 1849. С. 488, 495–496; Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. I. С. 105.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА И ЧЕШСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Осмывая историческое значение эпохи Отечественной войны 1812 года, следует, как нам представляется, обратить особое внимание на ту роль, которую великая победа России сыграла в исторической судьбе чешского народа, прежде всего, на пути становления его национального самосознания.

В начале XIX в. чешский народ переживал эпоху Национального Возрождения, истоки которой восходят еще к середине предыдущего столетия. Чешский народ постепенно пробуждался от векового летаргического сна, в который погрузился после белогорской катастрофы 1620 г. Не случайно деятели Национального Возрождения стали именоваться «будителями», а предшествующий Возрождению период жесточайших гонений на чешскую культуру, когда была развернута настоящая охота не только за печатным, но и за каждым рукописным словом на чешском языке, – эпохой тьмы.

Уже первое поколение чешских будителей искало точку опоры в идее славянской взаимности, надеясь на помощь и поддержку связанных нерушимыми узами кровного, языкового и духовного родства других славянских народов, прежде всего русского, сумевшего отстоять национальную независимость, создать могучую империю и достичь во второй половине XVIII века больших успехов в развитии науки и культуры.

Россия и русские занимали особое место в мировоззрении виднейшего из чешских будителей первого поколения – историка и лингвиста Йозефа Добровского.

Уже в 1792–1793 гг. Й. Добровский совершил путешествие в Россию, поскольку решая главную свою задачу – научить своих молодых соотечественников писать и думать по-чешски – он активно обращался к русскому языку и литературе как источнику для восполнения отсутствовавших в чешском языке образов и понятий, необходимых для освоения всего богатства содержания научной и художественной литературы эпохи Просвещения¹.

Мощным импульсом к пробуждению чешского национального самосознания и вместе с тем – к укреплению чувства славянской взаимности было прохождение через чешские земли суворовских войск на пути в Италию. Чехи воочию увидели мощную славянскую армию, о подвиге

¹ См.: Кузнецова Р.Р. История чешской литературы. М., 1987. С. 56–57.

гах которой на полях Северной Италии и заснеженных альпийских перевалах стали вскоре слагаться легенды, а казачьи части, самим своим обликом, традициями и обычаями заставили вспомнить полевые войска непобедимых таборитов².

Симпатии к России и надежды на помощь русского народа крепились вместе с сокрушительными поражениями Габсбургской империи в войнах против наполеоновской Франции. Победа России в Отечественной войне и изгнание «Великой армии» из России подняли авторитет нашей страны в Чехии, как и во всей Европе, на небывалую высоту, но свое окончательное оформление мысли и чувства чехов по отношению к русским обрели после знаменитого Кульмского сражения, происходившего 17–18 августа 1813 г. на северо-западных рубежах Чехии и сыгравшего во многом ключевую роль в ходе кампании, завершением которой стала «битва народов» под Лейпцигом.

В глазах русских современников Кульмское сражение, в котором русские солдаты и офицеры проявили беспримерное мужество, встало в один ряд с Бородинской битвой. Юный Александр Сергеевич Пушкин писал в 1815 г.:

Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели наши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?³

Сражение под Кульмом оставило глубокий след и в исторической памяти чешского народа. Для того, чтобы понять истоки его особого восприятия в Чехии, необходимо иметь в виду не только естественную радость в связи с избавлением чешских земель от ужасов вторжения дерзкого и жестокого противника⁴, но и то, что с полем Кульмской бит-

² См.: История Чехословакии. В 2 т. М., 1956. Т. I. С. 342.

³ Пушкин А.С. На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году // И славили Отчизну меч и слово: 1812 год глазами очевидцев. Поэзия и проза. М., 1987. С. 128.

⁴ У Кульма русский аррьергард, прикрывавший отход Главной армии союзников после неудачного сражения у Дрездена остановил и разгромил брошенный Наполеоном наперерез ей корпус во главе с маршалом Д.Ж. Вандамом. Участник Кульмского сражения Ф.Н. Глинка вспоминал: «Наполеон, успев собрать великое войско около себя, сделался уже страшен союзникам. Они предприняли отступление. Пользуясь сим, противник их посылает одного из дерзостнейших подручных полководцев своих, свирепого Вандама с 30 000 войск, которому предписывает с всевозможной поспешностью и по самой кратчайшей дороге, опережая союзников, наступать на пределы Богемии, прорваться в Австрию и ломиться до самой Вены, предавая все огню и мечу» (Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 201).

вы (чешское название Кульма – Хлумец) связана одна из самых славных страниц истории чешского оружия. Именно здесь, у Хлумца, много столетий назад, в далеком 1126 г. чехи одержали одну из самых громких побед в своей истории, которая стоит в одном ряду с ратными подвигами таборитов: войско чешского князя Собеслава I обратило тогда в паническое бегство рыцарскую армию германского императора Лотаря, а сам император и множество немецких князей, включая знаменитого Альбрехта Медведя, были взяты в плен⁵.

Русские солдаты и офицеры, одержавшие блистательную победу на поле у Хлумца, воспринимались в Чехии как достойные наследники чешской военной, вписавшие новую славную страницу в историю славянских народов.

По окончании эпопеи наполеоновских войн Чешское Национальное Возрождение вступило во второй, кульминационный этап своего развития, когда творческий гений чешского народа вышел на уровень высших достижений мировой художественной культуры, а политическая идеология поставила задачу восстановления государственной независимости.

Именно в это время наблюдается небывалый всплеск симпатий чехов к России. Видный деятель Национального Чешского Возрождения Вацлав Ганка, впервые познакомившийся с русскими в 1813 г., вспоминал: «Я полюбил русских и за их доброту, и за то, что легко мог понимать их, не так, как немецких солдат... Русские, думали себе мы, юноши, слыша об успехах в войне с Наполеоном, стоят сами за себя, заставляют себя уважать и бояться, а нас, чехов, будто и на свете нет. У них, русских, все свое, а у нас когда-то все было и давно уж нет. Почему же нет, когда было? Почему 1812 г. и потом 1815-й произвели на нас такое впечатление, какого после не производило уже ни одно событие?»⁶

Глубоко закономерным поэтому представляется то, что в произведениях двух самых ярких представителей литературы чешского романтизма чувство славянской взаимности с особыми симпатиями к русскому народу проявилось с наибольшей полнотой.

Во-первых, следует вспомнить увидевшую свет в 1824 г. поэмы «Дочь Славы» Яна Коллара, словака, писавшего по-чешски. Величественное поэтическое полотно, состоящее из 615-ти сонетов, рисует

⁵ См. повествование современника событий — продолжателя «Чешской хроники» Козьмы Пражского, так называемого Вышеградского каноника (*Fontes rerum Bohemicarum. Pragaе, 1874. Т. II. Р. 203–204*) и эмоциональный рассказ основоположника чешской историографии, ученого XIX века Франтишека Палацкого (см.: *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. Praha: L. Mazač, 1939. D. I. S. 238–240*).

⁶ Цит. по: *Иванов Ю.Ф. Подъем русско-чешских научных и культурных связей (30-е – 40-е годы XIX в.) // Славянские исследования. Л., 1966. С. 67.*

грандиозную картину славянского мира, его природы, драматических страниц исторического прошлого. Из размышлений Коллара о прошлом и настоящем органически вытекало его пророчество о великом будущем славян, о сказочной стране Славии, которая будет простираться от Эльбы до Камчатки и в которой, как в дружной семье, обретет достойное место каждый из славянских народов:

«С Афона до суровых поморян,
От поля Косова к горе Триглаву,
С Царьграда к городу Петровой славы,
От Ладоги до прикаспийских стран,
С казацкой степи вплоть до дубровчан,
От Балатона к Балте величавой,
От Праги до Москвы золотоголовой,
К Камчатке – далее, за океан.
На Волге, в Татрах, меж Уральских гор,
Повсюду – наша родина, о братья!
Куда орлиный достигает взор,
Где только речь славянская слышна,
Везде – друг друга заключим в объятия!
Везде – Всеславия, везде – она!»⁷

В возрождении и восхождении славянского мира к вершинам совершенства и могущества ключевая роль, по мысли Коллара, должна принадлежать России. В 134-м сонете второй песни «Дочери славы» эта мысль облекается в форму художественного образа, созданного на основе реальных событий, происходивших 24 февраля 1799 г. в моравской деревне Старые Шалеровцы:

«Ночь. В Старых Шалеровцах спит народ.
Стоит февраль, снега сыреют, тая,
И вдруг внизу разбушевалась Тайя...
Она гудит, она ломает лед.
И – приступом – в селенье ... Встречный скот,
Дома и камни на пути сметая!...
... Постигла жителей судьбина злая.
Кто молча тонет. Кто кричит, зовет...
— На помощь! – крик несется к небесам,
Но нет нигде поблизости спасенья.
Оно приходит из России к нам...

⁷ Коллар Я. Сто сонетов. М., 1973. С. 113 (Пер. Ю. Нейман).

Три казака, слышав крик вдали,
Спустили в воду челн без промедленья
И полтора человека спасли»⁸.

Иные грани идея славянской взаимности и роль России в судьбах славянских народов обретают в творчестве другого корифея литературы чешского романтизма – Франтишека Ладислава Челаковского.

Особое место как на творческом пути Челаковского, так и в истории чешской литературы занимает цикл с очень характерным названием – «Отзвук русских песен», написанный в 1829 году. Непосредственным толчком к его созданию стала русско-турецкая война 1828–1829 гг., покрывшая русское оружие новой славой и сыгравшая важную роль в освобождении от турецкого ига греков, румын и сербов.

В марте 1829 г. Челаковский писал о политике австрийских властей, что если бы им «не приходилось оглядываться на русских, онемечивание и истребление славян достигло бы у нас таких размеров, что вскоре нельзя было бы увидеть клочка славянской одежды и услышать славянское слово. Мы любим русских за это. Любим всей душой. И если гнусная политика запрещает нам проявлять эту любовь, <...> будем тем усерднее внушать ее, распространять веру в них, где только можно и как только можно. Пламя московского пожара озарило всю Россию и все славянство»⁹.

Стремление «внушать любовь» к русскому народу вызвало к жизни «Отзвук русских песен», на страницах которого Ф.Л. Челаковский создает романтически-сказочную картину Руси, нарисованную яркими красками народной поэзии. Важно при этом отметить, что чешский поэт не ставил перед собой задачу подражания или поэтического пересказа тех или иных произведений древнерусской поэзии, а стремится к созданию в полной мере оригинальных произведений, выдержанных в определенном, обусловленном общим композиционным замыслом цикла жанрово-стилевым ключе – былины, песни, сказания. Таким образом, образы Ильи Муромца¹⁰, былинных богатырей, других героев русского фольклора становились органической частью чешской художественной культуры.

⁸ Коллар Я. Сто сонетов. С. 107 (Пер. Ю. Нейман).

⁹ Цит. по кн.: Очерки истории чешской литературы XIX–XX веков. М., 1963. С. 72.

¹⁰ Стихотворение «Богатырь Муромец», открывающее цикл «Отзвук русских песен» и задающее ему тон см. в русском переводе в кн.: Антология чешской поэзии XIX–XX веков. В 3 т. Т. 1. М., 1959. С. 145–147.

Ровно через десять лет Челаковский выпустил в свет сборник под созвучным названием «Отзвук чешских песен», подчеркивая тем самым неразрывную связь чешского и русского народа, их культур.

Всплеск горячих симпатий к России, имевший место в Чехии в первые десятилетия XIX в., стал ослабевать по мере приближения к середине столетия в связи с разочарованием чешских патриотов в политике русского самодержавия. Отношение к России обрело новое русло, в пределах которого находилось место и для симпатий и дружественных чувств, но также и для критики и отторжения. Однако в исторической памяти навсегда остался тот момент духовного единения славян, когда великая победа России сыграла роль мощного фактора пробуждения национального самосознания и чувства собственного достоинства братского чешского народа.

С.А. Кочуков

**«ДУШЕПРИКАЗЧИК СЛАВЯНОФИЛОВ»
О РОЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОСВОБОЖДЕНИИ
СЛАВЯН БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА
ОТ ВЛАСТИ ТУРОК
(речи И.С. Аксакова в Московском Славянском
благотворительном комитете)**

«Душеприказчик славянофилов» – такую точную и в то же время лаконичную характеристику дал историк Н.П. Барсуков лидеру и идейному вдохновителю Московского славянского благотворительного комитета И.С. Аксакову¹. Тем не менее, политическое мировоззрение И.С. Аксакова не было неизменным, о чем свидетельствует его переход от «раннего славянофильства» к панславизму. Эволюции взглядов И.С. Аксакова способствовали как знакомство с работами Н.Я. Данилевского и творчеством Ф.И. Тютчева, так и начавшееся на Балканском полуострове национально-освободительное движение южных славян. Следует согласиться с мнением Р.П. Гришиной, которая отмечает, что «славянофилы немало сделали для расширения кругозора русской интеллигенции о «славянстве» как таковом, а также в пользу самих балканских славян, снабжая их книгами, церковной утварью, создавая фонд помощи»². Вместе с тем «зачинщики» Славянского благотворительного комитета понимали идею освобождения славян от власти турок доктринерски, ставили во главу угла лишь то, что связывало русских с южными славянами и не замечали различий. В их представлениях ценности, связанные с включением православных славян Балканского полуострова в пространство национального мифа русского самосознания, были однозначно приоритетными сравнительно с прагматическими интересами внешней политики как России, так и народов Балканского полуострова (Сам термин «панславизм» в этом отношении, на наш взгляд, не совсем верен: славяне у славянофилов были объектом, включаемым в пространство идеи русского национального строительства).

Князь В.П. Мещерский в своих мемуарах называл И.С. Аксакова «народным диктатором»³. У мемуариста были определенные основания

¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 18 кн. СПб., 1901. Кн. 18. С. 437; Русский консерватизм середины XVIII – XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 25.

² Гришина Р.П. Российское общественное мнение и Балканы // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 153.

³ Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 356.

для такой оценки. Вот как он описывает прием у Аксакова: «Помню, что голова закружилась от этой массы людей всякого звания, как поток нахлынувшей в его приемную, и как сердце усилено билось и умилялось от бесчисленных проявлений народного энтузиазма. Как вчера помню этих старушек и стариков, на вид убогих, приходивших вносить свои лепты для славянских братьев в каком-то почти религиозном настроении, я в этой толпе заметил одну старушку, на вид старую, долго разворачивавшую грязненький платок, чтобы достать из него билет в 10 тысяч рублей. И действительно, деньги лились рекою...»⁴. Безусловно, не стоит принимать на веру все, что пишет князь Мещерский, так как Аксаков мог устроить что-то вроде показательной инсценировки для знатных, состоятельных и влиятельных лиц. Во всяком случае, выступления в прессе и публичных собраниях сделали Ивана Сергеевича чрезвычайно популярным.

Действительно, сила «слова» сделала свое дело. Помимо речей в Славянском комитете Аксаков широко использовал для популяризации своих идей периодические издания, главным образом газеты – «День», «Москва», «Москвич», «Русь». Из этого ряда выделяется газета «День», так как она носила литературно-общественный характер. Кроме того, именно в публикациях этой газеты Аксаков подробно рассматривал понятие «общество»⁵. А это чрезвычайно важно, если рассматривать балканскую проблему через призму взаимоотношения российского общества и власти. В данном случае он четко провел разграничительную линию между двумя этими понятиями. Кроме того, Аксаков определил и функции общества и власти. Он развивал славянофильскую концепцию «земли и государства», добавляя понятие «общество»: «Русский народ, образуя Русское государство, признал за последним, в лице царя, полнейшую свободу правительственного действия, неограниченную свободу государственной власти, - а сам, чуждаясь всяких властолюбивых притязаний, всякого властолюбивого вмешательства в область государства землею мысленно – полную свободу бытовой и духовной жизни, свободу мнения, т.е. мысли и слова»⁶. Другими словами, государство должно заниматься политикой, в том числе внешней, что же касается общества, то его прерогатива – дела «земли»⁷. Это может показаться определенным противоречием. Ведь если ситуация на Балканском полуострове относилась к области внешней политики, то соответственно ее решение было делом сугубо государственным. Лучше

⁴ Мещерский В.П. Воспоминания... С. 356.

⁵ См.: Пайнс Р. Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры. М., 2008. С. 172.

⁶ Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова. В 7 т. СПб., 1886–1887. Т. 2. С. 281.

⁷ Пайнс Р. Указ.соч. С. 173.

всего привести слова А.Н. Пыпина, который верно определил взгляды Аксакова на эту непростую проблему. В одной из своих статей Пыпин высказался следующим образом: «По учению Аксакова, славянский вопрос не есть какой-нибудь внешний, посторонний, как иной дипломатический вопрос, в котором Россия может занять, по обстоятельствам то или иное положение; напротив, он принадлежит к самой сущности ее национального бытия и в церковном, и в народном отношении. Славянский вопрос есть собственно русский вопрос. Участие в славянских делах, освобождение поработанных единоплеменных и единоверных народов от чужого ига, есть призвание России, задача ее исторического существования. Русский народ действует в этом вопросе не сам по себе, но как представитель целого славянского мира»⁸.

В газете «День» (№1 за октябрь 1861 г.) вышел очередной «Славянский обзор», в котором Аксаков высказался достаточно твердо по теме исторической миссии России. По его мнению, только от России и ни от кого другого славяне Европы должны принять свободу. Он отмечал: «Освободить из-под материального и духовного гнета народы славянские и даровать им дар самостоятельного духовного, и, пожалуй, политического бытия, под сенью могущественных крыл русского орла – вот истинное историческое призвание, нравственное право и обязанность России»⁹.

Как видно из этого отрывка, спасение славян должно идти только от Российской империи. И противники этого процесса – не только мусульманский, но и католический миры. Как заявлял сам Аксаков: «...везде славянскую народность гнетут или немцы, или турки»¹⁰. В данном случае под словом «немцы» он подразумевал Австрийскую империю, которая являлась злейшим врагом освобождения славян¹¹. Подобные настроения были чрезвычайно сильны в Московском славянском благотворительном комитете. Например, профессор Кишельский, активный член комитета, писал: «О плачевном, безвыходном положении задунайских славян всюду печатно заговорили, все журналы России с особою энергиею вызывают сочувствие и полное сострадание к безвыходному положению угнетенных собратьев, когда печатно просят они пожертвовать в пользу настоящих и будущих деятелей задунайских славян, в пользу отстаивающих свою там веру и независи-

⁸ Пыпин А.Н. Славянский вопрос по взглядам И. Аксакова // Вестник Европы. 1886. №8. С. 766.

⁹ Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова. Славянский вопрос 1860–1886. М., 1886. С. 6.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 44; Русский консерватизм XIX столетия / Под ред. В.Я. Гросула. М., 2000. С. 225.

мость. Они умоляют, призывая всех пожертвовать в пользу воспитания детей болгар и прочих задунайских славян. Подвластные Турции славяне глубоко сознали, что образование есть единственная теперь точка опоры против враждебных интриг латино-германских держав запада к миру славянскому, они поняли, что со временем оно даст им возможность пред целым миром заявить о своем существовании и протестовать против бесчеловечия западного христианства. <...> Грустно, по правде сказать, смотреть на эти подлые поступки и интриги в христианстве, единственной в мире благой и святой вере»¹².

В определенной степени выступления Аксакова могли даже расцениваться как политически опасные, оппозиционные, так как именно в адрес общественных православных сил, а не официальной власти он направлял призывы к формированию освободительных сил в помощь славянам Балканского полуострова. В речах Аксакова вместе с тем заметно неприятие принципа светского государства. «Как бы ни старались современные публицисты, - говорит Аксаков, - возвести значение государства на высоту отвлеченного принципа, отрешенного от всякого стороннего, духовного элемента, и именно от элемента веры, но именно такое требование, обращенное к государству, может быть, и справедливое в отвлеченной теории, противоречит могучим, неодолимым требованиям живой истории народов»¹³.

Если в середине 70-х гг. XIX в. на Балканском полуострове национально-освободительное движение вступило в новый этап развития, то и в России начинается борьба, только не вооруженная, а на трибунах общественных организаций и на страницах периодических изданий. Вопрос был один. Если помогать братьям-славянам, то каким образом эта помощь должна осуществляться?

Выступления председателя Московского славянского комитета были частью непростых отношений власти и общества в эпоху «Великих реформ». Впервые это проявилось во время работы этнографической выставки, которая проходила в Москве в 1867 г. Ни для кого не было секретом, что это действо «было задумано несколькими московскими учеными и патриотами, приняло под влиянием тогдашнего славянофильского настроения некоторый оттенок политический»¹⁴. Другими словами, Аксаков и его сторонники хотели перехватить у верховной власти инициативу решения внешнеполитических проблем. Вследствие этого диалога между славянскими делегатами и Александром II не произошло, разговор шел на совершенно отвлеченные те-

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1750. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–1об, 3об.

¹³ Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова... С. 96.

¹⁴ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 461.

мы. Только канцлер А.М. Горчаков решился затронуть проблему освобождения славян. Однако он заявил, что это дело далекого будущего. «Я стар, - сказал он, - и, быть может, не доживу до того, но преемники мои будут также на страже интересов сербского народа, как и я старался быть...»¹⁵.

После этнографической выставки Аксаков полностью сконцентрировал свое внимание на публичных выступлениях и статьях в прессе причем его выступления раз за разом становились все более резкими. Еще 6 января 1867 г. Иван Сергеевич Аксаков выступил в газете «Москвич» с большой статьей в пользу братьев-славян. «И такие-то беды, - говорит Аксаков, - такие искушения и соблазны выдерживают уже четыре века сряду православные племена в Турции. Каждый из восьми миллионов православных, подвластных султану, может сказать себе и говорит ежедневно: «отрекись я от своей православной веры, жена и дочь моя не будут обесчещены турками, поле мое не будет ограблено; достояние мое, стяженное кровью и потом, не разграбится, сам я не буду терпеть обид и унижений, не буду видеть своей веры и своих храмов поруганными»... И страшным недоумением объят наш бедный брат, и обращает взоры свои к дальнему северу, туда, где Россия»¹⁶.

Речь И.С. Аксакова, произнесенная им в Славянском комитете в июне 1867 г., наполнена еще большим эмоциональным накалом: «Неистовства, зверства, бешенный разгул самых диких страстей, сжигание заживо девиц, наперед поруганных и обесчещенных, истребление мирных жителей десятками тысяч, опустошение целого края огнем и мечом, - все роды мук и бед обрушены ныне на безоружное болгарское население рассвирепевшим изуверством азиатской орды, сидящей на развалинах древнего, великого православного царства и других православных славянских держав»¹⁷.

Убежденность Аксакова в этом вопросе объясняется еще и тем, что на первый взгляд казалось, что само «предприятие» в деле агитации общества развивается так, как было задумано. Действительно, желающих ехать на Балканский полуостров было много, в прессе постоянно поддерживалось стремление помочь несчастным: «Бабы навзрыд плакали, а мужики хмуро лезли в кошельки и доставали свои лепты в пользу «несчастных». Когда доходили газетные вести, что турки одолевают сербов, одолели Черняева, в народе раздался глухой ропот: «Что же царь-то не заступится? Беспременно надо помочь»¹⁸.

¹⁵ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 473.

¹⁶ Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова... С. 100.

¹⁷ Там же. С. 215.

¹⁸ Никольский Ст. Народный патриотизм // Русский архив. 1914. №10. С. 214.

Однако на деле все оказалось не так безоблачно, как хотелось Аксакову или его сторонникам. Если в Москве или Санкт-Петербурге наблюдалась картина общественного воодушевления, то совершенно другая обстановка складывалась на периферии (например, в Варшаве, куда прибывали раненые русские добровольцы из армии генерала Черняева). Современник писал по этому поводу: «Раненые русские постоянно прибывают сюда в самом бедственном положении (без перевязки, без всякого осмотра) и мрут как мухи. Вообще здесь дела идут весьма печально: Черняев проиграл генеральное сражение; об этом говорят все офицеры... Что же касается Белграда, то этот город вовсе не укреплен, несмотря на то, что говорили и писали в России. Вся крепость после 2–3-х удачных выстрелов разлетится в дребезги! Наши офицеры дерутся славно, но погибает их в каждом сражении до 60%, потому что они идут впереди, между тем как сербские офицеры стоят позади. Бывает так же и так, что сербы стреляют в стороны в наших офицеров, как например, в графа Коновницына, Гронкевича и других»¹⁹.

Конечно, зажигательные речи Аксакова делали свое дело и многие записывались добровольцами на Дунай. Но по истечении некоторого времени происходила переоценка ценностей и добровольцы, побывавшие в Болгарии и Сербии в 1876 г., начинали по-иному воспринимать реальность, отличая ее от славянофильской пропаганды. Появились сторонники разрешения очередного балканского кризиса мирным путем. В одном из частных писем отмечалось: «Кровь русских героев льется за угнетенных братьев славян. Победями славяне обязаны русскому генералу, русским офицерам! Вот чем наполнены газеты. Но для кого они пишутся. Ведь никто из образованных людей им не верит, а русский народ пребывает в глубоком невежестве, вовсе не знает, что поминутно печатаются в газетах «воля русского народа, русский народ, рвется подать руку помощи братьям славянам» и т.д. Спросите у этой многомиллионной массы, что такое славяне? Все выпучат глаза... Газеты могут говорить от имени известного общественного кружка, но ссылаться на народ не могут. Есть русское государство с 80 миллионным населением, но 80 млн. русского народа не существует. Поговорите с мужиком, например, Полтавской губернии о связи его с Москвой, о великой славянской семье, мужик будет только хлопать глазами! Без помощи исправников и других властей русский человек не поднимется никогда, никогда не принесет жертв в ущерб своему имуществу. Нечего говорить, что народ понимает будущность великой славянской семьи! Кто истинно любит Россию, тот поймет, что теперь она нуждается только в мире и мире»²⁰. Под «обществен-

¹⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 451. Л. 1–1об.

²⁰ Там же. Д. 447. Л. 1–1об.

ным кружком» в данном случае понимается Московский славянский комитет, который отправил на бойню тысячи русских добровольцев еще до объявления войны.

Подобные настроения были далеко не единичны. Вот некоторые из них. «Припоминая все, что писалось в газетах о сербах и сравнивая с тем, что я вижу здесь, только приходится удивляться: как газеты способны так сильно врать? Так например, описывается храбрость сербов, а между тем факт, что русские офицеры заставляют их идти вперед под страхом смертной казни! Россия уже слишком щедра для сербов деньгами, большая часть которых, как многие заметили, остаются в карманах у митрополита»²¹. Обратимся к другому письму: «Поехали мы сюда, чтобы биться за сербскую свободу, а на деле оказалось, что мы орудие известной партии. Народ здешний настолько нравственно пал, что не хочет войны и не понимает причины случившегося... В газетах писали, что здесь русских встречают с распростертыми объятиями, на деле же оказывается, что от нас отворачиваются, смеются и вообще относятся самым недружелюбным образом. Возмутительно, как наши газеты лгут нахально! Мне пришлось вчера провожать партию офицеров, которые рвались подраться за идею освобождения, но, узнав здесь о деле, поехали чуть не плача. В последних сражениях дрались одни только русские, сербские офицеры все целы: они со своими солдатами попрятались в виноградниках и кукурузе! Сам Черняев выгонял их оттуда шпагою и выстрелами из револьвера»²².

Не стоит также думать, что «зажигательные речи» Аксакова сколько-нибудь серьезно поколебали южнославянское общественное мнение по вопросу о борьбе с Османской империей. Примером является хотя бы тот факт, что в 1860 г. Аксаков отправил в Сербию знаменитое послание славянофилов, в котором М.П. Погодин, К.С. Аксаков, А.С. Хомяков заявляли о скорейшем решении балканского вопроса. Ряд сербов просто отказался встречаться с Аксаковым, другие «отвергли послание как выражение российской великодержавной политики, несущей сербам угрозу растворения в славянстве»²³.

Постепенно русское общество стало понимать, что им просто манипулируют. Причем в Аксакове начали разочаровываться люди, которые раньше им были очарованы, например, князь В.П. Мещерский. Если раньше он считал, что движение, который «разогрел» своими речами Аксаков «было действительно весьма интересным событием»²⁴ и

²¹ *ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 452. Л. 1.*

²² Там же. Д. 449. Л. 1–1об.

²³ *Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – XX вв. М., 2007. С. 178.*

²⁴ *Мещерский В.П. Воспоминания... С. 356.*

все, что связано с председателем Московского славянского комитета «дышит любовью и выбрасывает из себя любовь – и только любовь, любовь к правде, любовь к чести, во всех ее видах, любовь к своему народу, любовь к своей церкви...»²⁵, то со временем внук Карамзина пересмотрел свои взгляды. Теперь он полагал, что был одурманен всем происходившим в Славянском комитете, смотря на все через «розовые очки»²⁶.

Действительно, чем ближе была развязка очередного балканского кризиса, тем импульсивнее были речи Аксакова с трибуны комитета. Необходимо также вспомнить еще об одной силе, которая до определенного момента не вмешивалась в общественные дела – об официальном Петербурге. У самого императора Александра II не было до конца 1876 г. четкой позиции по балканскому вопросу. Только поэтому Московский славянский комитет, а вместе с ним и Аксаков были предоставлены сами себе. Переполнила чашу терпения правящей элиты речь Аксакова, произнесенная им 6 марта 1877 г., так как теперь председатель Славянского комитета не только вмешивался во внешнеполитические дела империи, но и осмеливался давать советы императору. Аксаков заявил: «Восточный вопрос для России в существе своем прав и ясен. Это вопрос нашего собственного бытия, наш русский, а не западно-европейский. Ибо христианский Восток есть область христианства восточного, во главе которого мы стоим и иного быть не может. Россия и все славяне Балканского полуострова – это целый особый мир православно-славянский, все оторванные его члены должны быть возвращены этому миру. Его призвания – развить, проявить и воплотить в исторической жизни те духовные начала, которые лежат в основе славянской народности и обуславливаются главным образом православным вероисповеданием... Это война историческая необходимость; это война народная, и никогда ни к какой войне не относился народ с таким сознательным участием»²⁷. Смысл фразы сводился к очередному призыву к войне, но власть не могла не насторожить весьма прозрачные намеки на ее политическое бездействие: «Наша могучая, великая Россия, сойдя с прямого пути истины, тяжело плутает по закоулкам и дебрям политики, на удивление и удовольствие Европы»²⁸.

Эта речь не осталась незамеченной. Военный министр Д.А. Милютин в своем «Дневнике» от 14-го марта 1877 г. оставил следующую записку: «Большое впечатление произвела нескромная речь, сказанная в

²⁵ *Мещерский В.П.* Правда о Сербии // Шипка и Плевна – слава русского оружия. М. 2003. С. 10.

²⁶ *Мещерский В.П.* Воспоминания... С. 357.

²⁷ *РГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 1. Д. 136. Л. 10об, 14об.

²⁸ *Аксаков И.С.* Сочинения И.С. Аксакова... С. 239.

Московском славянском комитете председателем его Ив[аном] Серг[еевичем] Аксаковым. В этой речи он осуждает весьма резко весь ход нашей внешней политики и опять бьет в набат для спасения русской чести. Речь эта, конечно, не нравится Государю и не может нравиться; она не только резка, но и не своевременна. Жаль, что подобными нескромными речами Аксаков вредит и своему личному положению и кредиту представляемого им общества. Последствием будут, несомненно, новые административные меры для обуздания Славянского комитета»²⁹.

Более жестко, а – главное – более понятно высказался относительно речей Аксакова М.Н. Катков. В газете «Московские Ведомости» в январе 1877 г. была помещена его большая статья «Русское народное движение минувшего года»³⁰. Катков подверг детальному разбору работу Московского славянского комитета и речи Аксакова, как его председателя.

Он заявил, что «русская помощь христианам не имела организации»³¹. Это может показаться удивительным, ведь именно для этого и был создан Славянский комитет. Тем не менее, Катков был убежден в своей правоте, полагая, что подобная «работа» оказалась не под силу аксаковскому комитету. Он писал: «Славянский благотворительный комитет явился главным каналом пожертвований и снаряжителем добровольцев. Но он вовсе не приготовлен для представившейся ему деятельности. В самом себе, организация его совершенно не соответствовала расширявшейся с каждым днем цели. Его даже упрекали в том, что у него «Россия, так сказать, выбилась из рук, что он не сумел покрыть ее сетью стройной организации, что не воспользовался в должной мере народной готовностью жертвовать и оставлял множество мест без указаний и руководства». Дело в том, что Комитет столь же мало приготовлен был к происходящему, как и все русское общество»³².

Другими словами, Катков был убежден, что Славянский комитет должен был заниматься только жертвованиями, а они, хотя и были значительны, но пущены на самотек и шли, как правило, безадресно³³. Что же касается посылки добровольцев на Балканский полуостров, то издатель «Московских Ведомостей» считал, что это дело сугубо государственное. «Наслушавшись аксаковских речей», многие русские офицеры временно выходили в отставку и отправлялись на Дунай «бить турка», тем самым ослабляя русскую армию. Катков замечал: «Наша армия находится в переходном положении со введением всеобщей воин-

²⁹ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. М., 2009. С. 205.

³⁰ Московские ведомости. 1877. 6 января. №4.

³¹ Катков М.Н. Собрание сочинений. В 6т. СПб., 2010–2013. Т. 2. С. 388.

³² Там же. С. 389.

³³ Там же. С. 390.

ской повинности; наши железные дороги не были приспособлены к военным целям, и большая часть построена в один путь»³⁴.

Поводя итог, можно сказать, что речи И.С. Аксакова, произнесенные им в стенах Славянского комитета и зафиксированные на страницах прессы, не достигали заявленной цели единения русского общества, так как затрагивали сложные вопросы взаимодействия общественной и государственной инициативы во внешней политике, а их воодушевляющее воздействие на непосредственных участников событий неизбежно должно было смениться частичным разочарованием вследствие сопоставления славянофильской пропаганды с реальной картиной военно-политической и этнокультурной реальности на Балканах.

³⁴ Катков М.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 391.

СЛОВЕНСКИЕ УЧИТЕЛЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Самая масштабная в истории российской школы кампания по привлечению зарубежных педагогов имела место в период осуществления гимназической реформы 1864–1871 гг. Целью преобразований, проводимых в то время, являлось создание системы классического гимназического образования, построенной по европейским образцам. В этой связи в гимназиях было значительно расширено преподавание латинского языка и введен в качестве одного из основных предметов греческий язык. Между тем квалифицированных преподавателей древних языков, в особенности греческого, в стране не хватало, российские же вузы были не в состоянии ликвидировать этот дефицит. В этих условиях было решено пригласить специалистов из-за границы.

Достаточное количество преподавателей необходимой квалификации руководство министерства народного просвещения нашло в Австро-Венгрии, где существовала передовая по тем временам система классического образования. Половину жителей двуединой монархии составляли славяне, которым было гораздо проще, чем другим иностранцам, освоить русский язык и преподавать на нем, поэтому было решено привлекать на учительские должности лиц славянского происхождения. Кроме того, сыграли свою роль и идеи славянского единства, весьма популярные в то время.

Инициатором приглашения учителей из Австро-Венгрии стал Михаил Федорович Раевский, священник русской посольской церкви в Вене, который в 1840–1870-е гг. являлся главным посредником во всех неофициальных контактах австро-венгерских славян с российскими властями и общественностью¹. В конце 1865 г., будучи в Петербурге, он встретился с министром народного просвещения А.В. Головинным, и сообщил, что к нему обратилось несколько филологов – выпускников австрийских университетов, желавших найти работу в России. Обеспокоенный острым дефицитом учителей министр сразу же ухватился за это предложение и подготовил соответствующий доклад Александру II, «высочайше одобренный» 22 декабря 1865 г. В нем, в частности, разрешалось «в виде опыта допустить австрийских славян и чехов, имеющих удостоверенные в Австрии дипломы учителей древних языков в гимна-

¹ *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011. С. 4.

зии и прогимназии, к преподаванию сих языков в наших средних учебных заведениях»².

Была организована работа по отбору кандидатов на учительские должности, которую координировал М.Ф. Раевский. Он обратился к своим многочисленным знакомым из числа славянских ученых, преподавателей и общественных деятелей, с просьбой подыскивать молодых учителей, согласных отправиться в Россию. В словенских землях эту работу вел известный ученый, журналист и общественный деятель Янез Блейвейс. Переписка М.Ф. Раевского с ним по этим вопросам частично опубликована³.

Приглашением кандидатов занимались и российские ученые-слависты. Так, А.Ф. Гильфердинг предложил привлечь на русскую службу словенца Франца Ребеца. Он писал в марте 187 г. председателю Учебного комитета министерства народного просвещения А.И. Георгиевскому, что «Ф. Ребец был рекомендован мне вождями словенской народности как один из лучших представителей молодого поколения между словинцами, и личное знакомство с ним (он сопровождал меня в путешествии по южному краю словенской земли) оставило во мне самое отрадное впечатление»⁴. М.Ф. Раевский, к которому обратился за советом по поводу приглашения Ф. Ребеца А.И. Георгиевский, горячо поддержал эту кандидатуру, обратив особое внимание на то, что «дело идет не о простом студенте, а об учителе гимназии и отличном филологепедагоге... Упустить такого человека будет жаль»⁵. В итоге летом того же года Ф. Ребец отправился в Россию.

Для привлечения потенциальных кандидатов использовалась также печать. Газета «Словенец» уже 10 января 1866 г. опубликовала письмо чешского учителя из Москвы, в котором он призывал специалистов по древним языкам ехать в Россию. В 1871 г. в газете «Словенски народ» и венском еженедельнике «Цукунфт» было опубликовано письмо Франа Целестина, одного из первых словенских учителей, перебравшихся в Россию, с призывом следовать его примеру⁶.

Кампания по приглашению австро-венгерских учителей продолжалась до начала 1880-х гг. и имела большой успех. Всего на русскую службу к этому времени было привлечено примерно 220 филологов из Габсбургской монархии. Любопытно, что вследствие учительской эми-

² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. IV. СПб., 1871. Стб. 267.

³ Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.). М., 2010. С. 116–123.

⁴ Там же. С. 571.

⁵ Там же. С. 572.

⁶ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославыне... С. 161.

грации в самой Австро-Венгрии уже к середине 1870-х гг. стал ощущаться дефицит преподавателей. Австрийский министр культа и просвещения К. Штремайр, в беседах со своим российским коллегой графом Д.А. Толстым «...не раз сетовал на то, что Россия отбирает у него наилучших учителей древних языков, и пенял, что тогдашние австрийские законы не дают ему возможности воспрепятствовать этому»⁷.

Молодые специалисты из Австро-Венгрии охотно ехали в Российскую империю, где учительский труд пользовался уважением и хорошо оплачивался. Примечательно, что в 1870-х гг. заработок учителя в российских гимназиях был в полтора-два раза выше, чем в австрийских⁸. Кроме того, российские учителя считались государственными служащими, получали классные чины и ордена, а через 25 лет службы начинали получать неплохую пенсию.

Главным стимулом учительской эмиграции были материальные соображения. По отзывам современников, словенских учителей «влек в Россию желудок, а не сердце»⁹. Некоторые из приглашенных прямо указывали на наличие материальных проблем. Так, например, Доменик Пасколо, студент Грацкого университета, в апреле 1876 г. писал М.Ф. Раевскому о том, что из-за бедности родителей он испытывает недостаток в средствах и поэтому не в состоянии продолжить обучение¹⁰. В следующем году он отправился в Россию, где завершил образование и стал учителем.

В то же время, говоря о стимулах для эмиграции габсбургских славян вообще, и словенцев, в частности, нельзя ограничиваться лишь указанием на материальные интересы. В Россию их влекли традиционные симпатии к этой крупнейшей славянской державе, идеи славянской солидарности, а также недовольство неравноправным положением в дуалистической монархии¹¹.

Приглашение на работу в Россию получали не все желающие. Были разработаны четкие критерии для кандидатов – они должны были окончить классическую гимназию с отличными оценками по обоим древним языкам и не менее трех лет проучиться в университете, где преподавались латынь и древнегреческий. Претенденты должны были представить рекомендации университетских профессоров или других известных уче-

⁷ Басаргина Е.Ю. Из истории классического образования в России: Учительский институт славянских стипендиатов // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. XIV. Чтения памяти И.М. Тронского. Ч. 1. СПб., 2010. С. 99.

⁸ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е гг. XIX в. М., 1975. С. 204.

⁹ Дрновшек М. Словенские миграции и Россия в XIX в. // Slovenica I: История и перспективы российско-словенских отношений. СПб., 2011. С. 37.

¹⁰ Русско-словенские отношения в документах... С. 352.

¹¹ Дрновшек М. Указ соч. С. 38.

ных, а также письменные работы. Обращалось внимание на возраст кандидатов (как правило, он не превышал 30 лет) и их моральные качества. О каждом приглашенном М.Ф. Раевский через своих корреспондентов собирал справки. Так, например, некоторым словенским кандидатам он отказал на основе отрицательных отзывов Я. Блейвейса¹².

Приглашенных в Россию учителей стали называть славянскими стипендиатами. Это было связано с тем, что после переезда они в течение одного или двух учебных лет проходили переподготовку и изучали русский язык, получая при этом стипендию (вначале 400 руб., а затем 600 руб. в год). В 1866 г. для этих целей в Петербурге был учрежден Учительский институт славянских стипендиатов, просуществовавший до 1882 г. После обучения в нем стипендиаты получали назначение в то или иное учебное заведение¹³.

С каждым из славянских стипендиатов заключались письменные соглашения, в соответствии с которыми они обязывались проработать в нашей стране по два года за каждый год получения ими стипендии. В противном случае они должны были вернуть все полученные от министерства просвещения денежные средства (стипендию, деньги на проезд и пр.). Одно из таких обязательств, подписанное словенцем Варфоломеем Брезоваром в декабре 1869 г. в Вене, перед отбытием в Россию, опубликовано в сборнике «Русско-словенские отношения в документах»¹⁴.

Славянские стипендиаты сыграли заметную роль в развитии российской системы классического гимназического образования. В последней трети XIX в. их присутствие было зафиксировано почти во всех тогдашних гимназиях, они работали по всей огромной империи – от Варшавы и Гельсингфорса (Хельсинки) до Тифлиса (Тбилиси), Верного (Алма-Аты) и Иркутска.

Среди около 220 учителей, прибывших из Габсбургской монархии, доминировали чехи (их было около 120 человек, чуть больше половины), на втором месте были русины (около 40 человек). Словенцы занимали третье место, опережая словаков, хорватов и сербов. Австрийских же поляков российские власти на службу не приглашали из-за острого в то время польского вопроса¹⁵.

Известной исследовательницей русско-словенских связей И.В. Чуркиной было выявлено 15 учителей-словенцев, эмигрировавших в нашу страну в 1870–1880-е гг. 14 из них были «славянскими стипендиатами»

¹² Русско-словенские отношения в документах... С. 123.

¹³ Басаргина Е.Ю. Указ соч. С. 100–101.

¹⁴ Русско-словенские отношения в документах... С. 564.

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 2–35; *Matula V. Emigrácia slovenských intelektuálov do Ruska v 60–70. rokoch XIX stor. // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Historica. Bratislava, 1971. Roč. 22. S. 103–114.*

и преподавали древние языки, а один (М.М. Хостник) работал учителем немецкого и французского языков¹⁶. В то же время их педагогическая карьера в России, исключая того же М.М. Хостника, не была примером специального рассмотрения.

Большая часть словенских учителей-эмигрантов получила образование в Венском университете, некоторые из них учились в университетах Граца и Праги. Все они на момент эмиграции были молодыми людьми не старше 30 лет. География их работы была очень широкой. Двое словенцев преподавали в Петербурге, шестеро – в Центральной России, по одному – в Финляндии, Царстве Польском и Сибири. На Урале начинали свою карьеру трое их соотечественников, но двое впоследствии перебрались в причерноморские губернии. С учетом их на юге страны, в новороссийских губерниях, работало трое словенцев.

Почти все словенские педагоги успешно адаптировались в России. Только один из них через 4 года вернулся на родину, остальные же надолго связали свою судьбу с нашей страной. Многие женились на россиянках. Оставшиеся в России со временем сменили подданство, некоторые из них также приняли православие. Двое словенцев смогли сделать карьеру, став директорами гимназий в Кронштадте и Красноярске.

Деятельность одного из них – Иосифа (Осипа) Юрьевича Клеменчича – протекала в российской столице и ее пригородах. Он родился в 1848 г. в Крайне, учился в классической гимназии в Любляне, а в 1871 г. окончил филологический факультет Венского университета со званием кандидата. Сразу же после этого выпускник получил приглашение в Россию. Пройдя переподготовку в Институте славянских стипендиатов, 1 ноября 1872 г. И.Ю. Клеменчич получил назначение во Вторую Петербургскую гимназию. Сдав через полгода экзамен на учительское звание, он был утвержден в должности штатного преподавателя этой гимназии. Там он проработал 23 года, выполняя обязанности учителя древних языков и воспитателя пансиона. И.Ю. Клеменчич активно занимался подготовкой учебных пособий и выпустил в свет учебник латинского языка, латинскую и греческую грамматику, греческую хрестоматию, другие пособия. В 1881 г. он принял российское подданство, а в 1886 г. – православие. В 1885 г. учитель получил чин статского советника (гражданский чин 5 класса), а в 1887 г. стал заслуженным преподавателем с окладом 1 250 руб. в год¹⁷.

¹⁶ Чуркина И.В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. – 1914. М., 1986. С.170–171; Она же. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. С. 162–163.

¹⁷ Тихомиров П.К. Историческая записка Второй Санкт-Петербургской гимназии. Ч. 3. СПб., 1905. С. 279–280.

1 сентября 1895 г. И.Ю. Клеменчич был назначен инспектором Кронштадской гимназии, а с 1 февраля 1897 г. стал ее директором, проработав на этом посту 10 лет. В 1902 г. педагог был произведен в действительные статские советники (чин 4 класса, приравненный к генеральскому и дававший права на потомственное дворянство). В качестве директора гимназии он получал 2 960 руб. в год, и еще дополнительно – пенсию по выслуге лет в размере 1 000 руб. И.Ю. Клеменчич был награжден орденами Св. Владимира 3 степени, Св. Анны 2 степени, Св. Станислава 1 степени и другими. Он обзавелся дачей в Финляндии. К началу XX в. педагог был вдов, имел сына и двух дочерей¹⁸.

Словенец из Крайны Андрей Яковлевич Логарь (Логар) много лет был директором гимназии в Красноярске. Он родился в 1853 г., окончил Венский университет и Институт славянских стипендиатов. 19 июля 1880 г. педагог был зачислен на российскую службу и получил распределение в Иркутскую гимназию, где проработал до 1888 г. Затем А.Я. Логарь был назначен инспектором Красноярской гимназии, а в июле 1896 г. занял пост ее директора. В этом качестве он проработал более 20 лет, вплоть до 1917 г. В 1892 г. А.Я. Логарь получил чин статского советника, а в 1907 г. стал действительным статским советником. В должности директора гимназии он получал в год: в 1900 г. – 3 350 руб., а в 1917 г. – 4 860 руб. А.Я. Логарь был награжден орденом Св. Станислава 1 степени, Св. Владимира 3 степени, Св. Анны 2 степени. Он принял российское подданство и православие, был женат на православной и имел двоих сыновей¹⁹.

Как уже говорилось, ряд словенских учителей работал в гимназиях Центральной России. Одним из них являлся уроженец Крайны Варфоломей Григорьевич Брезовар (1842–1915). 24 декабря 1870 г. он получил назначение в Курскую гимназию, где преподавал четыре десятка лет, до начала 1910-х гг. Педагог был женат на российской подданной польского происхождения и сохранял верность католичеству²⁰.

Долгая карьера словенца из Штирии Федора (Франца) Матвеевича Штифтара (1846–1913) протекала в Калуге. Он окончил Грацкий уни-

¹⁸ Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения на 1900 год. СПб., 1900. С. 307; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1905 год. СПб., 1905. С. 453.

¹⁹ Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 год. Иркутск, 1881. С. 39; Памятная книжка Енисейской губернии и адрес-календарь на 1889 г. Красноярск, 1889. С. 48; Список лицам, служащим по ведомству министерства народного просвещения на 1900 г. СПб., 1900. С. 840; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 год. СПб., 1917. С. 803; *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. С.163.

²⁰ Календарь и Памятная книжка Курской губернии на 1884 год. Курск, 1883. С. 19; Курский адрес-календарь. 1909 г. Курск, 1909. С. 102.

верситет и Институт славянских стипендиатов. 1 декабря 1875 г. педагог был зачислен на российскую службу и распределен в Калужскую гимназию. Там Ф.М. Штифтар проработал около 40 лет, вплоть до своей смерти, в качестве учителя древних языков и воспитателя гимназического пансиона. Он принял российское подданство и православие, сменив при крещении имя Франц на Федор. Ф.М. Штифтар также получил известность как писатель, опубликовавший на родине несколько литературных и публицистических произведений под псевдонимом Божидар Творцов, и как переводчик произведений знаменитых российских писателей на словенский язык. Его сын Владимир также стал учителем-филологом и в начале XX в. преподавал в Евпаторийской гимназии²¹.

Вместе с Ф.М. Штифтаром работал его соотечественник, уроженец Крайны Мартин Степанович Боле. На российскую службу он поступил 1 сентября 1871 г., некоторое время преподавал в Туле и Владимире. В 1876 г. Боле был переведен в Калужскую гимназию, где проработал до 1903 года²².

Словенец из Крайны Мартын Мартынович Крамарич был зачислен на российскую службу после обучения в Институте славянских стипендиатов 1 августа 1874 г. и всю свою карьеру провел в Смоленской гимназии, проработав там три десятка лет, до 1904 года²³.

Мартин (Даворин) Матвеевич Хостник (1853–1929), уроженец Нижней Крайны, не входил в число славянских стипендиатов. Он учился в Венском университете, но не окончил его, отправившись в 1879 г. в Россию в качестве домашнего учителя детей помещицы Тепловой. Стимулом к переезду стала угроза репрессий со стороны австрийских властей из-за участия М.М. Хостника в словенском национальном движении. В следующем году он сдал экстерном экзамен на звание учителя немецкого языка в Харьковском университете. Вначале словенский педагог работал в гимназии г. Борисоглебска, а в 1882 г. перевелся во вновь открытую прогимназию г. Рыльска Курской губернии. Там М.М. Хостник был преподавателем немецкого и французского языков

²¹ Памятная книжка Калужской губернии на 1881 год. Калуга, 1881. С. 26; Памятная книжка Калужской губернии на 1901 год. Калуга, 1900. С. 64; Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1912 год. Калуга, 1912. С. 24; *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославы. С. 163.

²² Памятная книжка Тульской гимназии на 1872 год. Тула, 1872. С. 24; Памятная книжка Калужской губернии на 1881 год. Калуга, 1881. С. 26; Памятная книжка Калужской губернии на 1903 год. Калуга, 1903. С. 74; *Кирилина Л.А.* Янез Блейвейс и Россия // *SLOVENICA I: История и перспективы российско-словенских отношений.* СПб., 2011. С. 114–115.

²³ Справочная книжка Смоленской губернии на 1878 год. Смоленск, 1878. С. 27; Памятная книжка Смоленской губернии на 1904 год. Смоленск, 1904. С. 47; *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославы. С. 163.

четыре десятка лет, вплоть до 1923 г. Параллельно с преподаванием он занимался научной работой, составив и опубликовав первые словенско-русский и русско-словенский словари, а также «Граматику словинского языка». М.М. Хостник был сторонником идей славянской солидарности и членом Петербургского славянского общества. Он активно публиковался в словенских газетах, пропагандируя идеи сближения австро-венгерских славян с русским народом. Сам М.М. Хостник принял православие и российское подданство. Он был женат на дочери православного священника и имел пятерых детей. Его сын и дочь также стали учителями²⁴.

Власий Иосифович Крайгер, словенец из Каринтии, был принят на русскую службу 1 августа 1881 г. и распределен в Бобровскую прогимназию Воронежской губернии. Там он преподавал греческий, немецкий и французский языки. В конце 1880-х гг. В.И. Крайгер получил новое назначение – в Александровскую русскую гимназию г. Гельсингфорса (ныне – Хельсинки) в Финляндии, где проработал до начала XX века²⁵.

Штирийский словенец Петр Михайлович Лешник проработал в гимназии г. Екатеринбурга два с половиной десятка лет. Он был назначен туда 1 августа 1880 г. и оставался на своем посту до середины 1900-х годов²⁶.

Франц Яковлевич Ребец, о котором уже шла речь выше, после окончания Института славянских стипендиатов 10 октября 1872 г. был распределен в Бердянскую гимназию. В 1880-е гг. он работал в Кишиневской гимназии, а в 1890-е гг. – в Симферопольской гимназии²⁷.

Словенец из Штирии Доменик Матвеевич Пасколо обучался в Грацком университете и Институте славянских стипендиатов. 1 ноября 1879 г. он получил назначение в Уфимскую гимназию, где проработал до середины 1880-х гг., а затем перевелся на юг, в Екатеринославскую губернию. Несколько лет Д.М. Пасколо прослужил в прогимназии г. Бахмута, а с начала 1890-х гг. и до Первой мировой войны преподавал в гимназии г. Павлограда (ныне – Кировоград)²⁸.

²⁴ Чуркина И.В. Даворин Хостник – лингвист, публицист и педагог // Славяноведение. 2004. № 5. С. 170–171.

²⁵ Адрес-календарь лиц, служащих в Воронежской губернии на 1884 г. Воронеж, 1884. С. 134; Райков Б.Е. На жизненном пути: автобиографические очерки. Кн. 1. СПб., 2011. С. 129, 131; Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. С. 163.

²⁶ Календарь Пермской губернии на 1883 год. Пермь, 1883. С. 42; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1905 год. Пермь, 1905. С. 380.

²⁷ Бессарабский адрес-календарь на 1882 год. Кишинев, 1882. С. 198; Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1892 год. Симферополь, 1892. С. 84.

²⁸ Памятная книжка Уфимской губернии. 1883 г. Уфа, 1883. С. 35; Памятная книжка и адрес-календарь Екатеринославской губернии на 1889 год. Екатеринослав, 1889. С. 578; Памятная книжка и адрес-календарь Екатеринославской губернии на

По сходной траектории развивалась российская карьера Викентия Игнатьевича Шуми. После переподготовки в Институте славянских стипендиатов он был 1 августа 1880 г. распределен в гимназию г. Уральска. Прослужив там несколько лет, В.И. Шуми был переведен в Одесский учебный округ. В 1890-е гг. и начале 1900-х гг. он работал в Аккерманской прогимназии и Кишиневской 2-й гимназии, а в 1904–1915 гг. преподавал в гимназии и реальном училище г. Бердянска. Примечательно, что две дочери В.И. Шуми, Зоя и Людмила, пошли по стопам отца и в начале XX в. работали в Бердянской женской гимназии²⁹.

В российской столице работал словенец Степан (Стефан) Мартынович Широкий, но его карьера была недолгой. После окончания Венского университета и Института славянских стипендиатов 1 февраля 1880 г. он был зачислен на российскую службу и направлен в Петергофскую прогимназию. В 1885 г. С.М. Широкий перешел во Вторую Петербургскую гимназию и принял российское подданство. Однако тяжелый климат российской столицы вызвал болезнь, из-за которой он в начале 1889 г. перевелся на юг, в гимназию г. Николаева, но вскоре умер³⁰.

Николай Юрьевич Жагар, словенец из Крайны, после переподготовки в Институте славянских стипендиатов с 1 сентября 1880 г. работал в гимназии г. Мариасполь Сувалкской губернии³¹. О его дальнейшей карьере сведений нет.

Единственным «возвращенцем» из числа словенских учителей, эмигрировавших в Россию, стал Франц Целестин (1843–1895). Этот уроженец Крайны приехал в Россию в 1869 г., став первым славянским стипендиатом из числа словенцев. 1 сентября 1870 г., после переподготовки в Институте славянских стипендиатов, он был направлен во Владимирскую гимназию, а через год перевелся в Харьков. В 1873 г. Ф. Целестин вернулся на родину и преподавал в Загребском университете. В советские годы причиной возвращения Ф. Целестина на родину ученые называли его демократические взгляды, вызвавшие неприятие российских порядков. При этом указывалось, что в 1875 г. Ф. Целестин опубликовал в Любляне на немецком языке книгу «Россия после отмены крепостного права», наполненную критическими выпадами в адрес рос-

1895 год. Екатеринослав, 1895. С. 250; Календарь-ежегодник «Приднепровье». 1914 год. Екатеринослав, 1914. С. 349; *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. С. 162–163.

²⁹ Бессарабский календарь на 1893 год. Кишинев, 1892. С. 62; Бессарабский календарь на 1902 год. Кишинев, 1901. С. 27; Адрес-календарь служащих Таврической губернии на 1905 год. Симферополь, 1905. С. 203–204; Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год. Симферополь, 1915. С. 90–91.

³⁰ *Тихомиров П.К.* Указ. соч. С. 314–315.

³¹ Памятная книжка Сувалкской губернии на 1881 г. Сувалки, 1880. С. 39; *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. С. 163.

сийской действительности. Это сочинение попало в список запрещенных в России книг³².

Однако недавно опубликованные архивные документы выявляют другие причины ухода Ф. Целестина. Это демократ и радикал, как это часто бывает, отличался крайне тяжелым характером, что вызывало конфликты с учениками и разного рода эксцессы. В ноябре 1873 г. попечитель Харьковского учебного округа А.А. Вознесенский докладывал председателю Учебного комитета министерства народного просвещения А.И. Георгиевскому о причинах ухода Ф. Целестина следующее: «Г. Целестин перешел сюда из Владимирской гимназии по неприятностям; по той же причине он должен был оставить II Харьковскую гимназию; в третьей Харьковской гимназии два раза исключали учеников из заведения по жалобам того же г. Целестина. Многие ученики III гимназии вышли из этого заведения, чтобы не иметь дела с этим учителем; наконец, родственники ученика Черняева, который на днях застрелился здесь, прямо приписывают смерть этого ученика тяжелому характеру Целестина»³³. Примечательно, что уже будучи на родине, Ф. Целестин неоднократно писал М.Ф. Раевскому о своем желании вернуться в Россию, но нового назначения добиться не смог³⁴.

Оценивая феномен словенской учительской эмиграции в Российскую империю, современный словенский историк Марьян Дрновшек отмечает: «Мы можем говорить о настоящей утечке мозгов, которая с русской точки зрения кажется лишь каплей в море, со словенской же – достаточно существенной эмиграцией интеллигентов. Говоря о словенских иммигрантах в то время, нужно не упускать из виду и малочисленность словенцев, оставшихся на родине»³⁵.

Словенские педагоги-эмигранты внесли свой вклад в развитие системы российского гимназического образования. Еще большее значение имела их деятельность по налаживанию научных и культурных контактов между словенцами и россиянами, способствовавшая их взаимному знакомству и сближению.

³² Чуркина И.В. Русские и словенцы... С. 156.

³³ Русско-словенские отношения в документах... С. 581.

³⁴ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне... С. 164.

³⁵ Дрновшек М. Указ соч. С. 37.

А.А. Семёнова

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПРЕПОДАВАНИИ
КУРСА «ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ»
(на примере темы «Язычество восточных славян»)**

Для большинства наших соотечественников изучение литературы ограничивается рамками средней школы. В учебных планах подготовки специалистов высшей квалификации, в том числе и социально-гуманитарного профиля места для изучения литературы, как правило, не находится. Между тем студенческие годы являются тем временем, когда человек особенно активно познает мир и общество, утверждается в основополагающих нравственных и культурных приоритетах и крайне нуждается во вдумчивом прочтении произведений художественной литературы – классиков и современников.

Обозначенную проблему может, на наш взгляд, отчасти разрешить обращение к литературным произведениям при преподавании других курсов, как базового, так и профессионального циклов. В рамках настоящей статьи обобщается опыт использования произведений художественной литературы в преподавании курса «История религии» студентам Поволжского института управления им. П.А. Столыпина.

Содержание курса охватывает изучение всего процесса эволюции религиозных представлений – от появления ранних форм религиозных верований в первобытном обществе до наших дней. Каждая из изучаемых тем предоставляет широкие возможности привлечения к учебному процессу произведений художественной литературы. В рамках настоящей статьи мы ограничимся рассмотрением тех возможностей, которые открывает литература при изучении восточнославянского язычества – самобытной религии древних славян, которая и после принятия христианства продолжала оказывать заметное влияние на духовную культуру Руси.

Занятие начинается со знакомства с картиной мира древних славян. Раскрыть ее помогают строки из поэмы А.С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге»¹. Пересказанная А.С. Пушкиным летописная легенда погружает студентов в мир дохристианской Руси IX–X вв., эпоху первых князей – суевенных язычников.

Характеризуя роль славянских жрецов – посредников в общении людей с богами, об их магической связи с миром природы, из которого они черпали сверхъестественные силы, следует привести такие строки:

¹ *Пушкин А.С. Песнь о вещем Олеге // Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. М., 1985. Т. 1. С. 272–275.*

«Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник...»²

Текст поэмы дает возможность познакомить студентов с погребальным обрядом славян, раскрыть содержание термина «тризна». Слова А.С. Пушкина «Князь Игорь и Ольга на холме сидят»³ рисуют живописный облик древнего славянского кладбища – высокие курганы, по обычаю, восходящему в непроглядную глубь веков, возводившиеся над могилами знати. Строки «Песни» («Ковши круговые, запенясь, шипят / На тризне плачевной Олега... / Бойцы поминают минувшие дни / И битвы, где вместе рубились они»⁴) позволяют проследить преемственность дошедшей до современности традиции поминок от языческой тризны – щедрого угощения всех гостей, прибывших на похороны, разнообразными яствами и хмельными напитками.

Важным дополнением к поэтическому тексту могут послужить иллюстрации, выполненные В.М. Васнецовым⁵. Чтение поэмы дополняется при этом демонстрацией презентации Microsoft Power Point.

Знакомство студенческой аудитории с основными фигурами пантеона славянских богов позволяет сделать более образным стихотворение К.Д. Бальмонта «Перун». Внешность бога-громовержца предстает так:

«У Перуна рост могучий,
Лик приятный, ус золотой...»⁶

Это описание следует пояснить рассказом о языческом капище, созданном в 986 году в Киеве князем Владимиром Святославичем во время проведения первой религиозной реформы на Руси. Известно, что установленный в Киеве на горе Щековице идол Перуна отличался от других изваяний языческих богов исполинскими размерами и позолотой.

² Пушкин А.С. Песнь о вещем Олеге... С. 273.

³ Там же. С. 275.

⁴ Там же.

⁵ В 1899 г. В.М. Васнецов принял участие в оформлении юбилейного издания произведений А.С. Пушкина, приуроченного к празднованию 100-летия со дня рождения великого русского поэта. См.: *Васнецов В.М. Песнь о вещем Олеге. Былины. Сказки. Набор открыток.* М., 1988.

⁶ *Бальмонт К.Д. Перун // Бальмонт К.Д. Лирика.* М., 2001. С. 350.

Поэтические строки К.Д. Бальмонта дают возможность познакомиться и с особенностями характера главы языческого пантеона славян – воплощения непредсказуемой и беспощадной стихии грозы:

«У Перуна мысли быстры,
Что захочет – так сейчас.
Сыплет искры, мечет искры
Из зрачков сверкнувших глаз.
У Перуна знойны страсти,
Но достигнув своего,
Что любил он – рвёт на части,
Тучу сжег – и нет его»⁷.

На следующем этапе занятия студенты знакомятся с низшими бо-жествами славян, по народным поверьям, населяющими весь окружаю-щий мир: домовыми, кикиморами, лешими, водяными, русалками и т.д.

Разговор о них уместно начать с ближайшего соседа людей – домо-вого. Помощником преподавателя может выступить здесь стихотворе-ние А.С. Пушкина «Домовому».

Ласковое, и в то же время уважительное обращение поэта к герою стихотворения отражает своеобразие этого образа народных верований, подчеркивает его главенствующее положение в доме:

«Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой,
И скромную семью моей обитель»⁸.

К домовому обращается помещик – современник А.С. Пушкина. Стихотворение рисует патриархальный уклад жизни русского дворян-ства с тихой размеренностью повседневных забот об усадьбе. В следу-ющих строках читаем:

«Остаться, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полунощного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охраняй»⁹.

⁷ Бальмонт К.Д. Перун... С. 350.

⁸ Пушкин А.С. Домовому // Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. М., 1985. Т. 1. С. 203.

⁹ Там же.

Здесь студенческой аудитории уместно напомнить, что по поверьям домовый являлся незримой защитой от всех невзгод и хранил его обитателей от пожаров, разрушений, отпугивал воров и не пускал на порог злых людей.

Следующим персонажем народных поверий могут выступить русалки, которыми на Руси считались молодые, красивые девушки, утопившие в реке, или невесты, умершие до вступления в брак. Они будто бы периодически возвращались в мир живых людей для успокоения своих душ.

Романтический образ девушки-утопленницы, водяной красавицы является одним из излюбленных в русской классике. Нельзя не вспомнить в этой связи стихотворение А.С. Пушкина «Русалка», которое напоминает об опасности встречи человека с русалкой, способной с помощью своих чар погубить даже старого монаха-отшельника¹⁰.

Следует напомнить студентам, что по народным представлениям русалки проводили большую часть года на дне водоемов, а на земле появлялись во время так называемой Русальной недели (следующей недели после праздника Троицы), когда их можно было увидеть вблизи рек, на цветущих полях, в рощах и на перекрестках дорог.

Яркий образ русалок мы встречаем в повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или утопленница»¹¹, где герой Левко любит на сказочную картину на берегу пруда: «В тонком серебряном тумане мелькали легкие, как будто тени, девушки в белых, как луг, убранный ландышами, рубашках; золотые ожерелья, монисты, дукаты блистали на шеях; но они были бледны; тело их было как будто сваяно из прозрачных облак и будто светилось насквозь при серебряном месяце»¹². Чтение гоголевских строк можно дополнить показом картины И.Н. Крамского «Русалки».

Предметом рассмотрения на занятии становятся и демонологические персонажи славянской мифологии. У Н.В. Гоголя есть повесть, которая посвящена одному из них – повесть «Вий». Сам Н.В. Гоголь в примечаниях к своему произведению пояснил: «Вий есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как и слышал»¹³.

¹⁰ Пушкин А.С. Русалка // Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. М., 1985. Т. 1. С. 203–205.

¹¹ Заметим, что действие повести Н.В. Гоголя происходит именно во время Русальной Недели.

¹² Гоголь Н.В. Майская ночь, или утопленница // Гоголь Н.В. Вий: Повести. М., 2006. С. 80–81.

¹³ Гоголь Н.В. Вий // Гоголь Н.В. Вий: Повести. М., 2006. С. 360.

Таким образом, повесть Н.В. Гоголя может рассматриваться в качестве хранителя народных преданий. Гибель Хомы Брута отражает народные поверья о том, что взгляд Вия обладал смертоносной силой, способной убивать людей и целые города.

Н.В. Гоголь вводит в круг персонажей своих произведений само воплощение духа зла, олицетворение всей нечисти, появляющимся на земле в ночь перед Рождеством. Писатель детально описывает его внешность: «Узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка, оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки... Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бородке под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь он был не более трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто черт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу»¹⁴. Столь пространное описание внешности черта отражает неоднозначность представлений о ней, складывавшихся из века в век, приобретая одни черты и утрачивая другие.

Еще более загадочными персонажами славянской демонологии были ведьмы. В народной традиции отсутствовали ясные представления о причинах появления ведьм и их облике. Эту неопределенность мастерски представляет Н.В. Гоголь посредством разговора нескольких персонажей повести «Вий».

«А что, дядько, – сказал молодой овчар с пуговицами, – можно ли узнать по каким-нибудь приметам ведьму?»

— Нельзя, – отвечал Дорош. – Никак не узнаешь...

— Можно, можно, Дорош... Люди, знающие науку, говорят, что у ведьмы есть маленький хвостик.

— Когда баба стара, тогда и ведьма, – сказал хладнокровно седой козак»¹⁵.

Сам Гоголь изобразил ведьм в образах Солохи из повести «Ночь перед Рождеством» и Панночки в повести «Вий» как красивых женщин, наделенных колдовской силой, способных принимать вид как молодой девушки, так и отвратительной старухи, умирать и оживать вновь. Ведьма встречается у Н.В. Гоголя и в облике черной кошки в повести

¹⁴ Гоголь Н.В. Ночь перед Рождеством // Гоголь Н.В. Вий: Повести. С. 103.

¹⁵ Гоголь Н.В. Вий // Гоголь Н.В. Вий: Повести. С. 382.

«Майская ночь, или утопленница», когда злая мачеха-ведьма пытается расправиться со своей падчерицей¹⁶.

Гоголевский текст дает возможность проиллюстрировать и народное предание о том, что ведьма способна околдовать человека, превратить его в коня и заездить до смерти. Здесь уместно привести тот фрагмент повести «Вий», в котором описывается первая встреча Хома Брута с погубившей его ведьмой: «Он слышал только, как билось его сердце; он видел, как старуха подошла к нему, сложила ему руки, нагнула голову, вскочила с быстротою кошки к нему на спину, ударила его метлой по боку, и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на своих плечах... Когда уже минули они хутор и перед ними открылась ровная лощина, а в стороне потянулся черный, как уголь, лес, тогда только сказал он сам в себе: «Эге, да это ведьма»¹⁷.

В произведениях Н.В. Гоголя неоднократно встречаются и упоминания о народных средствах уберечься от влияния злых сил. В повести «Вий» Гоголь описывает следующий обычай: «Пришедши в кухню, все несшие гроб начали прикладывать руки к печке, что обыкновенно делают малороссияне, увидевши мертвеца»¹⁸. А Хома Брут при приближении ведьмы описывает вокруг себя меловой круг¹⁹.

Но главным средством защиты от нечисти и искушения у Н.В. Гоголя неизменно выступает православная вера и уверенность в торжестве добра над силами зла. Достаточно привести заключительные строки повести «Вий», представляющие собой диалог киевского звонаря Халявы и философа Тиберия Горобца о причинах гибели их друга: «Славный был человек Хома! – сказал звонарь... – Знатный был человек! А пропал ни за что.

— А я знаю, почему он пропал: оттого, что побоялся. А если бы не боялся, то бы ведьма ничего не смогла бы с ним сделать»²⁰.

В русской классической литературе содержится немало описаний праздников и обрядов славян, имеющих языческие корни, но ужившихся с православием и просуществовавших до XIX–XX веков.

Культ предков нашел свое выражение в так называемой Фоминой неделе, следовавшей за пасхой и названной в честь апостола Фомы. Это была неделя поминовения усопших. Самым опасным днем Фоминой недели считался четверг, называвшийся навьевым днем. Навии славянской мифологии – это образы умерших предков. Навии всегда невидимы, но

¹⁶ См.: *Гоголь Н.В.* Майская ночь, или утопленница // *Гоголь Н.В.* Вий: Повести. С. 61.

¹⁷ *Гоголь Н.В.* Вий. С. 368.

¹⁸ Там же. С. 381.

¹⁹ Там же. С. 388.

²⁰ Там же. С. 397.

враждебны человеку. Считалось, что в Навий четверг все умершие выходят из могил и возвращаются в дома, в которых жили, для поминальной трапезы. В романе мистика-символиста Ф.К. Сологуба «Капли крови» подробно описываются приготовления к встрече навьего дня. Исходное название романа – «Навьи чары». Шедевр русского символизма вызывает интерес студентов, которые начинают вдумчиво вчитываться в его текст, с увлечением осваивая символику художественного строя произведения. В романе встречаются и совершенно достоверные заклинания, дошедшие из глубины веков: «Черта в черту, эта в ту, сомкнись мой круг. Вражья сила обступила мой круг. Смотрит, нет ли перерыва, нет ли перелома, заберется живо, будет в круг дома. Мой круг, не разрывайся под навьей пятою. Вражья сила, оставайся за чертою»²¹.

Традиция святочных гаданий оживает на страницах «Евгения Онегина» А.С. Пушкина:

«Настали святки. То-то радость!
Гадает ветренная младость...»²²

Весьма уместным кажется привести в этой связи фрагмент баллады В.А. Жуковского «Светлана» – своеобразный перечень крещенских девичьих гаданий:

«Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег кололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном,
Ярый воск топили,
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой, серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны»²³.

²¹ Сологуб Ф.К. Капли крови: Избранная проза. М., 1992. С. 84.

²² Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. М., 1985. С. 262.

²³ Жуковский В.А. Светлана // Жуковский В.А. Баллады. Поэмы и сказки. М., 1982. С. 23–24.

Особого внимания заслуживает главный сюжет баллады – самое страшное, но неодолимо манящее гадание на зеркалах:

«Вот в светлице стол покрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою»²⁴.

Впечатление от стихов В.А. Жуковского может стать еще более глубоким, если поэтический текст проиллюстрировать картиной К.П. Брюллова «Гадание Светланы», в которой тонко передается волнение девушки, в котором соединяются и страх перед грехом, и желание узнать свое будущее:

«Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Темно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...»²⁵

Материал предоставляет возможность напомнить студентам о своеобразии романтизма – идейного течения и литературно-художественного стиля, утвердившегося в России в начале XIX в., в том числе и благодаря творчеству двух его выдающихся представителей – поэта В.А. Жуковского и художника К.П. Брюллова.

Описание колядования – заклинания злых духов, традиции которого уходят в языческую древность, дается Н.В. Гоголем на страницах повести «Ночь перед Рождеством»²⁶.

²⁴ Жуковский В.А. Светлана... С. 25.

²⁵ Там же. С. 25.

В повести М. Горького «Дело Артамоновых» мы находим подробное описание бытовавшего еще в конце XIX в. обряда поклонения Ладе – семейного божества славян. Исследователи-этнографы установили, что к Ладе обращались для обеспечения благополучия брака.

До наших дней кое-где сохранился девичий праздник – ляльник, во время которого девушки – подруги невесты – выпрашивали у Лады доброго мужа и счастья в браке. Горький описывает девичник в доме Ульяны Баймаковой накануне свадьбы ее дочери Натальи с Петром Артамоновым: «И вот уютный дом ее наполнен подругами дочери, девицами лучших семей города; все они пышно одеты в старинные парчовые сарафаны, с белыми пузырями рукавов из кисеи и тонкого полотна, с проймами и мордовскими шитыми шелками, в кружевах у запястий, в козловых и сафьяновых башмаках, с лентами в длинных девичьих косах. Невеста, задыхаясь в тяжелом, серебряной парчи, сарафане с вызолоченными ажурными пуговицами от ворота до подола, – в шушуне золотой парчи на плечах, в белых и голубых лентах; она сидит, как ледяная, в переднем углу и, отирая кружевным платком потное лицо, звучно «стиховодит»:

По лугам, по зелены-им,
По цветам, по лазоревым,
Разлилася вода вешняя,
Студенá вода, ой, мутная...

Подруги голосно и дружно подхватывают замирающий стон девичьей жалобы:

Посылают меня, дэвицу,
Посылают меня пó воду,
Меня босу, необутую,
Ой, нагую, неодетую...»²⁷

Завершить занятие представляется уместным выводом о том, что русская народная вера в течение столетий представляла собой сложное переплетение языческих и христианских мотивов. Пожалуй, наиболее отчетливо эту мысль отражает образ «болотного попика» из поэтического цикла А.А. Блока «Пузыри земли»:

«На весенней проталинке
За вечерней молитвою – маленький

²⁶ См.: Гоголь Н.В. Ночь перед Рождеством. С. 102.

²⁷ Горький М. Дело Артамоновых. М., 1975. С. 35–36.

Попик болотный виднеется.
Ветхая ряска на нем
Чернеется
Чуть заметною точкой
...
Тихонько он молится,
Улыбается, клонится,
Приподняв свою шляпу.
И лягушке хромой, ковыляющей,
Травой исцеляющей
Перевяжет болящую лапу,
Перекрестит и пустит гулять:
«Вот, ступай в родимую гать.
Душа моя рада
Всякому гаду
И всякому зверю
И о всякой вере»²⁸.

Таким образом, рассмотренное нами занятие из курса истории религии дает возможность обратить внимание студентов на целый ряд ярких произведений русской классики. Оно призвано пробудить желание заново перечитать их и задуматься о своеобразии отражения в литературных произведениях вековых традиции духовной жизни нашего народа, корни которых уходят во времена языческой древности.

²⁸ Блок А.А. Болотный попик // Блок А.А. Незнакомка: Стихотворения и поэмы. М., 2004. С. 84–85. Стихотворение было написано А.А. Блоком 17 апреля 1905 года, в день Пасхи.

АБРАМЦЕВСКОЕ ДЕТСТВО И «ДЕТСКОЕ» АБРАМЦЕВО

Мир детства с его удивительными красками, яркими впечатлениями, тонкими психологическими переживаниями все больше и больше завоевывает место на страницах научных трудов в самых разных областях гуманитарной сферы. Этот все возрастающий интерес к тематике и проблемам детства объясняется постепенным осознанием того, что «человеческое детство представляет собой не только физиологическое, психологическое, педагогическое, но и сложное социокультурное явление, имеющее историческое значение и природу»¹. В научном мире как будто вспомнили, что «все народы, все люди являются выходцами из детской»².

Сокровенная область детства как неотъемлемый и важнейший элемент частной жизни индивида таит в себе ответы на многие трудные вопросы, которые ставит перед нами история.

Особый интерес в последнее время возник к предметному миру детства, связанному с вопросами детского обучения, воспитания, игры и творчества в историческом контексте. И здесь на первый план выходят музеи с их уникальными коллекциями и материалами по данной тематике.

В этой связи обращение к теме детства в усадьбе Абрамцево на фоне возникновения и развития там художественного кружка представляется особенно интересной и новой научной задачей. Данная статья является попыткой восстановить «историческую справедливость» – вернуть миру абрамцевского детства его заслуженное место. Шедевры русского изобразительного искусства последней трети XIX в. – «Девочка с персиками» Серова, репинский «Портрет Сони Мамонтовой», васнецовские Алеша Попович в «Богатырях» и Елена Прекрасная в «Иване Царевиче на сером волке», – все они родом из абрамцевского детства. Кроме них существует еще ряд малоизученных произведений живописи, графики, скульптуры, созданных художниками Абрамцевского кружка под впечатлением общения с юными обитателями усадьбы. Эти работы отличает особая теплота, лиричность, искренность.

Существовала и мощная обратная связь. Как писала об этом Наталия Васильевна Поленова, «направление старших не могло не отразиться и на молодом поколении – на детях Мамонтовых и их товарищах. Под

¹ Кудрявцев В.Т. Культурно-исторический статус детства: эскиз нового понимания // Психологический журнал. 1998. № 3. С. 29.

² Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996. Цит. по: Кудрявцев В.Т. Культурно-исторический статус детства: эскиз нового понимания // Психологический журнал. 1998. № 3. С. 32.

влиянием Абрамцева воспитались художественно будущие деятели на разных поприщах искусства – отсюда вышли Андрей и Сергей Мамонтовы, их друг детства Серов, Мария Васильевна Якунчикова-Вебер, и, наконец, Мария Федоровна Якунчикова»³. Можно дополнить этот список именами художников Татьяны Васнецовой, Николая Прахова, Юрия Репина, Михаила Анатольевича Мамонтова, Натальи Поленовой-младшей, Екатерины Сахаровой (Поленовой), Михаила Кончаловского, знатоков музейного дела Александры и Всеволода Мамонтовых, Дмитрия Поленова, Елизаветы Чернышовой. Все эти люди провели свое детство в Абрамцеве либо приезжали туда детьми погостить у Мамонтовых. Они росли и впитывали в себя благодатную абрамцевскую атмосферу всеобщего творчества, любви к лучшим образцам мирового искусства, русской культуры и литературы. «Нас окружали очень талантливые люди и, как между собой мы все были «родные», так и эти «дяди» и «тети» были свои. Своей деятельностью незаметно влияли [они] на развитие в нас интереса к разным видам искусства и чувства красоты»⁴.

В настоящей статье сделана попытка рассмотреть следующие аспекты темы: отражение мира детства в творчестве художников Абрамцевского художественного кружка; особенности воспитания и взросления детей в атмосфере творческой жизни Абрамцева; сотворчество взрослых и детей в Абрамцевском кружке: серьезность детских затей и «ребячество» взрослых.

Рассматриваемое нами время «абрамцевского детства» охватывает вторую половину 70-х – 80-е гг. XIX в. Этот период – время детства и отрочества пятерых детей Саввы Ивановича и Елизаветы Григорьевны Мамонтовых (Сергея, Андрея, Всеволода, Веры и Александры) и их многочисленных маленьких родственников и товарищей по играм (Мамонтовых, Алябьевых, Якунчиковых, Валентина Серова, Татьяны, Бориса и Алексея Васнецовых; Праховых-младших; дочерей и сына Репиных, сестер Свербеевых, Братановских; Мити Арцыбушева и др.) Это время зарождения и расцвета Абрамцевского художественного кружка, которое совпадает со временем складывания в России «особой детской цивилизации, соединяющей в себе уважение и любовь к ребенку»⁵.

Источниками данной статьи послужили воспоминания, письма, дневники членов Абрамцевского кружка и семьи Мамонтовых; фотографии; живописные и графические работы художников Абрамцевского кружка, предметы декоративно-прикладного искусства (в том числе из фондов музея «Абрамцево»).

³ Поленова Н.В. Абрамцево. Воспоминания. Абрамцево, 2006. С. 41.

⁴ Прахов Н.А. Старое Абрамцево. Воспоминания детства. Абрамцево, 2008. С. 60.

⁵ Васютинская Е. Два века русского детства // Юный художник. 1994. № 5. С. 39.

В лучшие годы своей жизни Елизавета Григорьевна⁶ и Савва Иванович Мамонтовы⁷ представляли собой открытую для общения, дружную, благословленную детьми супружескую чету, со своими заботами, хлопотами, скорбями и радостями. Мамонтовы были талантливы во всем, в том числе и в воспитании детей. Образованные, обеспеченные, одаренные родители, Елизавета Григорьевна и Савва Иванович, придерживались ставших уже традиционными для их круга дворянских норм воспитания детей, подавали им пример собственным бескорыстным служением идеалам добра и красоты.

Мать, Елизавета Григорьевна, была неким организующим и «упорядочивающим» началом в семье. Именно она всех опекала, выслушивала, утешала. Обладая высочайшей нравственной культурой, она возвышала, «элевировала» всех, находящихся рядом с ней, и больших, и маленьких.

Отец, Савва Иванович, всегда был полон новых идей, затевал совместные с детьми праздники, спектакли, поездки. Во все он привносил непредсказуемость, импровизацию и юмор, так любимые детьми.

Педагогическая одаренность Мамонтовых не подлежит сомнению, иначе нельзя объяснить необыкновенную притягательность этой семьи для множества «детского народа», в разные годы обитавшего подле них в Абрамцеве. Дети, свои и чужие, никогда не были помехой в этом доме. Скорее наоборот, многие творческие начинания Мамонтовых, так или иначе, преследовали еще и педагогические цели. Особый «детоцентричный» уклад этой семьи способствовал созданию удивительно теплой, домашней атмосферы в Абрамцевском кружке, стойкому интересу к теме детства и отрочества в творчестве художников. Учитывая эти факторы, нельзя не отметить особую «педагогическую прозорливость» Мамонтовых, проявленную ими при покупке аксаковского Абрамцева. Большую роль в выборе «подмосковной» сыграли историчность места, красота пейзажа и не слишком большая удаленность от Москвы.

Мамонтовы приезжали в усадьбу, начиная с 1870 г. «по летам», жили обычно с апреля по октябрь, а если позволяло здоровье детей, бывали в усадьбе и в зимние месяцы. Через несколько лет, когда чуть подросли старшие дети и появились на свет младшие, когда в усадьбу начали наезжать многочисленные многодетные родственники, семьи художни-

⁶ Мамонтова Елизавета Григорьевна (1847–1908), жена С.И. Мамонтова, мать пятерых детей, большой друг многих художников – членов Абрамцевского художественного кружка, организатор лечебницы, школы, библиотеки для крестьян и их детей, столярно-резчицкой мастерской в Абрамцеве.

⁷ Мамонтов Савва Иванович (1841–1918) – крупный промышленник, меценат, создатель Русской Частной Оперы. Центральная фигура Абрамцевского художественного кружка, друг многих художников, артистов.

ков, друзей и сослуживцев Саввы Ивановича, в Абрамцево для детей началось необыкновенное «привольное житье». Оно складывалось из близости старого таинственного парка, дубовой рощи, речки, необычных «сказочных» построек, из крепкой детской, на всю жизнь, дружбы, из искреннего и неподдельного внимания со стороны взрослых. В Абрамцево у детей была та мера свободы, которая создавала идеальные условия для развития их творческих способностей, лучших черт характера, интереса к познанию мира.

«Старый липовый парк <...> казался нам дремучим лесом, населенным колдунами, лешими, ведьмами и разбойниками, а две низкие «каменные бабы» <...> усиливали впечатление сказочности обстановки. Скромная речка Воря, в детском воображении и понятии о масштабе, превращалась в широчайшую, многоводную реку, а поездки со взрослыми на лодке в Быково, к железнодорожному мосту около Хотькова, где река разливалась перед плотиной, доводили это впечатление до размеров необычайных»⁸.

«Лига благородных разбойников», осваивавшая эти «дремучие леса» и «многоводные» реки была довольно многочисленной. «С.А.В.В.А.»⁹, Соня Мамонтова¹⁰, Антон¹¹, Леля¹² и Кока Праховы¹³, Вера¹⁴ и Надя¹⁵ Репины составляли ядро этой «разбойничьей» компании. В выходные дни и по праздникам к ним присоединялись новые «отряды», постепенно подрастало и младшее поколение в лице Шуриньки Мамонтовой¹⁶, Оки Праховой¹⁷, Тани Васнецовой¹⁸ и многих других.

⁸ Прахов Н.А. Старое Абрамцево. Рукопись. С. 12 // Собрание музея усадьбы «Абрамцево».

⁹ Аббревиатура начальных букв имен детей Мамонтовых: Сергей, Андрей, Всеволод, Вера, Александра. См. об этом: Письмо А.В. Прахова С.И. Мамонтову от 3 (?) мая 1878 г. // РГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Ед. хр. 202 («Половина задачи есть: САВВА, остается ИВАНОВИЧ»).

¹⁰ Мамонтова Софья Федоровна (1866–1920), в замужестве Тучкова, племянница С.И. Мамонтова.

¹¹ Абрамцевское прозвище художника Валентина Александровича Серова (1865–1911), которое прочно пристало к нему и ему самому очень нравилось. См.: Прахов Н.А. Старое Абрамцево. Рукопись. С. 88; Мамонтов В.С. Воспоминания о русских художниках. С. 55.

¹² Прахова Елена Адриановна (1871–1948). «Леля» – старшая дочь А.В. Прахова (1846–1916), историка искусства, искусствоведа и археолога, близкого друга семьи Мамонтовых, – музыкант, искусная вышивальщица.

¹³ Прахов Николай Адрианович (1873–1957). «Кока» – сын А.В. Прахова, художник, искусствовед, реставратор.

¹⁴ Репина Вера Ильинична (1872–1948), дочь И. Е. Репина, актриса

¹⁵ Репина Надежда Ильинична, (1874–1931), дочь Ильи Ефимовича Репина.

¹⁶ Александра Саввишна Мамонтова (1878–1952), младшая дочь Е.Г. и С.И. Мамонтовых.

Абрамцевский просторный сенной сарай являлся тогда «штабом», «убежищем» и одновременно хранилищем съестных припасов маленьких фантазеров.

Заводилой в «Лиге» был юный Валентин Серов – Антон. Он подолгу жил в усадьбе, бесконечно шалил с ребятами и трогательно дружил с Верой и Шурой Мамонтовыми. В Абрамцеве Серов создал одну из лучших своих работ, своего рода «манифест» счастливого и безмятежного абрамцевского детства – «Портрет Веры Мамонтовой» 1887 г. («Девочка с персиками»).

«Лига разбойников» родилась в Абрамцеве под впечатлением романтических рассказов и народных песен об атамане Чуркине, чтения «Дубровского» и других литературных «источников». Деятельность разбойников была самой разнообразной и «изошренной»: от «невинного» похищения овощей у юного помощника огородника, строительства домиков на террасе парка до хитроумной «мести» жестокому и нерадивому гувернеру Роману Романовичу Ешэ. В «Лиге», однако, существовал своеобразный кодекс чести. Совершенно непозволительно было ябедничать, «фискалить». Нельзя было обижать маленьких и драться. «Дети разного возраста и разных семей составляли одну дружную семью, в которой чувство товарищества играло первую роль. <...> Чувство соревнования, изобретательности и инициативы были побуждающими к деятельности и самостоятельности»¹⁹.

Порой шалости детей были отнюдь не безопасны. Чего стоило только бесстрашное перепрыгивание со льдины на льдину во время ледохода на Воре или укладывание мальчиков между рельсов в Хотькове во время прохождения поезда! Сознвая необходимость более строгого присмотра за детьми, Мамонтовы приглашали в семью гувернеров-мужчин.

Яркой личностью в их чередѣ был Иван Викентьевич Юркевич²⁰, замечательный русский педагог, ученый-географ. В бытность свою у Мамонтовых Иван Викентьевич, тогда еще молодой человек, студент, обожаемый всеми детьми, много занимался с ними, прививая интерес к естествознанию, уча наблюдательности и практическому применению своих знаний. С детьми в Абрамцеве он соорудил реальную географическую карту земных полушарий на небольшом участке земли из подручных материалов: песка, глины, камней, воды, веточек и пр. Молодой Юркевич сам увлекался всеми абрамцевскими начинаниями, активно

¹⁷ Прахова Ольга Адриановна, 1878–1950. «Ока», – младшая дочь А.В. Прахова.

¹⁸ Васнецова Татьяна Викторовна (1879–1961), дочь В.М. Васнецова, художница.

¹⁹ *Прахов Н. А.* Старое Абрамцево. Рукопись. С. 60.

²⁰ Юркевич Иван Викентьевич (1854–1920), педагог, географ. Служил гувернером у Мамонтовых в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в.

принимал участие, например, в постройке абрамцевской Церкви. Его необыкновенно обаятельное и интеллигентное лицо запечатлели на своих портретах И.Е. Репин и Валентин Серов в Абрамцево в 1879 году.

Любимым увлечением, объединявшим в Абрамцево всех, от мала до велика, было чтение. Многие интереснейшие начинания Мамонтовского кружка выросли из литературных вечеров, устраиваемых в абрамцевской гостиной. Поэтому литературу в семье Мамонтовых дети прекрасно знали и любили. В этом была огромная заслуга Елизаветы Григорьевны, обожаемой детьми «тети Лизы», которая часто и помногу читала детям вслух. Подбор книг для детского чтения соответствовал ее личному вкусу, который был безупречен. Библия, русская лирика XIX в., Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Аксаков, Некрасов, Толстой, лучшие произведения русского фольклора, Шекспир, Шиллер – все это и многое другое слушали дети в исполнении прекрасного и проникновенного чтеца Елизаветы Григорьевны. Екатерина Васильевна Поленова²¹ вспоминала, как на Страстной неделе Елизавета Григорьевна давала детям читать книги о первых христианах, и детям казалось, будто «сама она пришла из того времени...»²²

Впоследствии литературой увлекся старший сын Мамонтовых Сергей, еще в детстве начавший сочинять стихи, поэмы и пьесы. По одному из произведений Сережи Мамонтова – его поэме «Анастасия Прекрасная» – силами юных абрамцевских артистов был поставлен одноименный спектакль. Режиссировал сам Сергей, а Елизавета Григорьевна примиряла между собой «честолюбивого» режиссера и маленьких актеров.

В доме Мамонтовых знали, понимали и любили музыку. Елизавета Григорьевна в молодости брала уроки игры на фортепиано у Клары Шуман-Вик, Савва Иванович прекрасно пел и увлекался оперным искусством. Многие художники – члены Абрамцевского кружка любили петь и музицировать. Неудивительно поэтому, что дети Мамонтовых и их товарищи по играм знали и исполняли русские народные, малороссийские, французские и итальянские песни, играли на фортепиано, гитаре.

Мамонтовы воспитывали в детях серьезное и ответственное отношение к любому делу, и поэтому дети в Абрамцево часто наравне со взрослыми участвовали в важных делах и начинаниях. Так, например, при постройке абрамцевской церкви дети, даже маленькие, вытесывали каменный орнамент на арках окон и дверей. В.Д. Поленов поднимал детей на леса, давал им в руки молоток и долото, отводил участок работы и объяснял задание. Это было одновременно приучение к труду, приоб-

²¹ Поленова Екатерина Васильевна (1887–1980) – старшая дочь В.Д. и Н.В. Поленовых, художник, искусствовед, литератор.

²² Сахарова Е.В. 1967 год. Повесть моей жизни. Ч. I // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 33.

шение к творчеству и достижение особого художественного эффекта: Поленов добивался таким образом «придания каменной резьбе характера архаичности»²³.

Когда в Абрамцеве устраивался музей народного искусства, дети Мамонтовых с энтузиазмом вместе со взрослыми участвовали в экспедициях, присматривали, покупали, зарисовывали и фотографировали интересные предметы. Андрей Мамонтов²⁴ создал несколько собственных проектов для столярно-резчицкой мастерской и воплотил их в жизнь. Художественные изделия из дерева, выполненные по эскизам А.С. Мамонтова, хранятся в музее «Абрамцево».

Важная роль в воспитании детей у Мамонтовых отводилась привитию хороших манер. За этим строго следили приглашенные наставники. Несмотря на большую степень свободы, дети в Абрамцеве всегда неукоснительно соблюдали определенные правила. Даже если все они только что прибежали в дом после очередного разбойничьего «подвига», мальчики и девочки обязаны были вовремя являться к завтраку, обеду и ужину, будучи при этом опрятно одетыми, аккуратно причесанными, с чистыми руками и короткими ногтями. За малышами при этом всегда следили старшие, помогая им привести себя в порядок. Разговаривать за столом не разрешалось, присутствовать на собраниях взрослых, если только это не оговаривалось специально, также было нельзя. Поэтому счастьем было в праздники и дни приезда гостей остаться в гостиной слушать музыку, пение и разговоры взрослых, участвовать в литературных чтениях.

Однако общение между детьми и взрослыми происходило в Абрамцеве постоянно, так как это место располагало всех к совместным занятиям, развлечениям, прогулкам и играм. Летом в хорошую погоду устраивались всевозможные прогулки и моционы, пешие походы, пикники, поездки верхом («кавалькады») и в шарабане. В будни ходили за ягодами и грибами, удили рыбу, купались, плавали на лодках. Н.В. Поленова вспоминает, как, увлеченные «сказочным» творчеством Елены Дмитриевны Поленовой²⁵, Елизавета Григорьевна с детьми искали для нее «в таинственной чаще леса подходящих по своей осанке натурщиков-грибов, с которых Елена Дмитриевна на месте делала акварельные наброски»²⁶.

²³ Прахов Н.А. Старое Абрамцево. С.66.

²⁴ Мамонтов Андрей Саввич (1869–1891) – «Дрюша», «Дрей», средний сын С.И. и Е.Г. Мамонтовых, талантливый художник, один из авторов и участник росписи Владимирского Собора в Киеве.

²⁵ Поленова Елена Дмитриевна (1850–1898) – сестра В.Д. Поленова, художник, иллюстратор, руководитель Абрамцевской столярной мастерской. Член Абрамцевского художественного кружка, близкая подруга Е.Г. Мамонтовой.

²⁶ Поленова Н.В. Абрамцево. Воспоминания. С. 38.

Всеволод Саввич Мамонтов описывает замечательное мальчишеское увлечение лодочными походами, к которому приобщил детей в Абрамцеве молодой Василий Дмитриевич Поленов. Страстно любя водную стихию, он создал из мальчиков «команду матросов», а из трех абрамцевских лодок «речную флотилию». Лодки назывались «Лебедь», «Рыбка» и «Кулебяка». Поленов приучал мальчиков к строгому порядку в обслуживании и содержании «флотилии», воспитывая в них дисциплинированность и отвагу. Дети слегка побаивались Василия Дмитриевича за его суровость и между собой звали его «Полен Поленыч»²⁷. На лодках поленовская «команда» ходила по Воре к железнодорожному мосту встречать поезд, на котором приезжал из Москвы Савва Иванович. Эти лодки и мальчишескую команду в матросских костюмах В.Д. Поленов увековечил в своем маленьком живописном триптихе «Лодки на Воре», хранящемся в музее «Абрамцево».

Летними погожими днями в усадьбе дети и взрослые играли в крокет, теннис и лапту, городки и кегли, катались на велосипедах, бегали на «гигантских шагах», устраивали соревнования самодельных корабликов. Детская увлеченность игрой заражала всех, и взрослые, забыв свой возраст, авторитет и солидность, включались в игру, привнося в нее новые краски, эмоции и творческую энергию. Н.А. Прахов вспоминал: «Случалось иной раз, что затеянная детьми война увлекала и взрослых – дядю Савву, его друга Петра Антоновича Спиро, моего отца, Виктора Михайловича Васнецова, француза-гувернера М. Таньона, Илью Ефимовича Репина, доктора Петра Ивановича Якуба²⁸ и Василия Дмитриевича Поленова. С их неожиданным вмешательством в игру менялся характер всех военных операций. <...> Ярко светило солнце, пестрым ковром цветов мелькали на зеленой лужайке цветные рубашки крестьянских и господских детей. И «победители», и «побежденные» в равной мере награждались пряниками и леденцами – «тетей Лизой», моей мамой, Машенькой, Сонечкой Мамонтовыми и другими молодыми женщинами»²⁹.

Детям всегда особенно нравился Васнецов, больше всего своим необычным складом речи и «неиссякаемым остроумием». В спорах взрослых они неизменно «в душе постоянно держали сторону Васнецова»³⁰. Его сын Алексей Владимирович («Оша») впоследствии писал об отце: «Особенность его обаяния заключалась в том, что он не старался играть никакой роли, всегда был самим собой в спорах, шутках, рассказах, чте-

²⁷ Спиро С.П. Мамонтовский кружок // Столица и усадьбы. 1914. № 23. С. 7.

²⁸ Якуб Петр Иванович, врач.

²⁹ Прахов Н.А. Старое Абрамцево, С. 30.

³⁰ Мамонтов В.С. Воспоминания о русских художниках./Абрамцевский художественный кружок. Музей-заповедник «Абрамцево».2006. С. 31.

нии – простым, веселым, увлекающимся человеком. Отдавался тому, что делал, как ребенок, всей душой...»³¹. Именно поэтому он был особенно близок детям – они «чувствовали» родственную душу.

В Абрамцеве Виктор Михайлович писал «Богатырей». Он возил картину с собой повсюду. Для детей, видевших ее в процессе создания, это были, вероятно, очень яркие впечатления. Их буквально завораживала манера Васнецова работать над такой огромной картиной. Увлечшись, художник переставал замечать маленьких зрителей, наступал на них, сердился, но не выгонял. А дети, даже будучи «под угрозой быть раздавленными», продолжали наблюдать, так все это для них было «захватывающе интересно»!

Летом 1884 г. в Абрамцево приезжал Василий Иванович Суриков³² с женой и дочерьми Еленой³³ и Ольгой³⁴. Девочки, поначалу дичившиеся абрамцевской компании, вскоре подружились со всеми детьми и даже научили их петь малороссийские песни. А их отец, в котором при виде детского увлечения верховой ездой «заговорила казацкая кровь», потребовал себе коня и в казацком седле, «подпершись левой рукой в бок» скакал на лошади, «не отставая ни в чем и нигде от молодежи»³⁵.

Всегда очень внимательно и с участием относился к детям Марк Матвеевич Антокольский³⁶: навещал их в детской с целью всех повидать и поведать. «Войдет, бывало, к нам, поздоровается аккуратно с каждым из нас, затем встанет посреди комнаты и торжественно громко спросит: «Милые детки, хотите быть умными?» – «Хотим, конечно, хотим, Марк Матвеевич», дружным хором отвечали мы. – «Так будьте!». Этой фразой завершал свой визит к нам очень довольный собой Антокольский»³⁷, – вспоминал В.С. Мамонтов.

Детство невозможно представить без праздников. Абрамцевские праздники были незабываемыми днями, о которых особенно тепло вспоминают все свидетели и участники этих ярких и долгожданных событий. К праздничным дням и взрослые, и дети тщательно готовились. Закупали подарки, мастерили своими руками сюрпризы и украшения, сочиняли стихи и речи, придумывали игры, развлечения, готовили спек-

³¹ *Васнецов В.М.* Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. М. 1987. С. 317

³² Суриков Василий Иванович (1848–1916) – исторический живописец, член Абрамцевского художественного кружка

³³ Сурикова Елена Васильевна, дочь В.И. Сурикова.

³⁴ Сурикова Ольга Васильевна (1878–1958) – дочь В.И. Сурикова, жена художника П.П. Кончаловского.

³⁵ *Мамонтов В.С.* Воспоминания о русских художниках. С. 34.

³⁶ Антокольский Марк Матвеевич (1843–1901) – скульптор, член Абрамцевского художественного кружка, большой друг семьи Мамонтовых.

³⁷ *Мамонтов В. С.* Воспоминания о русских художниках. С. 15.

такли. На Рождество в Абрамцеве была необыкновенная традиция. Она описана Елизаветой Александровной Самариной-Чернышовой³⁸ в ее воспоминаниях: «...По заведенному бабушкой Елизаветой Григорьевной обычаю нас на Святках уже ночью, как, наверное, казалось нам тогда, усаживали в большие сани и возили на быстрых, запряженных парой или гуськом, лошадях в лес, где на какой-нибудь поляне были зажжены свечи на большой заснеженной елке, и мы, маленькие дети, верили, что это елка у зверей»³⁹.

На Рождественские праздники в московском доме Мамонтовых ставились домашние спектакли, а летом такие спектакли давались в Абрамцеве. Театральные постановки были главным праздничным действием, в котором давалась воля полету фантазии, творческой мысли и всеобщему ребячеству, на радость детскому составу участников. Здесь дети могли быть сценаристами, исполнителями главных ролей, «массовкой», «музыкальным сопровождением», костюмерами, гримерами, художниками и рабочими сцены. И они относились к этим веселым затеям взрослых удивительно серьезно. «Иосиф», «Царь Саул», «Алая роза», «Черный тюрбан», «Женитьба», «Снегурочка», – эти постановки стали яркими страницами в истории Абрамцевского художественного кружка, в немалой степени благодаря участию в них детей. Веселые и серьезные детские личики в гриме, трогательные фигурки в театральных одеждах на фоне изысканных декораций, юные артисты и артистки... Все это живо передают фотографии, сделанные Мамонтовыми во множестве во время домашних спектаклей.

Совсем иной была атмосфера праздника в предпасхальные и пасхальные дни в Абрамцеве. По традиции, праздник Пасхи Мамонтовы всегда отмечали в усадьбе. На Страстной седмице приезжали дети Поленовых, родные и близкие, а само празднование собирало большое количество гостей.

Младшее поколение знало и чувствовало особый смысл этого праздника. «Страстная неделя проходила тихо, собранно и серьезно»⁴⁰. Дети постились, исповедовались и причащались в Чистый четверг, стояли на службах в Абрамцевском храме, читали Евангелие. Вокруг шла подготовка к Главному Дню, и дети тоже не оставались в стороне. Они успевали побывать на кухне и в молочной, где пеклись куличи и приго-

³⁸ Самарина – Чернышова Елизавета Александровна (1905–1985) – дочь В.С. Мамонтовой, сотрудник музея В.Д. Поленова.

³⁹ Самарина-Чернышова Е.А. Воспоминания об Абрамцеве. С. 264.

⁴⁰ Васнецов В. Речь на собрании Абрамцевского кружка. Москва. Январь 1893 г. Цит. по: Хроника Абрамцевского художественного кружка. Ч. II // Абрамцево: материалы и исследования. Выпуск 9. Сергиев Посад, 2000, С. 16

⁴⁰ Сахарова Е.В. 1967 год. Повесть моей жизни... С. 34.

товлялась творожная пасха, поучаствовать в любимом детском «священнодействии» – крашении яиц. «Нам давали очески разноцветных шелковых нитей, на яйцо наводили вырезанный из бумаги цветок или буквы «ХВ» («Христос воскрес»), обертывали шелками (с фабрики дяди Сапожникова, брата тети Лизы), завертывали в тряпочку и отдавали на кухню».⁴¹ Василий Дмитриевич Поленов также участвовал в этом занятии, но уже при помощи «тонких кисточек из своей палитры»⁴².

Утром на Пасху всех детей ждали подарки. Наталья Васильевна Поленова – младшая⁴³ вспоминала: «...входит в комнату тетя Лиза <...>, ласково целует меня и дарит мне большое яйцо, в котором я нахожу маленького ослика и куколку и маленькое яичко, чтобы повесить мне на цепочку, и я счастливая засыпаю...»⁴⁴

На 29 августа приходился престольный праздник абрамцевской церкви – день Перенесения Нерукотворенного Образа Господня. После праздничной службы в храме, не вмещавшем всех собравшихся, перед «людской» накрывали стол и угощали пришедших гостей. Затем начинались веселые состязания: добывание призов, висевших на высоком, гладко оструганном и смазанном мылом столбе, «бега в мешках», гонки с тачками, наполненными пустыми цветочными горшками, добывание «клада» с завязанными глазами и многое другое. Перед самым обедом Елизавета Григорьевна с другими взрослыми одаривали гостинцами и подарками крестьянских детишек. Н.А. Прахов вспоминал, что все дети с радостью помогали взрослым в этом приятном деле.

Вечером наступало время для сюрприза. Дети украшали бумажными фонарями террасу, деревья и цветники, отчего «густо заросший старыми липами, елями, орешником и сиренью огромный парк превращался <...> в какое-то сказочное царство»⁴⁵. Один из таких удивительных праздничных моментов изображен на картине И.Е. Репина «Шествие с фонарями», хранящейся в музее «Абрамцево»: «тетя Лиза», как добрая фея или волшебница из сказки, посреди леса торжественно ступает с бумажным фонариком на длинном шесте, а за ней, как маленькие подданные сказочного королевства, семят дети в нарядных костюмчиках, забегаая вперед, задирая головы и замирая от восторга.

Финальным аккордом праздничного дня был фейерверк. Запуском фейерверка занимались взрослые, радуясь возможности приобщиться к такому замечательному и несерьезному занятию – мечте всех мальчишек.

⁴¹ Сахарова Е.В. 1967 год. Повесть моей жизни... С. 34.

⁴² Там же. С. 35.

⁴³ Поленова Наталья Васильевна (1898–1964) – дочь В.Д. Поленова, художница.

⁴⁴ Цит. по: Румянцева Л.Д. Елизавета Григорьевна Мамонтова // Отчина. Абрамцево. Сергиев Посад. 2002, № 1. С. 36.

⁴⁵ Там же. С. 153.

Красочное и шумное зрелище фейерверка завершало для детей этот насыщенный и долгий праздничный день. Дети укладывались спать, «если не засыпали где-нибудь одетые на диване»⁴⁶, а взрослые еще продолжали петь, устраивали розыгрыши и шарады.

Абрамцевские будни и праздники летели быстро. Дети подрастали, родители старились, много бед пронеслось над мамонтовским домом в начале нового века. Закатилась звездочка юного Дрюши Мамонтова, неожиданно рано ушла из жизни Верушка. Но не уходил из старых комнат дома и аллея усадебного парка удивительный дух единения детей и взрослых, дух взаимной любви и сотворчества в достижении благородных целей, постижении Истины.

Сосуществование в Абрамцевском кружке двух поразительных миров – мира ребенка и мира художественного творчества – взаимно обогатило их, создав прочный союз абрамцевского детства и «детского» Абрамцева. Маленькие личности, развиваясь на благодатной почве, в непосредственном общении с «творцами», сами становились художниками – кисти, образа, слова.

Абрамцевское детство – это счастливое детство в лоне Мамонтовского художественного кружка. «Детское» Абрамцево – это мир ребенка сквозь призму творчества русских художников, духовно породнившихся с семьей Мамонтовых. Но это еще и мощная энергетика, исходившая от юной половины Абрамцевского кружка, дававшая благотворные импульсы для новых замыслов и идей. Вольно или невольно, но творчество художников мамонтовского кружка оказалось глубоко педагогично и по форме, и по содержанию. В этом замечательном его свойстве для русской культуры есть и заслуга абрамцевских «благородных разбойников». В Абрамцеве дети становились творцами, а художники превращались в сущих детей, в хорошем, евангельском смысле этого слова.

⁴⁶ Прахов Н.А. Старое Абрамцево. С. 81.

«ВОСТОЧНИЧЕСТВО» И СЛАВЯНОФИЛЬСТВО: ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ИДЕЙ

Одним из главных вопросов, вызывающих споры в российской общественной мысли, начиная со второй четверти XIX в. и по настоящее время, является вопрос о культурно-исторической принадлежности России к Европе. В зависимости от ответа на него сложилось два направления общественной мысли – с одной стороны, «западничество», с другой стороны – направление, объединяющее его оппонентов, наиболее известными в числе которых были и остаются славянофилы и евразийцы.

Последних объединяет обращение к российской традиции и отрицание необходимости подражать Западной Европе и перенимать ее опыт. В контексте осмысления научного и философского наследия этого течения остаются, на наш взгляд, незаслуженно забытыми идеи так называемых «восточников», главным выразителем которых был публицист, издатель газеты «Санкт-Петербургские ведомости», востоковед князь Э.Э. Ухтомский. «Восточничество» просуществовало недолго, с начала 90-х гг. XIX в. до поражения России в Русско-Японской войне. В основе взглядов Ухтомского лежала идея духовной и культурной близости России и Востока, и противопоставления их Западу. А национальная идентичность определялась через «восточность» самобытной русской культуры.

В исторической науке обозначилась тенденция относить всех сторонников самобытного пути развития России к последователям славянофилов или продолжателям славянофильской традиции, хотя между их взглядами могло не только не быть преемственности, но и могли присутствовать существенные различия. Данная тенденция прослеживается и в отношении «восточничества». Некоторые современные исследователи, например Д. Схиммельпеннинк, М. Ларюэль отмечают схожесть «восточничества» Ухтомского со славянофильскими взглядами¹, главным образом основываясь на том, что Ухтомский последовательно противопоставляет Россию и Запад. Из исследований историков эти оценки перекочевали и в политологическую литературу. Так, В.П. Макаренко вслед за Схиммельпеннинком в статье о моральных концептах полити-

¹ См.: *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 92; *Laruelle M.* «The White Tsar»: Romantic Imperialism In Russia's Legitimizing of Conquering the Far East // *Acta Slavica Iaponica*. 2008. № 25. P. 128.

ческих идеологий пишет: «Восточничество – вариант славянофильской идеологии, в котором подчеркивалось азиатское наследие России»².

Некоторые современники Ухтомского, видимо, также воспринимали «восточнические» взгляды в контексте славянофильства. Так, например, В.С. Соловьев, хорошо знавший Ухтомского, но не разделявший его взглядов и обеспокоенный набиравшей популярность в петербургских кругах идеологией «восточничества», в «Трех разговорах» устами одного из его персонажей – Политика, указывал, что поздние представители славянофильства от проповеди «греко-славянской самобытности» переходят к исповеданию «какого-то китаизма, буддизма, тибетизма и всякой индейско-монгольской азиатчины»³. Речь здесь, как отмечают исследователи, идет об Э.Э. Ухтомском⁴, взгляды которого Соловьев относил также к славянофильской традиции. Следует при этом отметить, что сам Ухтомский в своих работах не говорил о близости своих взглядов к славянофилам.

Если обратиться к работам Ухтомского, то действительно можно, на наш взгляд, обнаружить некоторые сходные со славянофилами черты, которые, прежде всего, выражались в критическом отношении к современному им Западу. Князь, как и многие другие мыслители и общественные деятели, особенно во время Первой Мировой войны, считал, что для русских несвойственны и чужды им западное увлечение разумом и материализм, который убивает «миросозерцание современных европейцев среднего уровня»⁵. Князь отмечал, что русские «склонны чувствовать свою духовную политическую обособленность от отягощенных слишком требовательною цивилизацией германо-романских земель». Он писал, что для России, как и для Азии «основу жизни составляет вера: вера в Непостижимое, преклонение перед единою богоустановленной властью, жажда нравственного подвига и обновления»⁶. Князь отмечал: «Когда среди смуты века, со столь простодушным миросозерцанием миллиарда людей соприкасается материалистически настроенный человек Запада, разлад между ним и нами неизбежен, неумолим, так сказать

² Макаренко В.П. Моральные концепты политических идеологий: специфика концептологического подхода // Политическая концептология. 2012. № 3. С. 214.

³ Соловьев В.С. Собрание сочинений. Брюссель, 1966. Т. 10. С. 148.

⁴ См.: Межуев Б.В. Владимир Сергеевич Соловьев и петербургское общество 1890-х гг. // Соловьевский сборник. Материалы международной конференции «Владимир Соловьев и его философское наследие». Москва. 28–30 августа. 2000. М., 2001. С. 409–418.

⁵ Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. Об отношении Запада и Востока к России. СПб., 1900. С. 48.

⁶ Ухтомский Э.Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890– 891). СПб.; Лейпциг, 1895. Т. II. Ч. 3. С. 33.

намечен самой природой явлений»⁷. В своем резком неприятии западного материализма и демократии Ухтомский был очень близок к К.Н. Леонтьеву и В.С. Соловьеву.

Одним из центральных, наиболее важных вопросов в концепциях славянофилов и западников, по которому их взгляды расходились наиболее существенно, были реформы Петра I и их значение для дальнейшего развития России. Если славянофилы резко отрицательно относились к последствиям петровских преобразований, то Ухтомский не высказывал напрямую своего отношения к ним, хотя отчетливо разграничивал допетровскую Русь и Россию после правления Петра⁸. Д. Схиммельпеннинк, отмечая «славянофильский оттенок» во взглядах Ухтомского, объяснял его позицию следующим образом: «Становясь ближе к Азии... Россия отказывается от Петровских реформ и возвращается к своим истинным корням»⁹.

Однако такое объяснение представляется не вполне убедительным. Из цитаты, приведенной в книге Схиммельпеннинка, о том, что за Алтаем и Памиром – та же «никакими мыслителями не созданная» допетровская Русь, с характерными для нее особенностями, совсем не следует, что Россия, сближаясь с Азией, отказывалась от своего современного состояния и возвращается к своим корням. Это противоречит той исторической миссии, которую видел Ухтомский в продвижении России на Восток – его пробуждении и обновлении. По-видимому, в приводимой Схиммельпеннинком цитате из книги Ухтомского только в очередной раз подчеркивается схожесть исторического развития России и Востока. При этом влияние Запада, который «умственно дисциплинирует» Россию, Ухтомский значительно снижает: он «лишь тускло отражается на нашей жизненной поверхности, все под нею и в недрах народного быта проникнуто и дышит глубоко восточными умозрениями и верованиями»¹⁰. Это косвенно характеризует отношение Ухтомского к влиянию петровских реформ на российскую культуру, которые несмотря на поверхностную европеизацию российского общества не изменили культурных основ развития и традиций русского народа, сформировавшихся под влиянием монголо-татарского господства. Однако этого хватило, чтобы «умственно дисциплинировать» русских, а в этом можно увидеть и положительное воздействие реформ Петра I. Более того, именно это отличие и позволяло России, по мысли Ухтомского, иметь некоторое цивилизационное превосходство над восточными странами и осуществлять свою историческую задачу «пробуждения» Азии и покровительства ей.

⁷ Ухтомский Э.Э. Путешествие... Т. II. Ч. 3. С. 33–34.

⁸ Там же. С. 2.

⁹ Схиммельпеннинкван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу. С. 92.

¹⁰ Ухтомский Э.Э. Путешествие... Т. II. Ч. 3. С. 287.

Таким образом, взгляды Ухтомского и взгляды славянофилов сближаются в противопоставлении исторического развития Запада и России, в критическом отношении к современной им Европе и отстаивании идеи самобытности русской культуры. Однако, если славянофилами и почвенниками Россия представлялась наследницей Византии с претензией на Константинополь, и предводителя славян, то «восточники» воспринимали Россию как наследницу империи Чингисхана, которая должна была вновь встать во главе народов Востока. В отношении петровских реформ их мнения также несколько расходятся. Славянофилы критически относились к Петру I и его реформам. Ухтомский, определенно выделяя допетровский этап в истории России, не выступает с критикой самих петровских преобразований. Отмечая незначительность их воздействия на основы русской культуры, он в то же время видит и положительные стороны западного влияния. В связи с этим представляется не совсем обоснованной присутствующая в современной литературе тенденция к тесному сближению «восточничества» со славянофильской традицией.

И.В. Крючков

**БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС
И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ РОССИИ
НА СТРАНИЦАХ АЛЬМАНАХА
«РУССКАЯ МЫСЛЬ» В 1908–1909 гг.**

События, происходящие на Балканском полуострове в начале XX в., вызвали оживленный интерес на страницах российских периодических изданий. Среди них необходимо выделить альманах «Русская мысль». Альманах, созданный в Москве в 1880 г. относился к наиболее читаемым «толстым журналам» России рубежа веков. С 1905 г. главным редактором издания стал известный русский либеральный экономист и один из авторов сборника «Смена Вех» П.Б. Струве. «Русская мысль» стояла на позициях умеренного либерализма и сотрудничала с партией кадетов и другими либеральными силами России.

Первая русская революция и поражение в русско-японской войне заставили либералов пересмотреть многие свои позиции, в том числе и в вопросах внешней политики. В январе 1908 г. П.Б. Струве публикует обширную статью, где он стремится определить внешнеполитическую стратегию России. Данный материал носил программный характер, во многом предопределив последующие восприятие «Русской мыслью» внешней политики страны, в том числе на Балканском полуострове. Поводом к написанию статьи послужила знаменитая речь П.А. Столыпина перед депутатами Государственной думы, заканчивавшаяся словами: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия»¹.

П.Б. Струве анализируя трагические события 1905–1907 гг. приходил к выводу, что для любой страны губительной является жесткая привязка внешней политики к решению злободневных внутривнутриполитических проблем. Опыт русско-японской войны об этом ярко свидетельствовал. Однако П.Б. Струве был уверен в том, что крах 1905–1907 гг. имел более глубокие причины, выходящие за рамки царствования Николая II. Это была катастрофа всей внешней политики России, проводимой со времен правления Александра III. По мнению автора, «реакционная» Россия, не осознавая своих истинных национальных интересов и реальной силы, потеряла интерес к Балканскому полуострову и Ближнему Востоку, устремив свои взоры на Дальний Восток и Среднюю Азию. Ставка на

¹ *Столыпин П.А.* Речь об устройстве быта крестьян и о праве собственности, произнесенная в Государственной Думе 10 мая 1907 г. // *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете 1906–1911. М., 1991. С. 96.

укрепление позиций России на Дальнем Востоке представлялась П.Б. Струве абсолютно неоправданной.

Дальний Восток имел очень ограниченное значение для империи Романовых, будучи удаленным от европейской части страны регионом. В данном случае П.Б. Струве рассуждал, прежде всего, как экономист. По его мнению, Дальний Восток был слабо интегрирован в хозяйственную систему Российской империи, и данную тенденцию невозможно было переломить в ближайшей перспективе. Товары из Москвы, Санкт-Петербурга, Лодзи после бесконечных путешествий на Дальний Восток через Урал и Сибирь будут дороже продукции из Японии и США и соответственно неконкурентоспособными. Поэтому инициаторы русско-японской войны в правительственных кругах Санкт-Петербурга воевали в интересах экономик других стран, но не России². Кроме этого, русская культурная мысль не могла осознать значимость для страны Ляодунского полуострова и других «диких» территорий. Следовательно, поражение России на сопках Манчжурии и в водах Цусимы было подготовлено еще во внешнеполитическом ведомстве Александра III.

Осмысление опыта внешней политики России за последние 25 лет убеждали П.Б. Струве в необходимости ее возврата к традиционным внешнеполитическим стратегиям империи Романовых: «Теперь пора признать, что для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Это область – весь бассейн Черного моря, т.е. все европейские и азиатские страны, «выходящие» к Черному морю»³.

Свои утверждения П.Б. Струве обосновывал рядом доводов. Первый – Донбасс постепенно становился одним из наиболее динамично развивающихся регионов Российской империи. Развитие горнодобывающей промышленности, черной металлургии и машиностроения на Юге России требовало проведения активной внешнеэкономической деятельности на Балканах и Ближнем Востоке, в том числе с точки зрения расширения рынков сбыта для российской промышленности. Второй – российский экспорт зерна во многом зависел от свободного прохождения судов через черноморские проливы в порты Одессы, Николаева, Ростова-на-Дону, Таганрога, Новороссийска. Третий – государственные интересы России на протяжении всей истории были ориентированы на укрепление ее геополитических позиций в бассейне Черного моря, на Балканах и на Ближнем Востоке. Российские интеллектуалы и политики

² Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества. Посвящается Николаю Николаевичу Львову // Русская мысль. 1908. № 1. С. 146.

³ Там же. С. 146.

в течение нескольких веков обосновывали необходимость освобождения «Святой Софии», что имело сакральный характер для россиян.

П.Б. Струве не отрицал необходимость экономического освоения русского Дальнего Востока, но для этого следовало иметь значительные ресурсы, в том числе развитую промышленность. Донбасс, Дон, Кавказ могли выступить в качестве экономического локомотива, способного вывести российскую экономику на новый качественный уровень развития, после чего Россия могла приступить к активному освоению Дальнего Востока. Одним словом развитие Владивостока или Хабаровска начиналось на берегах Черного моря⁴.

Политику А.П. Извольского П.Б. Струве расценивал как поворот России от достижения мнимых целей к решению действительно важных для империи геостратегических задач, она для него являлась: «...началом возвращения нашей внешней политики домой, в область (бассейн Черного моря – *И.К.*), указанную ей и русской природой и русской историей»⁵.

Однако Россия вернулась на Балканы и Ближний Восток ослабленной после поражения в войне с Японией и анархии, порожденной первой русской революцией. П.Б. Струве, безусловно, осознавал падение внешнеполитического престижа России. Восстановление позиций на мировой арене для автора заключалось в решении ряда сложных задач. России требовались радикальные реформы, способные обеспечить ей новый виток модернизации, а это не могло произойти без существенной либерализации политической системы империи Романовых. «Внутреннее содержание этой проблемы (создание Великой России – *И.К.*) может быть дано только сочетанием правильной внешней политики с разумным решением наших внутренних вопросов», – отмечал П.Б. Струве⁶.

Прежде всего, реализация внешнеполитических стратегий России была для П.Б. Струве невозможна без решения внутри страны злободневных «еврейского вопроса» и «польской проблемы». Россия проигрывала другим европейским государствам борьбу за рынки Османской империи и балканских государств. Среди представителей деловой и политической элиты страны нарастало осознание важности укрепления экономических позиций на Балканах и Ближнем Востоке, без чего нельзя было говорить о расширении политического влияния России в данном регионе⁷.

В этой связи П.Б.Струве предлагал один из рецептов активизации экономического проникновения России на Балканы и Ближний Восток.

⁴ Струве П.Б. Великая Россия... С. 146.

⁵ Там же. С. 147.

⁶ Там же. С. 155.

⁷ Торгово-промышленный Юг. 1913. № 19. С. 54–55.

Он был убежден, что Россия должна полностью отменить антисемитские законы, и завершить процесс эмансипации евреев, которые хорошо усвоили русский язык и русскую культуру. Евреи имели уникальные предпринимательские качества, поэтому могли выступить в качестве инициаторов и посредников в развитии торговли России с Османской империей и государствами Балканского полуострова⁸.

Особое место в российской политической истории занимала «польская проблема». «Русская мысль» традиционно проявляла большой интерес к польской истории и современности. Основатель альманаха и его бессменный редактор-издатель В.М. Лавров был известным знатоком польской культуры. Занимаясь переводами с польского языка, он открыл польскую беллетристику конца XIX – начала XX вв. для российского читателя. П.Б. Струве призывал отказаться от проведения в Польше жесткой политики, порожденной подавлением польских восстаний. Автор ратовал за либерализацию политической и культурной жизни в Польше, что предполагало существенные уступки польскому населению.

Либеральная политика России в Польше решала несколько задач. Первая – это нормализация отношений с Австро-Венгрией, еще в последней трети XIX в. вступившей на путь достижения компромисса с поляками⁹. Империя Габсбургов всегда привлекала внимание П.Б. Струве, поэтому не случайно он считался в России одним из лучших специалистов по крестьянскому вопросу в Австрии¹⁰. Как либерала П.Б. Струве воодушевило введение в австрийской половине Дунайской империи всеобщего избирательного права, что, на его взгляд, укрепляло внешнеполитические позиции Австро-Венгрии. Интерес П.Б. Струве к монархии Габсбургов подогревался и тем, что она в его восприятии постепенно становилась славянской империей. Это могло стать еще одним основанием для развития сотрудничества между Россией и Австро-Венгрией, несмотря на рост экономической конкуренции между двумя соседними государствами в Османской империи и на Балканах¹¹. Вторая – решение польской проблемы будет способствовать укреплению позиции России во Франции, в Великобритании, в США и среди поляков Германской империи.

Рассуждая о возвращении России на Балканы и на Ближний Восток, П.Б. Струве допускал возможность войны между Россией и Австро-Венгрией. В то же время, по его глубокому убеждению, либерализация

⁸ Струве П.Б. Великая Россия... С. 149.

⁹ Там же. С. 151.

¹⁰ См. подробнее: Струве П.Б. На разные темы (1893–1901 гг.). Сборник статей. СПб., 1902.

¹¹ Струве П.Б. Великая Россия... С. 151.

Австро-Венгрии и России являлась лучшей гарантией от начала вооруженного конфликта Вены с Санкт-Петербургом. В своих рассуждениях о реальности войны России с Австро-Венгрией, тем более поддерживаемой Германией, П.Б. Струве видел две опасности. С одной стороны, союзники России в лице Франции и Великобритании вполне могли оставить ее один на один с врагом, с другой стороны, в российском обществе традиционно было принято недооценивать силу империи Габсбургов¹².

Поэтому П.Б. Струве не мог обойти стороной жаркие дискуссии, развернувшиеся в России по поводу о дальнейшей стратегии развития вооруженных сил страны¹³. По его убеждению, России не нужен был сильный военно-морской флот на случай войны с Германией и Австро-Венгрией. Все ресурсы необходимо было бросить на укрепление сухопутных сил. Единственным исключением являлся Черноморский флот, который должен был господствовать в Черном море и обеспечить в случае необходимости десантные операции на территории Османской империи¹⁴.

Подводя итог своим рассуждениям, П.Б. Струве отмечал глубинный излом российской цивилизации, заключавшийся в слабом развитии национальной идеи и в расколе между государством и обществом. Следовательно, Россия могла стать великой державой только в том случае, если рост национального самосознания завершит формирование российской нации, а между нацией и государством будет установлен консенсус¹⁵.

1908 год оказался богатым на политические катаклизмы в Европе, в том числе на Балканском полуострове. В ноябрьском номере «Русская мысль» попыталась осмыслить причины и последствия очередных балканских неурядиц. Альманах отмечал, что Австро-Венгрия в начале года сознательно пошла на обострение ситуации на Балканском полуострове, предприняв ряд акций, направленных против Сербии и других славянских народов. Первым пробным шагом «новой политики» министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталя на Балканах явился проект строительства железной дороги Сараево – Увач – Митровица, вызвавший жесткую критику со стороны России и Сербии¹⁶. В конечном итоге общими усилиями европейских государств проект был провален.

¹² Струве П.Б. Великая Россия... С. 152.

¹³ Сообщение «С.-Петербургского телеграфного агентства» о речи П.А. Столыпина, произнесенной им 3 марта 1908 г. в вечернем заседании Комиссии по государственной обороне // Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете 1906–1911. М., 1991. С. 112–113. Сам альманах в 1912–1913 гг. вел специальную военно-морскую рубрику, где высказывалась точка зрения издания по данному вопросу: см., напр.: Нордов Н. Флот и общество // Русская мысль. 1913. № 5. С. 43–56.

¹⁴ Струве П.Б. Великая Россия... С. 154.

¹⁵ Там же. С. 155.

¹⁶ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. № 11. С. 173.

Затем последовал судебный процесс в Черногории по делу о «велико-сербском заговоре» против князя Николая, результатом чего стал острейший дипломатический конфликт между Сербией и Черногорией. «Русская мысль» не сомневалось в том, что этот процесс был провокацией, организованной австро-венгерскими спецслужбами¹⁷. Вскоре последовали преследования сторонников сербо-хорватского сближения в Хорватии, Боснии и Герцеговине. Все это должно было подготовить общественное мнение Австро-Венгрии и других европейских государств к наступательным действиям империи Габсбургов на Балканском полуострове и посеять рознь между балканскими народами.

Действия Австро-Венгрии вызвали в России дискуссию о причинах активизации империи Габсбургов на Балканах и отказа от традиционного курса, направленного на сохранение статус-кво на полуострове. Многие специалисты усматривали причину этого явления в характере А. Эренталя. «Русская мысль» так же была готова частично увязывать «новый курс» балканской политики Австро-Венгрии с особенностями личности А. Эренталя. Он принадлежал к молодому поколению австро-венгерских дипломатов, критиковавших своих предшественников за недостаточную решительность и излишний консерватизм. А. Эренталь, долгое время работавший в Санкт-Петербурге, хорошо изучил особенности политического истеблишмента России, он считался в министерстве иностранных дел Австро-Венгрии одним из лучших специалистов по России и балканскому вопросу¹⁸.

«Русская мысль» в этой связи выделяет новый тип политиков Дунайской империи – «австрийские империалисты», к которым принадлежали А. Эренталь и окружение эрцгерцога Франца-Фердинанда. Они стремились произвести коренную трансформацию Австро-Венгрии и, покончив с «мадьярским сепаратизмом», устремиться на Балканы и Ближний Восток. «Переход к активной и даже агрессивной внешней политике на Балканах является с этой точки зрения дальнейшим этапом на пути развития австрийской государственной идеи», – отмечал альманах¹⁹. Таким образом, действия А. Эренталя на посту министра иностранных дел имели более солидную подоплеку. Личность самого министра, конечно, наложила отпечаток на его политику, но она вписывалась в общий контекст «решительной политики», проповедуемой Бельведером.

П.Б. Струве в своем материале отмечал славянизацию Австро-Венгрии. Л. Гальберштадт не отрицал данный факт как таковой, но для него это была «музыка будущего», а в 1908 г. публицист констатировал

¹⁷ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. № 11. С. 178.

¹⁸ Шарый А., Шимов Я. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. М., 2010. С. 284–286.

¹⁹ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. № 11. С. 175.

развитие в Вене другой тенденции. По его мнению, правящие круги Австрии все больше скатывались на позиции пангерманизма, что еще больше привязывало Австро-Венгрию к союзу с Германией. Австрийский и германский пангерманизм объединяли агрессивность и антиславянизм: «Наступление Австро-Венгрии теперь, это наступление германского мира на славянский»²⁰. Одним из векторов наступления пангерманизма в Европе являлся Балканский полуостров, привлекавший самое пристальное внимание австрийских пангерманистов. Данное обстоятельство не учло министерство иностранных дел России, поэтому агрессивные действия Австро-Венгрии на Балканах для него стали неожиданностью.

Аннексия Боснии и Герцеговины являлись только первым шагом на пути австро-венгерской агрессии на Балканах. Младотурецкая революция в Турции оказалась очень кстати для воинствующих кругов Вены. Альманах даже многозначительно намекал на возможность причастности Австро-Венгрии к организации революции младотурок²¹. Агрессивные действия Австро-Венгрии привели к существенным изменениям на политической сцене Балканского полуострова. Сербия и Черногория, забыв старые обиды, вновь установили союзнические отношения, одновременно в этих государствах усилились настроения в пользу дальнейшего развития связей с Россией. В то же время Болгария укрепила контакты с Австро-Венгрией, добиваясь признания собственной независимости.

События 1908 г. на Балканском полуострове, по мнению издания, имели существенные последствия для общественности России, привыкшей к абстрактным рассуждениям по славянскому вопросу: «Мы поняли, что аннексия Боснии и Герцеговины – не отдельный факт, а часть программы; что грозящие Сербии и Черногории экономическое и политическое подчинение Австро-Венгрии – не воображаемая, а действительная опасность, опасность не для сербов только, а и для России. Теперь мы воспринимаем австрийский захват, как наступление германизма на славянский мир, как первый эпизод, надвигающейся грозной борьбы»²².

Успехи Австро-Венгрии на Балканах в 1908 г., на взгляд А. Гальберштадта, являлись результатом непродуманности внешнеполитического курса России и ее слабости после поражения в войне с Японией. Он подверг резкой критике сторонников уступок, пусть и временных, Австро-Венгрии ввиду неготовности России к боевым действиям с империей Габсбургов и Германией. «Русская мысль» призывала отказаться от политики «страуса, прячущего голову в песок», и решительно под-

²⁰ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. № 11. С. 175.

²¹ Там же. С. 183.

²² Там же. С. 188.

держат славянские народы Балканского полуострова²³. Правда, за этой воинственной риторикой упускалось из виду, а с помощью чего и кого Россия будет воевать с Тройственным союзом и это при том, что сам альманах не верил в гарантированную поддержку Санкт-Петербурга Парижем и Лондоном.

В следующем номере Л. Гальберштадт конкретизировал некоторые тезисы, высказанные им в ноябрьском номере. Он подчеркивал, что после краха Османской империи Австро-Венгрия стремилась заполнить возникший вакуум, чтобы не допустить обретения южными славянами полной независимости²⁴. Австро-венгерские политики с большим оптимизмом взялись за перекройку балканской карты, не просчитав все возможные последствия этого. В частности, экспортеры из Дунайской империи в результате бойкота их товаров населением Македонии и других регионов Балкан понесли колоссальные потери. Однако на этом негативные последствия необдуманной политики для Австро-Венгрии не заканчивались.

«Новый балканский курс» А. Эренталя и Франца-Фердинанда поколебал основы самого Тройственного союза. «Охлаждение Италии к тройственному союзу развивается медленно, но верно», – отмечалось в представленной статье. Аннексия Боснии и Герцеговины привела к всплеску антиавстрийских настроений в Италии, даже искренние друзья Австро-Венгрии в Риме резко критиковали действия империи Габсбургов на Балканском полуострове.

До 1908 г. Австро-Венгрия не имела явных врагов, но после аннексии она испортила отношения с Сербией, Черногорией, Италией, Османской империей, Россией и Великобританией. Одним из последствий аннексии стало нарастание в Берлине и в других европейских столицах ощущения того, что Вена постепенно втягивает Германию в свои внешнеполитические авантюры. Кроме этого, к большому неудовольствию Берлина и Вены Великобритания осознала угрозу ее интересам со стороны Тройственного союза. Это заставляло Лондон идти на укрепление военно-политических контактов с Санкт-Петербургом и Парижем²⁵. «Маленькие шалости» бельведерского клуба привели к значительному изменению расстановки политических сил в Европе, причем не в пользу Германии и Австро-Венгрии.

В начале 1909 г. на страницах «Русской мысли» публикуется материал А. Стаховича – известного либерального политика, специалиста по внешней политике, не раз бывавшего на Балканском полуострове. Позиция автора во многом расходилась со взглядами редакции по балканско-

²³ Там же. С. 189.

²⁴ *Гальберштадт Л.* Иностранная политика // Русская мысль. 1908. № 12. С. 183.

²⁵ Там же. С. 192.

му вопросу, поэтому не случайно, что статья А. Стаховича была сопровождена пометкой «Печатаемая настоящую статью своего уважаемого сотрудника, редакция *Русской Мысли* оставляет ее всецело на ответственность автора». А. Стахович после очередной поездки по Балканам высказал идею, что оптимальным вариантом развития ситуации на полуострове является поддержка Турции другими великими державами, прежде всего Россией, Францией и Великобританией. По мнению автора, России и славянам Балкан выгодно в условиях оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией поддержать Стамбул, так как господство отсталой Турции на полуострове казалось более предпочтительным, чем доминирование над славянами австрийских пангерманистов. При этом А. Стахович опирался на мнение Н. Пашича и других балканских политиков. Он учитывал тот факт, что младотурецкая революция позволит Турции встать на путь развития конституционализма. Кроме того, автор выделял внутривосточные факторы, подталкивавшие Россию к налаживанию контактов с Османской империей. Россия, ослабленная войной с Японией и революционной смутой, оказалась не готовой к крупной войне в Европе. К тому же 11 млн. российских мусульман сочувствовало российско-турецкому диалогу²⁶.

Весной 1909 г. «Русская мысль» публикует несколько статей, посвященных событиям, происходившим на Балканском полуострове. Большое внимание в них уделяется реакции германского и австро-венгерского общества на очередное обострение противоречий на Балканах²⁷. В марте альманах с оговорками поддерживал политику России на полуострове, признавая, что это была политика возможного, отмечая миротворческие усилия Санкт-Петербурга, в том числе и по укреплению мер доверия между самими балканскими государствами. Особенно приветствовало издание усилия России по нормализации отношений между Сербией и Болгарией, что, по его мнению, могло стать прообразом будущей Балканской федерации²⁸. В то же время «Русская мысль» не упустила из виду позицию Франции и Великобритании, занявшими во время балканского кризиса 1908–1909 гг. позицию, во многом предопределившую «дипломатическую капитуляцию» России. Наибольшее негодование у альманаха вызывала «двурушническая» политика Вели-

²⁶ Стахович А. Заметки о русской политике на Балканском Востоке // Русская мысль. 1909. №1. С. 215.

²⁷ См. подробнее: Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1909. №3. С. 191–207.

²⁸ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1909. № 3. С. 207.

кобритании²⁹, вставшей на путь сотрудничества с Веной в ущерб интересам России и Сербии³⁰.

После признания Россией аннексии Боснии и Герцеговины альманах попытался проследить последствия этого шага для российской политики на Балканах. Альманах констатировал: «...на Ближнем Востоке (имеются виду и Балканы – *И.К.*) наш престиж надолго скомпрометирован»³¹. Поэтому России придется потратить несколько лет и много усилий для возвращения доверия народов Балканского полуострова. Русофильские партии во всех балканских государствах, прежде всего в Сербии, оказались в очень сложной ситуации, в то время как представители русофобских движений, наоборот, получили дополнительные дивиденды. Наибольшее внимание альманах обращал на ситуацию в Сербии, понесшей серьезные потери в результате «дипломатической капитуляции» России.

В Сербии издание выделяло две внешнеполитические альтернативы. Первая – это русофильская, выступавшая в союзе с Россией против Австро-Венгрии. Вторая – австрофильская, направленная на союз с Австро-Венгрией против Болгарии³². В отличие от большинства российских изданий, «Русская мысль» не подвергала резкой критике австрофильские круги Сербии. Для нее сербские радикалы, либералы, напредняки являлись патриотами Сербии, разница между ними заключалась в выборе средств и методов в реализации основной внешнеполитической задачи Сербии – укреплении ее позиций на Балканах, в том числе за счет новых территориальных приращений. Австрофильские силы в Белграде также являлись сторонниками югославянского единства и освобождения славян от иностранного гнета. В отличие от сербских радикалов, они верили в постепенную славянизацию империи Габсбургов, трансформацию ее внутренней и внешней политики в пользу реализации интересов славянских народов. Консервативная и отсталая Россия, проводившая «византийскую» внешнюю политику, была малопривлекательной для западных кругов Сербии, Болгарии и Румынии, тем более когда вскрылась вся подноготная закулисных переговоров А. Извольского с А. Эренталем.

«Русская мысль» заинтересовалась реакцией российской общественности на события, происходившие на Балканском полуострове. Итоги проведенного анализа оказались весьма плачевными. Кроме группы политиков и периодических изданий никто больше в стране не обра-

²⁹ Сазонов С.Д. причину данного явления, как и большинство дипломатов и исследователей усматривал в нежелании Великобритании раньше времени ввязываться в большую европейскую войну: см. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 14–15.

³⁰ *Гальберштадт Л.* Иностранная политика // *Русская мысль.* 1909. № 4. С. 209.

³¹ *Гальберштадт Л.* Иностранная политика // *Русская мысль.* 1909. № 4. С. 209.

³² Там же. С. 209.

тил внимания на грозные предзнаменования на Балканах, подобно тому, как в свое время Россия «проспала» империалистические выходы «безобразовской клики» в Корею и в Манчжурии³³.

Пассивность общественной реакции, с одной стороны, объяснялась действиями цензуры и слабым развитием в России демократических норм, а, с другой стороны, низким уровнем культуры населения страны, костяк которого составляло крестьянство. Отсутствие интереса населения к внешнеполитическим событиям было опасным. Данное обстоятельство стимулировало дипломатические авантюры Санкт-Петербурга, как это уже было на Дальнем Востоке, или наоборот, когда российское общество должно было сплотиться для защиты национальных интересов, оно занимало пассивную позицию, не осознавая важность момента. В результате Россия скатывалась к новой внешнеполитической катастрофе, и задача либеральной общественности заключалась в оказании давления на власть и в пробуждении общества, которое должно было осознать особую важность для страны проведения дальновидной политики на Балканах.

³³ Там же. С. 211.

П.Г. Александров

НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ У ЗБОРОВА И СОЗДАНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ АРМИИ

Участие бойцов Чехословацкой стрелковой бригады в наступательной операции русской армии у Зборова (июнь 1917 г.) было лишь эпизодом Первой Мировой войны. Однако этот эпизод был использован лидерами Чехословацкого сопротивления во Франции для создания массовой Чехословацкой армии из числа пленных солдат Австро-Венгерской армии чешской и словацкой национальностей.

Чехословацкая бригада была сформирована на базе первых воинских формирований чехов и словаков в России. Уже в августе 1914 г. по просьбе чехов-колонистов в составе Русской армии была сформирована добровольческая часть четырехротного состава, названная Чешской дружиной. Ее командиром был назначен подполковник Лотоцкий, до этого командовавший Дубенским дисциплинарным батальоном, в конце сентября его сменил подполковник Созентович¹. К этому моменту в рядах дружины числилось 921 нижний чин и 21 офицер. С декабря она стала пополняться за счет военнопленных². Осенью дружина была передислоцирована на Юго-Западный фронт в распоряжение 3-й армии генерала Р.Д. Радко-Дмитриева. Изначально перед дружиной ставились диверсионные задачи, включая организацию восстания в чешских и словацких землях³. Она не принимала участия в боях и не имела в штате пулеметных команд и команд связи⁴. Первые месяцы войны показали призрачность подобного расчета, и дружина была перепрофилирована в разведывательное формирование. Для этого она была разбита на небольшие подразделения, приданные русским воинским частям. Так, 1-я рота была прикреплена к 44-й пехотной дивизии, 2-я рота к 12 армейскому корпусу, 3-я и часть 4-й роты – к 20-му Галицкому полку, а остальная часть 4 роты – к 42-й дивизии⁵. Такое распределение подразделений не оставалось неизменным. Постепенно росло количество рот:

¹ *Za svobodu. Obrázková kronika československého hnutí na Rusi. D. I. Ceska družina. Praha, 1928. S. 26–27.*

² *Simko J. Československé légie v priebehu Prvej Svetovej vojny // Vojenská osveta. 2011. № 1. S. 50.*

³ Цит. по: *Татаров Б.А. Чешская (Киевская) дружина. Август 1914 – декабрь 1915 гг. М., 2009. С. 6.*

⁴ Цит. по: *Татаров Б., Пануш. Б. Чехословацкие части в России 1914–1916 // Цейхгауз. 2001. № 4. С. 28*

⁵ *Gajda R. Moje pameti. Brno, 1996. S. 12.*

с октября 1915 г. дружина имела в штате 8 рот и пулеметную команду⁶. Главная заслуга по развертыванию чехословацких частей принадлежала ее командиру В.П. Троянову, принявшему дружину 24 июня 1915 г. Будучи по натуре очень деятельным человеком, он оставил у дружинников самые теплые воспоминания. По оценкам некоторых чехов, особенно важным было то, что он сумел сформировать в подразделениях национальный офицерский корпус⁷.

Успешное выполнение сложных разведывательных задач, о которых сообщала даже Ставка Верховного главнокомандующего⁸, было отмечено российскими наградами. К осени 1915 г. вся 1-я рота стала георгиевскими кавалерами, во второй роте таковых было 75% состава, в 3-й роте – 50%, в 4-й – 40%⁹.

Особое место в действиях дружины на фронте занимала агитация среди солдат славянских национальностей в войсках противника, прежде всего среди чехов и словаков. Благодаря агитации на русскую сторону перешли части 28-го Пражского полка, известны также массовые сдачи в плен военнослужащих 18-го, 21-го, 36-го 42-го, 98-го и 8-го ополченческого полков¹⁰. На волне успехов в начале 1916 г. дружина была преобразована в полк, а в апреле того же года – в Чешско-словацкую стрелковую бригаду двухполкового состава, однако характер ее использования оставался прежним. Следует отметить, что на пути формирования новых частей существовали препятствия. По мнению Р. Гайды, одним из таких барьеров было то, что русское правительство «из-за боязни повторения 1905 г. зорко следило за всякими движениями, таившими в себе малейшую угрозу самодержавию»¹¹. Однако основной причиной была, по-видимому, заинтересованность российских промышленников и правительства в использовании военнопленных чехов и словаков на производстве в условиях крайней нехватки рабочей силы.

Важный рубеж в истории чехословацких частей в России знаменовала собой Февральская революция, после которой были пересмотрены негативные оценки возникшего на Западе чешского сопротивления. Министр Иностранных Дел Временного правительства П.Н. Милюков пригласил в Россию председателя Чехословацкого Национального совета

⁶ *Simko J. Československé légie v priebehu Prvej Svetovej vojny... S. 51.*

⁷ *Gajda R. Moje pameti... S. 13.*

⁸ *Куделя И. Зборов. Очерк истории Чешско-Словацкого революционного движения. Челябинск, 1918. С. 11.*

⁹ *Петров А.А. Становление Чешско-словацких частей в составе русской армии // Забытая война и преданные герои. М., 2011. С. 243.*

¹⁰ См: *История Чехословакии. Т. 2. М., 1959. С. 246–247.*

¹¹ *Gajda R. Moje pameti... S. 10.*

(ЧСНС) в Париже Т.Г. Масарика, который прежде воспринимался «как человек прозападной ориентации, критически настроенный к славянской идее и русофильству»¹². Его визит в Россию носил, прежде всего, политический характер. Стремясь приобрести большой авторитет у Антанты, Т. Масарик стремился создать собственные вооруженные силы. В этом вопросе он рассчитывал на содействие нового демократического правительства, в распоряжении которого находилось более 200 000 пленных чехов и словаков. Приезд Т. Масарика стал моментом перехода инициативы по формированию частей в руки ЧСНС (в течение двух лет он делил эту роль с правительством России).

В ходе переговоров Т. Масарику удалось убедить членов Временного правительства в необходимости формирования новых частей. Масарика поддержал тогдашний Верховный главнокомандующий М.В. Алексеев, который, по словам генерала А.И. Деникина «поощрял польские и чехословацкие формирования», в которых видел здоровое ядро для укрепления фронта¹³. Однако это мнение разделяли не все военачальники. Так, начальник Киевского военного округа полковник К.М. Оберучев приостановил своим распоряжением формирование чехословацких частей из-за дороговизны, отсутствия материальной части и пользы от подобного формирования¹⁴.

В июне 1917 г. было принято решение об увеличении штатов Чехословацкой стрелковой бригады до четырёхполковой дивизии, с полагающимися инженерными и артиллерийскими подразделениями, а также развертывании четырехротного запасного батальона до восьми рот¹⁵.

Развертывание чехословацких частей было остановлено вследствие готовящего наступления Юго-Западного фронта. Несмотря на плохую подготовку наступательной операции, оно стало «звездным часом» для Чехословацкой бригады, сыгравшим важную роль в развитии национальных вооруженных формирований. Впервые за всю войну она была задействована как самостоятельная тактическая единица, включенная в состав 49-го корпуса 11-й армии. В ходе подготовки наступления основным пунктом концентрации бригады стала деревня Озерная¹⁶. Туда прибыл и сформированный зимой 1917 г. 3-й Чехословацкий стрелковый полк. Таким образом, у комбрига полковника

¹² *Савитова А.И.* Чешский вопрос в официальных кругах России в период первой мировой войны // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 115.

¹³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн.1. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. М., 2006. С. 456.

¹⁴ *Каржанский Н.* Чехо-словаки в России (По неизвестным официальным документам). М., 1918. С. 66.

¹⁵ Там же. С. 67.

¹⁶ *Svec J.* Deník plukovníka Svece. Praha, 1921. S. 165.

В.П. Троянова «под ружьем» находились три полка: 1-й имени Яна Гуса, 2-й имени Иржи из Подебрад, 3-й имени Яна Жижки из Трочнова, общей численностью в 3530 штыков¹⁷. Перед наступлением части бригады были растянуты на шестикилометровом участке фронта, расположенном между деревнями Погребцы и Йозефовка к юго-западу от Зборова. Вражеские окопы напротив бригады занимала 19-я австрийская пехотная дивизия, включавшая в себя 35-й и 75-й полки общей численностью 5500 штыков¹⁸.

18 июня 1917 г. 49-й корпус в состав, которого входила бригада, получил приказ произвести на своем участке крупную демонстрацию с целью отвлечения противника. 19 июня после краткой артиллерийской подготовки атаковавшие на своем участке чехи сумели продвинуться на 5 километров, заняв 3 линии вражеских окопов. Молниеносной атакой были заняты хорошо укрепленные позиции у деревни Куршилув, а также прилегающие к Зборову на западе и юго-западе высоты. В качестве трофеев бригада захватила: 15 орудий и множество пулеметов, большая часть которых в ходе боя была обращена против неприятеля¹⁹. В ходе прорыва Чехословацкая бригада захватила в плен 3212 солдат и офицеров противника, потеряв 190 человек убитыми и 800 ранеными²⁰. После удачной атаки бригада была отведена в тыл на отдых и пополнение. «Мы отошли сначала до Красной, от туда через Озерную, а потом лесом, до Богдановки», – записал тогда в своем дневнике командир роты поручик И. Швец²¹.

Успех чехословаков, однако, не удалось превратить в успех всей армии. Вскоре наступление обернулось для нее катастрофой – пользуясь затишьем на Западном театре военных действий, немецкая армия быстро перебросила силы на Восток. 19 июля началось контр наступление противника. Под влиянием антивоенной агитации и больших потерь наступательный порыв иссяк, а линия фронта стала распадаться. Сводки так описывали положение дел: «Дивизии 11-й армии <...> бежали под давлением в пять раз слабейшего противника, отказываясь задерживать наступление, прикрывать артиллерию, сдаваясь в плен ротами и полками»²². Чехословацкие части, находившиеся в критический момент на отдыхе в Богдановке, были срочно направлены на передовую прикрывать

¹⁷ Hronsky M., Kriva A., Caplovic M. Vojensku dejiny Slovenska IV. zvezok. Bratislava, 1996. S. 51.

¹⁸ Lein R. The Battle of Zborow and Its Reflection in History // Prague Papers on the History of International Relations. 2007, № 11. S. 217.

¹⁹ Куделя И. Указ. соч. С. 1.

²⁰ Татаров Б., Пануш.Б. Указ. Соч. С. 32.

²¹ Svec J. Op. cit. S. 181.

²² Революционное движение в русской армии. Февраль – 24 октября 1917 / Под ред. Л.С. Гапоненко. М., 1968. С. 213.

отступление. В боях под Тарнополем чехи понесли серьезные потери, особенно попавший в окружение 2-й полк. Очевидцы писали: «С большим трудом им удалось пробиться через немецкие полки»²³. После провала наступления чешские части были отведены в тыл для несения гарнизонной службы²⁴.

Героизм и самоотверженность чехословаков, задержавших противника, произвели большое впечатление на командование. Позже генерал А.А. Брусилов отмечал: «Чехословацкие добровольцы, оставленные всеми, бились так, что все мы должны преклониться перед их доблестью. Одна чехословацкая бригада сдерживала несколько неприятельских дивизий»²⁵. Но справедливости ради стоит отметить, что в ходе наступления чехословацкие части использовались не только как ударные, но и как заградительные части. Известен случай, когда 6 июля чехословацкие артиллерийские подразделения были брошены против солдат 20-й и 46-й пехотных дивизий, отказавшихся идти на передовую. После артиллерийского и пулеметного обстрела, дезертиры, окруженные в лесу, вынуждены были сложить оружие²⁶.

После первых успехов бригады была возобновлена работа по развертыванию чехословацких частей. Характерным фактом стала телеграмма от уже упомянувшегося полковника К.М. Оберучева в штаб бригады с единственным словом: «Каюсь»²⁷. 1 августа 1917 г. начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Н.Н. Духонин подтвердил приказ от 13 июня о формировании 4-го полка для развертывания существующей бригады в 1-ю Чехословацкую дивизию. А поскольку провал летнего наступления ускорил процесс разложения русской армии, а «чехословацкие части, наоборот, продолжали сохранять в себе не только дисциплину и боеспособность, но и внешний воинский вид»²⁸ было принято решение начать одновременно формирование и 2-й дивизии, что было одобрено новым Главкомверхом Л.Г. Корниловым²⁹. С его согласия чехам была передана материальная часть одной из дивизий,

²³ Приморская жизнь. 1918. 23 ноября. С. 1.

²⁴ *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации в России 1914–1921 гг. М., 1965. С. 110.

²⁵ *Za svobodu. Obrázková kronika československého hnutí na Rusi.* D. II. Československá brigáda 1916–1917. Praha, 1922. S. 108.

²⁶ *Голуб П.* Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов. Киев, 1958. С. 94.

²⁷ *Pichlik K., Klipa B., Zabludilova J.* Českoslovenští legionáři... S. 106.

²⁸ *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. Мюнхен, 1923. С. 213.

²⁹ *Татаров Б.* Чесько-словацьк вйскові формування у росієстїве вйську (серпень 1914 – квітень 1918 рр. Киев, 2010. С. 73.

бежавших с поля боя³⁰. Вербовку кадров для новых частей взяло на себя Отделение ЧСНС в России. С этой целью более 300 эмиссаров-вербовщиков были разсланы по территории России. Используя успех Зборовской победы, только за летние месяцы им удалось завербовать 27 000 новых добровольцев³¹. Местом формирования дивизии были определены места дислокации запасных батальонов бригады: Борисполь, Березань, Ягодин и Пирятин. В течение августа – сентября на их основе были сформированы: 5-й Пражский, 6-й Ганацкий, 7-й Татранский, 8-й Силезский стрелковые полки, составившие 2-ю стрелковую дивизию. Для каждой из дивизий было сформировано по 2 инженерные роты³². В соответствии с решениями командования для новых чехословацких дивизий начали формироваться артиллерийские подразделения. К ноябрю 1917 г. в штате чехословацких подразделений числились: 1-я артиллерийская бригада Яна Жижки из Тропцова, 1-й парковый, дивизион, 1-я техническая рота³³.

Опасность немецкого наступления и нарастание анархии в стране подтолкнули российское командование к сведению всех чехословацких частей в единый Чехословацкий корпус. Наличие личного состава вполне допускало осуществление такого мероприятия, к осени корпус был уже фактически сформирован. По чехословацким данным, в частях насчитывалось около 30 000 штыков³⁴. 26 сентября 1917 г. Начальник штаба Главкомверха генерал Н.Н. Духонин подписал приказ о формировании управления для корпуса. Одновременно был утвержден штат корпуса из 2-х стрелковых дивизий, запасной бригады, а также частей усиления³⁵. Местами дислокации частей являлись Волынская и Черниговская губернии: 1-я Гуситская стрелковая дивизия на правом берегу Днепра – в Волынской губернии, 2-я стрелковая дивизия на левом берегу Днепра в Черниговской губернии. В Киеве располагался штаб корпуса³⁶. Помимо этого с середины октября 1917 г. корпус включал в себя и авиационные формирования, имевшие в своем составе 6 аэропланов³⁷.

³⁰ Каржанский Н. Чехо-словаки в России. (По неизвестным официальным документам) М., 1918. С. 6.

³¹ Pichlik K., Klipa B., Zabludilova J. Ceskoslovensti legionary (1914–1920). Praha, 1996. S. 107.

³² Gajda R. Op. cit. S.18

³³ Pichlik K., Klipa B., Zabludilova J. Ceskoslovensti legionary... S. 110.

³⁴ Za Svobodu... D. II. S. 138.

³⁵ Российский Государственный Военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 334. Л. 28.

³⁶ Татаров Б., Пануш Б. Указ. соч. С. 34.

³⁷ Vlach B. Vznik a organizace letectva v cs. Legii v Rusku // REVI. 1994. № 3. S. 7.

Во всех частях вводились дисциплинарный устав французской армии, но командным языком оставался русский, чешский предназначался лишь для парадов и церемоний³⁸. По ходатайству Т. Масарика командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант В.Н. Шокоров³⁹. В январе 1918 г. на должность начальника штаба корпуса был назначен бывший генерал-квартирмейстер Ставки генерал-лейтенант М.К. Дитрихс⁴⁰.

Пользуясь сложностью политической обстановки в России – потерей Правительством и Ставкой реальной власти, Т.Г. Масарик все больше стремился к ограничению их полномочий по отношению к частям корпуса. Очевидно, учитывая факты участия чехословацких подразделений в подавлении беспорядков в августе – сентябре 1917 г. в письменном соглашении со Ставкой он указывал, что: «чехословацкие войска могут быть употреблены лишь против внешних врагов России, а именно Австро-Венгрии»⁴¹. Для контроля над соблюдением условий и «для облегчения сношений с военными властями» были назначены специальные уполномоченные от ЧСНС, при командире корпуса – П.И. Макса, при Ставке Главкомверха – Ю.И. Клецанда⁴².

«Миротворческие» инициативы большевиков, последовавшие за Октябрьским переворотом (25 октября) в Петрограде, поставили под угрозу существование Чехословацкого корпуса, а соответственно и серьезно подрывали позиции ЧСНС. Его руководство вынуждено было искать источники снабжение для своих подразделений, официально воюющих с Австро-Венгрией. В течение ноября – декабря 1917 г. Масарик неоднократно заявлял: «Признание Францией чехословацкого корпуса автономной частью французской армии и взятие его на содержание было бы самым лучшим выходом из положения»⁴³. Признания удалось добиться 15 января 1918 г. Части корпуса провозглашались составной частью «чехословацкой армии, состоящей в ведении Франции», с этого момента он перешел на полное содержание союзников⁴⁴. Однако поскольку руководство Чехословацкого корпуса осталось прежним, его подчинение французскому командованию носило сугубо номинальный характер. Таким образом, на территории России появилась совершенно независимая от местных властей воинская организация, подчинявшаяся *de facto* только своему командованию. Цель, поставленная Т.Г. Масариком в России, была достигнута.

³⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 334. Л. 28об.

³⁹ Там же. Л. 29.

⁴⁰ *Za Svobodu...* Д. II. 796.

⁴¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 334. Л. 29а.

⁴² Там же.

⁴³ *Клеванский А.Х.* Указ.соч. С.139.

⁴⁴ *Юрченко В.* Мятеж, которого не было // *Родина.* 1994. № 1. С. 29.

Необходимо также подчеркнуть, что чехословацкие части, сформированные в России в 1917 г., уже после возвращения в Европу влились в состав вооруженных сил Чехословацкой республики, став очень влиятельной его частью как «борцы за независимость», составившие «костяк» некоторых родов войск. Особенно это было характерно для артиллерийских и кавалерийских формирований, созданных в России в 1917–1919 гг., когда в нашей стране были сформированы 3 полка легкой артиллерии, 3 дивизиона тяжелой артиллерии, 3 снабженческих артиллерийских отдела и конно-артиллерийская батарея.

**ИДЕИ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА
И ИНТЕГРАЦИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА
В СТРУКТУРУ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
ПЕРВОЙ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹**

В начальный период Первой Мировой войны в составе Русской Армии были созданы национальные воинские формирования из представителей народов Австро-Венгерской империи: чехов, словаков, сербов, словенцев, постоянно проживавших на территории Российской империи до войны либо добровольно вступивших в эти части после пленения. В августе 1914 г. в Киеве была сформирована Чешская Дружина из чехов-колонистов, проживавших на территории Юго-Западного края (Волынской, Подольской и Киевской губерний), Причерноморья, Приазовья, Северного Кавказа, в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Варшаве и Одессе². Первоначально в состав дружины входило 942 человека³. Среди дружинников преобладали представители творческих профессий и разночинцы: учителя, служащие фирм, студенты, художники, в меньшей степени были представлены ремесленники и промышленные рабочие. В этих условиях сформировался корпоративный дух Чешской Дружины, основанный на идеях добровольчества, равенства и братства, восходивших к идеалам ранних гуситов⁴. Обращение к историческому прошлому стало возможным благодаря особенностям социального состава дружины, так как знаниями о героических страницах чешской истории обладали только образованные люди. Примером корпоративной культуры дружины может служить обращение: «брат»⁵. В исторической памяти понятие брат сохранилось до сих пор (обращение «брат» и сегодня звучит на собраниях чехов-ветеранов Второй Мировой войны). Постепенно, вследствие боевых потерь и притока бывших военнопленных, состав дружины усложнился. Члены Чешской Дружины делились на две

¹ Автор выражает особую благодарность Александру Александровичу Муратову (Прага, Чехия) за ценные замечания, данные им во время моей работы над этой статьёй.

² Татаров Б.А. Чешская (Киевская) Дружина август 1914 – декабрь 1915. М., 2009.

³ См.: Simko J. Československé légie v priebehu Prvej Svetovej vojny // Vojenská osveta. 2011. № 1. S. 50.

⁴ Татаров Б., Пануш Б. Чехословацкие части в России. 1914–1917 // Цехгауз. 2001. № 16.

⁵ Этот термин прослеживается не только по дневниковым записям стародружинников, но встречается даже в названиях книг. См., напр.: Pleský M. Bratr generál: památce Stanislava Čečka. Praha, 1931.

группы – «стародружинников» и «новодружинников», вступивших в Дружину после 31 декабря 1914 года. Это условное деление сохранялось и после того, как Дружина официально перестала существовать, став 2 февраля 1916 г. 1-м Чехословацким полком.

Идеи братства легионеров продолжали жить в новых воинских частях, созданных из военнопленных чехов. Они основывались на идеях национальной идентичности. Февральская революция не оказала разлагающего влияния на чехословацкие воинские формирования. Причина этого заключается, на наш взгляд, в том, что степень демократичности общения между солдатами и младшими воинскими чинами (унтер-офицерами) и офицерами внутри Дружины была выше, чем в русских воинских частях. В чехословацких полках было много людей с высшим и средним образованием, для которых сама мысль о несоблюдении субординации представлялась абсурдной. Фактов срыва погон и убийства солдатами своих командиров не было. Таким образом, взаимоотношения внутри дружины, а затем в полках Чешско-словацкой бригады и корпуса были построены по принципу национальной идентичности.

События февраля 1917 г. стали дополнительным толчком к развитию идей добровольчества и самостоятельных институтов. В чешских частях, как и повсеместно после приказа №1 от 1 (14) марта 1917 г., были введены ротные, полковые комитеты⁶. Вопрос о роли самостоятельных организаций внутри Чехословацкого корпуса еще не стал предметом научного осмысления, поэтому говорить об этом можно лишь предположительно. Последующие события были связаны с изменением правового положения корпуса. По соглашению между Отделением Чехословацкого национального совета в России и большевиками части корпуса должны были продолжить боевые действия на стороне Антанты. Уже в декабре 1917 г. лидер Чехословацкого национального совета Т.Г. Масарик в своей директиве дал ясно понять, что в случае выхода России из войны корпус будет вывезен во Францию. 15 января 1918 г. филиал Национального Совета в России провозгласил Чехословацкий корпус «составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции»⁷. Президент Р. Пуанкаре и правительство Франции включили Отдельный Армейский Чехословацкий корпус в состав иностранного легиона, поставив его на довольствие еще в декабре 1917 г. Это решение коренным образом изменило правовой статус корпуса. Он стал военным формированием юридически еще не существовавшего Чехословацкого государства в составе французской

⁶ Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. 2 марта 1917. № 3. С. 3.

⁷ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 147.

армии. В это время в России собственной армии, по сути дела, уже не было. Первоначально большевики не придали этому должного значения, не оценили потенциальной опасности и потому не смогли принять эффективных мер. Изменение правового статуса создавало условия для использования чехословаков в качестве иностранного воинского контингента в интересах Антанты. В корпусе был введен французский устав и наряду с русским и чешским стал употребляться французский язык. Сразу после боя у Зборова был принят новый дисциплинарный устав, по образцу французского, как наиболее демократичного, свободного, в отличие от русского, от таких пережитков прошлого, как запрет посещения театров, ресторанов, городских парков. Следует отметить, что самодеятельные организации полкового масштаба не поддержали инициативу Т.Г. Масарика о включении Чехословацкого корпуса в состав Французской армии и потребовали созыва общевойскового съезда, который был назначен на конец мая 1918 года⁸.

Другим выражением сплочения национальных интересов стала реакция на договор с Совнаркомом от 26 марта, регулировавшим условия передвижения чехословаков по территории России. Главную роль в руководстве процессом передвижения играло отделение Чехословацкого национального совета, члены которого оперативно связывались с эшелонами и получали информацию обо всех провокациях со стороны органов советской власти. Так, 13 апреля 1918 г. со станции Ртищево командир чешских эшелонов телеграфировал в Москву о том, что исполком Ртищевского железнодорожного узла на основании телеграммы В. Кураева собирается изъять 114 винтовок и 2 пулемета, предназначенных для сдачи в Пензе: «Не имея прямых распоряжений от Вас, прошу срочно ответить, сдавать ли винтовки и пулеметы и в каком количестве, просим разъяснения на тот счет, было ли Вами выдано подобное разрешение? Во избежание возможных недоразумений просим подобные разрешения давать только ЧСНСоветом»⁹. Аналогичный случай произошел в Златоусте спустя 2 дня. Там «советская власть <...> решила обезоружить все наши эшелоны и оставить только по 30 винтовок на эшелон»¹⁰. СЧНС в лице П. Максы обратился к Пензенскому совету дать разъяснения Казанскому военному округу и Златоустскому совету¹¹. После этого в Новониколаевске чехам было предъявлено требование сдать все «винтовки и патроны, исключая 20 винтовок и 50 патронов на эшелон»¹².

⁸ Каплицкий В. Мыс Горностаи. Чехословацкие легионеры: новый взгляд. СПб. 2012. С. 76.

⁹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2 Оп.1 Д. 29 Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 7.

Задержки эшелонов начались сразу после отправки составов из Бахмача. От Курска до Пензы они шли по два месяца и более. Эшелоны простаивали на станциях Воронежской, Тамбовской и Пензенской областей. Так, эшелон 3-го батальона Первого полка только на станции Инжавино Тамбовской губернии стоял месяц.

Руководство корпуса умело использовало настроения легионеров для сплочения солдат, разбросанных по территории России от Пензы до Владивостока. Оно целенаправленно формировало представления о враждебном окружении, в котором оказались солдаты корпуса. В апреле 1918 г. на станции Кирсанов была принята «Кирсановская резолюция» с требованием оружие не сдавать и пробиваться во Владивосток¹³. В этих условиях началась подготовка к съезду легионеров в Челябинске, который состоялся 18 мая 1918 г. На съезд были избраны делегаты от воинских соединений. От самой западной группы войск был делегирован Станислав Чечек, сыгравший важную роль во время мятежа Чешско-словацкого корпуса. Съезд постановил оружие не сдавать и пробиваться во Владивосток и далее во Францию силой. Был образован специальный военный комитет, в который вошли будущие командиры 4 групп корпуса. Это событие совпало с уходом прорусского командного состава корпуса (одним из требований большевиков было удаление из частей корпуса русских офицеров), во главе с генералом В.Н. Шокоровым, который получил почетную должность генерал-инспектора Чехословацкого корпуса. Руководящую роль с этого момента стали играть молодые офицеры, стародружинники, не обладавшие опытом командования, но имевшие авторитет среди солдат.

С осени 1918 г. начался новый этап истории Чехословацкого корпуса. Он был связан с провозглашением первой Чехословацкой республики 28 октября 1918 г. Это событие положило начало формированию вооруженных сил независимого государства, в состав которого вошли воинские части, расположенные в Италии, Франции и России. После провозглашения независимости начался постепенный вывод частей с фронта в связи с их крайней измотанностью постоянными боевыми действиями с лета 1918 г. В этот период происходили споры по вопросу о продолжении боевых действий. Корпус разделился на правительственную и антиправительственную группы. К первой принадлежали офицеры, штабные работники, политические деятели. Вторую составили солдаты, выступавшие за скорейшее возвращение на родину и прекращение боевых действий в России.

Для решения судьбы корпуса был создан его высший исполнительный и политический орган – Парламент Чехословацкого корпуса в Рос-

¹³ См.: Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: В 2 кн. Кн. 1. М., 2004. С. 145–146.

сии. Выборы проходили поротно и побатальонно. От полка избиралось по 4 делегата. По воспоминаниям известного чешского писателя В. Каплицкого, от их полка, стоявшего в Челябинске, было выбрано 4 делегата, в том числе трое солдат¹⁴. 18 ноября 1918 г. в день колчаковского переворота в Омск прибыл М.Р. Штефаник, министр обороны Чехословакии. 16 января он подписал приказ № 558, превращавший корпус из добровольческого воинского формирования в соединение регулярной армии Чехословацкой республики и уравнивавший добровольцев с мобилизованными солдатами. Приказ ликвидировал все самодеятельные организации, «все революционные и демократические институты: парламент, полковые представительства и ротных уполномоченных, то есть все, чем отличалась добровольческая армия от регулярных воинских частей»¹⁵. В ответ на этот приказ 3-й и 4-й полки приняли резолюции об отказе распустить комитеты. Позже подобная резолюция была принята и в 1-м полку. Все резолюции направлялись уполномоченному ЧСНС Богдану Павлу, ставшему заместителем министра обороны и его официальным представителем¹⁶. Он стал главной мишенью критики солдат и офицеров корпуса, требовавших отмены приказа М. Штефаника. В Екатеринбурге собрались представители всех воинских частей корпуса. Делегаты встретились с уполномоченным, но встреча оказалась безрезультатной. Тогда члены съезда приняли резолюцию, включавшую статьи об отмене приказа № 558, о запрещении отправки солдат на фронт, отказе от поддержки А.В. Колчака¹⁷.

Съезд продолжил свою работу в Томске, затем в Иркутске. Однако части 1-го полка под давлением руководства корпуса арестовали часть делегатов, находившихся в его казармах. Оставшиеся 53 человека собрались на станции Звездочка и объявили себя Вторым армейским съездом. Съезд объявил, что берет всю полноту власти в свои руки¹⁸. Правительство затягивало переговоры с делегатами съезда под разными предлогами. В переговорах приняли участие Ян Сыровы, командующий Чехословацкими частями в России, генерал М. Жанен. После длительных переговоров части 1-го полка арестовали мятежных делегатов. Они были отправлены в Глазов, а затем во Владивосток, в тюрь-

¹⁴ Каплицкий В. Указ соч. С. 152.

¹⁵ Там же. С. 170.

¹⁶ Павлу Богдан (1883–1938) – доктор, член Национального Чешского Совета. С 20 мая 1918 г. на Съезде делегатов всех частей Чехословацкого корпуса в Челябинске – председатель Временного Исполнительного Комитета Чехословацкой армии. Осенью 1919 г. выступал за выход Чехословацкого корпуса на фронт. Впоследствии был послом Чехословацкой республики в СССР.

¹⁷ Каплицкий В. Указ соч. С. 179.

¹⁸ Там же. С. 186.

му на мыс Горностай. Делегаты были освобождены только в начале 1920 г. и отправлены на японском корабле на родину.

Таким образом, изначально дух добровольчества и единства был присущ первым добровольческим чешским воинским образованиям в составе Русской Армии. Добровольчество оградило их от разложения и обострения внутренних противоречий в период февраля – октября 1917 г., передвижение Чехословацкого корпуса по территории России сплотило его солдат и выдвинуло через солдатские комитеты наиболее популярных в солдатской среде молодых командиров. После провозглашения независимости Чехословакии развернулся процесс ликвидации добровольческих институтов внутри корпуса и включения его в состав национальных вооруженных сил. Прямым следствием этого стало обострение споров по вопросу о сохранении принципов добровольчества и коллегиальности в управлении корпусом. Вопрос о сохранении принципов добровольчества оказал значительное влияние на смену приоритетов в массовом сознании легионеров, которые воспринимали себя как часть армии Чехословацкой республики, вдохновляясь национальными интересами, важнейшим из которых было скорейшая эвакуация частей корпуса на родину.

Е.В. Панин

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ К СССР В 1939 г.

События 1939 г. в Европе – один из наиболее дискуссионных вопросов истории Новейшего времени. Историки, политологи, политики спорят о роли Советского Союза в разжигании мировой войны. Точки зрения кардинально противоположные – от обвинений в адрес И.В. Сталина в подготовке агрессии до полного оправдания советской внешней политики конца лета – осени 1939 г. На эту тему написано множество научных, научно-популярных, художественных произведений, сняты десятки фильмов. Мы же попытаемся осветить несколько спорных аспектов этой темы.

Одним из них является изменение парадигмы советской внешней политики в отношении Германии. Известно, что деятельность советского наркома по иностранным делам М.М. Литвинова была полностью посвящена созданию системы коллективной безопасности. Однако предпринятые им титанические усилия не принесли результата – Запад твердо встал на путь политики умиротворения агрессора, поощряя тем самым имперские устремления Гитлера.

Сталин в конце 1930-х гг. вполне осознавал неизбежность войны в ближайшее время. Поэтому целью его внешней политики было отсрочить вовлечение СССР в эту войну. Поскольку переговоры с Западом оказались безрезультатными, вполне логичной представляется переориентация Кремля на сотрудничество с Берлином.

Гитлер также осознавал нецелесообразность войны с Советским Союзом в 1939 г. Планируя развязывание мировой войны, он собирался начать с завоевания Центральной и Западной Европы. Однако для осуществления этих планов ему была необходима гарантия нейтралитета СССР. В этой связи в самом начале 1939 г. он начинает поиск возможности ее получения от Москвы.

В современной российской и зарубежной историографии написано много о периоде 1939–1941 гг., однако до сих пор вопрос о времени зарождения советско-германского сотрудничества остается малоизученным.

Уже отмечалось, что после прихода к власти в Германии Гитлера отношения между СССР и Германией стали весьма напряженными. Пропагандистские машины обеих стран всю работу делали друг против друга. Весьма характерным в связи с этим стал прием, данный фюре-

ром и рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером 12 января 1939 г. в честь зарубежных послов. Присутствующие не ожидали серьезных заявлений от руководства рейха, однако важным было поведение фюрера: кому из послов он уделит больше внимания, с кем будет разговаривать и пр.

Церемония приветствия послов началась традиционно: фюрер по очереди обходил глав дипломатических ведомств зарубежных государств, здоровался с ними, говорил пару протокольных фраз и переходил к следующему. Внимание присутствующих привлекло его общение с советским полпредом¹ А.Ф. Мерекаловым. Он был седьмым в очереди, ибо дипломатов представляли по сроку их пребывания в немецкой столице. Представил советского посла Гитлеру барон Александр фон Дёрнберг, начальник протокольного отдела имперского министерства иностранных дел.

Сенсацией было то, что с представителем большевистской державы Гитлер говорил любезно и даже доверительно. Мерекалов докладывал в Москву: «Обходя послов, Гитлер поздоровался со мной, спросил о житье в Берлине, о семье, о поездке в Москву... Внешне Гитлер держался очень любезно и, несмотря на мое плохое владение немецким языком, поддерживал свой разговор без переводчика»². В своих воспоминаниях Мерекалов пишет, что Гитлер интересовался о его супруге и сыне, вспомнил о «философском» имени сына посла (Сократ). Фюрер расспросил об условиях пребывания советского представителя в Берлине, о его успехах в овладении немецким языком. Гитлер порекомендовал Мерекалову посетить берлинские музеи и спросил его мнение о современной архитектуре германской столицы. На этом демонстрация внимания гитлеровского руководства к советскому послу не окончилась. После фюрера к Мерекалову подошли Риббентроп, начальник имперской канцелярии Ламмерс, фельдмаршал Кейтель и государственный министр Мейснер.

Подобные сюжеты не могли не вызвать сенсацию в дипломатической среде Берлина. Слухи обгоняли друг друга: Гитлер хочет улучшения отношений... Гитлер предложил Сталину договор... Гитлер отказывается от Украины и пр. и пр.

Реакция Советского Союза на зондаж со стороны Гитлера была весьма сдержанной – Сталин не оставлял надежды на заключение соглашений с Западом. Но, являясь прагматиком, он согласился возобновить переговоры о торговом соглашении (это произошло за день до

¹ В то время представитель СССР в другом государстве назывался полпредом – полномочным представителем.

² Цит. по: *Безьянский Л.* Двенадцать минут из жизни посла Мерекалова // Новое время. № 7. 1996. С. 43.

дипломатического приема, 11 января 1939 г.). С этих двух событий и начался, по нашему мнению, процесс сближения Германии и Советского Союза.

В первые месяцы 1939 г. со стороны различных германских руководителей проявлялся все больший интерес к улучшению отношений с Советским Союзом. Посол регулярно докладывал об этом в Москву, и 18 апреля 1939 г. был вызван в СССР.

Воспоминания А.Ф. Мерекалова пока не опубликованы, однако исследователь Лев Безымянский, имевший к ним доступ, сообщает следующее. Вошел Мерекалов в кабинет И.В. Сталина в 16 часов 21 апреля 1939 г., вышел – в 16:50³. Посол вспоминал: «Цель вызова в Кремль была мне неведома до момента прибытия на уже начавшееся заседание Политбюро... После обоюдных приветствий Сталин первым делом неожиданно спросил:

— Товарищ Мерекалов, вот скажи – пойдут на нас немцы или не пойдут?

— Ответ был дан в моем подробном докладе».

В своем докладе Мерекалов отметил, что в 1939 г. цель Гитлера – избежать войны на два фронта. Назревающий конфликт с Польшей неизбежно приведет к войне. Однако пока Гитлер намерен нейтрализовать угрозу с советской стороны. Он стремится решить «польский вопрос», а затем перенести свою активность на Запад. После же достижения своих целей на западном направлении он, безусловно, направит свои вооруженные силы на Восток: «неизбежен поход на СССР с использованием экономического потенциала этих стран»⁴.

Таким образом, полпред на вопрос Сталина о войне Германии против Советского Союза ответил положительно. Эта прямолинейность со служила Мерекалову не самую добрую службу. Сталин уже нацеливался на сотрудничество с Гитлером. Но для подобного крутого дипломатического поворота нужен был более гибкий дипломат⁵. Прямолинейный Мерекалов уже был не годен.

Поэтому он был оставлен в Москве, а ему на смены пришел более опытный и гибкий дипломат Георгий Астахов. Несколько позже подобная рокировка произошла и на высшем дипломатическом олимпе СССР,

³ Журнал посещений Сталина. 1939. Ч. 1. URL: <http://istmat.info/node/1953> (дата обращения: 16.10.2012).

⁴ *Безымянский Л.* Указ.соч. С. 45.

⁵ А.Ф. Мерекалов участвовал в Гражданской войне, затем служил в органах ВЧК-ОГПУ. Церковно-приходское образование пополнял на рабфаке, затем в химико-технологическом институте. С 1937 г. – на курсах Академии внешней торговли. В связи с массовыми репрессиями 1937–1938 гг. был призван на службу в наркомат внешней торговли.

когда наркома М.М. Литвинова (еврея по национальности, проводившего курс на создание системы коллективной безопасности) сменил на посту главы советского дипломатического ведомства В.М. Молотов. Это событие и Западная Европа, и нацистская Германия расценили как признак поворота внешней политики Кремля в сторону Германии.

Таким образом, на наш взгляд, очевидно, что инициатива советско-германского сближения принадлежала в первую очередь рейху. Сталин был вынужден пойти на это по необходимости, причем важнейшую роль в принятии этого решения стало нежелание стран западной демократии сотрудничать с Советским Союзом по военно-политическим вопросам. Следует отметить, что окончательное решение об изменении внешнеполитической ориентации Сталин принял лишь в августе 1939 г., когда окончательно стало ясно, что переговоры с Западом зашли в тупик. Это вполне отчетливо видно из рассекреченных документов службы внешней разведки России за 1939–1941 годы⁶.

Современные исследователи, ссылаясь на секретные протоколы к пакту Молотова – Риббентропа, нередко Сталина обвиняют в попытке столкнуть Германию с Англией и Францией⁷. Их оппоненты либо полностью оправдывают эти протоколы, либо отрицают их наличие (например, академик РАН, крупнейший специалист по истории Великой Отечественной войны Г.А. Куманев⁸). До конца своих дней отрицал наличие таких протоколов сам В.М. Молотов⁹.

Сталина и Молотова часто обвиняют в предательстве по отношению к Польше, в совместной войне с Гитлером против поляков. Широкую известность приобрела фраза Сталина из его телеграммы Риббентропу от 25 декабря 1939 г. о «дружбе, скрепленной кровью».

Попытаемся разобраться в содержании этой «дружбы» осенью 1939 г. Сторонники признания существования совместных военных планов и действий Красной армии и вермахта грешат одной принципиальной ошибкой – они не приводят конкретных доказательств, фактов, документов. И это вполне объяснимо, поскольку их просто не существует. Цели польской кампании у Германии и СССР были разными. Советский Союз создавал буфер для отражения в будущем немецкой агрессии, вместе с тем освобождая народы Западной Украины и Западной Белоруссии

⁶ Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации 1939–1941 / Сост. Л.Ф. Соцков. М., 2001.

⁷ *Наджафов Д.Г.* Советско-германский пакт 1939 года и его исторические последствия // Вопросы истории. № 12. 2006. С. 7; *Слу С.З.* Сталин и Гитлер. 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 98–119.

⁸ *Куманев Г.В.* Вклад СССР в Победу над фашизмом. Екатеринбург, 2000.

⁹ *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.

и воссоединяя их. Этот вопрос на основе архивных документов (прежде всего, немецких) обстоятельно исследуется О.В. Вишлевым¹⁰.

Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. являлось актом агрессии с целью уничтожения польского государства, аннексии его земель. Части Красной Армии двинулись на запад 17 сентября 1939 г., после того как основные силы польской армии были разгромлены, значительная часть территории Польши оккупирована Германией (в том числе ряд областей, которые были признаны ею относящимися к сфере интересов СССР), а польское правительство «распалось и не проявляло признаков жизни». Исходя из того, что «польское государство и его правительство фактически перестали существовать», а Польша, «оставленная без руководства превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР», Советский Союз взял под свой контроль территории, лежащие восточнее так называемой линии Керзона – этнической границы Польши, установленной в декабре 1919 г. Верховным советом Антанты. Напомним, что территории восточнее «линии Керзона» были в 1920 г. отторгнуты Польшей от Советской России, что было закреплено Рижским договором 1921 г. Действия СССР позволили предотвратить германскую оккупацию Западной Украины и Западной Белоруссии и восстановить национальное единство украинского и белорусского народов в рамках советского государства.

Сторонники тезиса о «сотрудничестве» Красной Армии и вермахта, как правило, не упоминают о многочисленных вооруженных столкновениях между ними осенью 1939 г.

К 17 сентября 1939 г. германская армия продвинулась далеко в глубь советской сферы интересов на территории Польши и вышла на рубеж Граево – Белосток – Брест – Владимир-Волынский – Львов – Стрый, тем самым нарушив договоренности с СССР. Если бы наступление немцев продолжалось в прежнем темпе, а Красная Армия не выступила им навстречу, то передовые части вермахта в считанные дни вышли бы к государственной границе СССР. Отдавая частям Красной Армии приказ о переходе государственной границы, советское руководство допускало, что в отношении немцев придется действовать решительно и жестко, чтобы заставить их убраться с территории, являющейся советской сферой интересов.

19 сентября 1939 г. передовые советские части подошли к Львову. Немцы встретили их артиллерийским огнем. Произошел бой между танковыми подразделениями, в котором обе стороны понесли потери. Командующий советской группировкой потребовал от немцев немедленно отвести войска, поскольку части Красной Армии имеют приказ штурмо-

¹⁰ Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001.

вать город. Германское командование ответило отказом. По дипломатическим каналам немцы стали оказывать нажим на советское руководство, пытаясь добиться отмены приказа о взятии Львова. Утром 20 сентября 1939 г. германский посол в Москве Ф.В. фон дер Шуленбург сделал заявление. В нем указывалось на опасность возникновения крайне серьезного инцидента между советскими и германскими войсками. В ответ советская сторона выразила удивление по поводу нахождения германских войск восточнее Львова и их боевой активности в советской сфере интересов. Было подчеркнуто, что инцидентов наверняка не будет, если немцы прекратят попытки продвижения в восточном направлении и отведут свои войска.

Решительная позиция советского руководства вынудила Гитлера 20 сентября 1939 г. приказ об отводе германских войск от Львова. Германские генералы, которые были готовы пойти на открытое военное столкновение с СССР, квалифицировали это решение фюрера как «день позора немецкого политического руководства». Уход немцев из районов восточнее Львова сопровождался стычками и артиллерийскими дуэлями между советскими и германскими частями. Инциденты не прекращались и в дальнейшем.

Таковы некоторые факты «сотрудничества» Красной Армии и вермахта в сентябре 1939 г.

Говоря о советско-германском «военном сотрудничестве» в сентябре 1939 г., стоит затронуть также вопрос о якобы имевших место в этот период «совместных парадах» подразделений германских вооруженных сил и Красной Армии. Об этих парадах пишут очень часто и представляют их как доказательство «братства по оружию» СССР и гитлеровской Германии. В подтверждение версии о совместных советско-германских парадах публикуются фотографии, сделанные в Бресте 22 сентября 1939 г., на которых запечатлены комбриг Кривошеин, генерал Гудериан и группа немецких офицеров, мимо которых движется германская военная техника. Сообщается, что аналогичные парады состоялись в Белостоке, Гродно, Львове и других городах.

Документально факт проведения советскими и германскими войсками в сентябре 1939 г. «совместных парадов» до сих пор никем не подтвержден. Известные же документы свидетельствуют, что сначала торжественным маршем проходили германские войска, а после того как они покидали город, туда входили советские танковые части¹¹. Если на прохождении немецких подразделений присутствовал советский представитель, подписавший соглашение (он контролировал выполнение немцами достигнутой договоренности), то при прохождении советских

¹¹ Кривошеин С.М. Междубурье. Воронеж, 1964. С. 250–262.

подразделений ни одного немецкого солдата и офицера на улицах уже не было¹². Интересно свидетельство Г. Гудериана: «Наше пребывание в Бресте закончилось прощальным парадом и церемонией смены флагов в присутствии комбрига Кривошеина»¹³. Итак, ни о каком совместном параде речь не идет. Немецкий генерал говорит только о параде частей вермахта, на котором присутствовал с советской стороны лишь комбриг Кривошеин.

Итак, известные нам документы и факты приводят к выводу о том, что никакого «военного сотрудничества» между Красной Армией и вермахтом осенью 1939 г. не было и быть не могло, а попытки ряда современных исследователей очернить действия СССР в 1939 г. представляются необоснованными ввиду отсутствия доказательной источниковой базы.

¹² *Стариков Н.* Сталин. Вспоминаем вместе. М., 2013. С. 182.

¹³ *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 1999.

Н.Б. Городецкая

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В ЮГОСЛАВИИ
В КОНЦЕ 60-х – 70-е гг. XX ВЕКА:
КОНФЛИКТ ВЧЕРАШНИХ СОЮЗНИКОВ
С ТРАГИЧЕСКИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ**

В 80-ые годы XX века в Социалистической федеративной республике Югославия сложилась парадоксальная ситуация: после смерти Иосипа Броз Тито был прекращен строгий контроль над исторической наукой, но это не повлекло за собой появления массы новых исторических монографий, созданных с позиций «методологического плюрализма» профессиональными историками. Книжный рынок Сербии наполнился при этом массой произведений литераторов, общественных деятелей, журналистов и экономистов, пытавшихся пересмотреть новейшую историю Сербии и Югославии.

20–24 октября 1983 г. состоялся VIII Съезд Союза историков в Аранжеловаце. На съезде также не поднимались острые, волновавшие общество вопросы истории Сербии и Югославии. Зато на пленарном заседании было сделано два доклада, посвященных проблеме преподавания истории и школах и ВУЗах¹. Влиятельный сербский еженедельник НИН охарактеризовал программу Съезда афоризмом «От Ноя до АВНОЯ»².

В 1980-е годы увидели свет многочисленные произведения на историческую тему: «Нож»³, «Ночь генерала»⁴, «Русский консул»⁵ журналиста Вука Драшковича, «Новый взгляд на биографию Иосипа Броз Тито» журналиста Владимира Дедиера, «Время зла», «Время смерти», «Время власти» писателя и общественного деятеля Добрицы Чосича, «Миг 2» писателя Антония Исаковича, «Голубьчача» писателя и драматурга Йована Радуловича, «Партийный плюрализм или монизм» экономиста Коштуницы. Эти книги были посвящены важнейшим проблемам истории Югославии, которые при жизни И. Броз Тито не подлежали обсуждению.

Видимо, причины пассивности профессионального исторического сообщества и активности интеллектуальной элиты следует искать в осо-

¹ Осми конгресс историчара Југославије од 20. до 23. октобра 1983. Аранђеловац: Программ. Београд, 1983.

² Фусноте уместо догађаја године // НИН 23 октобара 1983 г.

³ Драшковић В. Нож. М., 1995.

⁴ Драшковић В. Ноћ генерала. Београд, 2000.

⁵ Драшковић В. Руски конзул. Београд, 2000.

бенностях развития Югославии. Отношения интеллектуальной и партийно-политической элиты Югославии были довольно специфическими, что было обусловлено их общим партизанским прошлым. Это общее прошлое сыграло роль в 1960-е гг., которые в сербской литературе принято называть «золотым веком»⁶ развития философии, искусства и литературы. В это время впервые в истории Социалистической Югославии стали появляться группы оппозиционных интеллектуалов, создавшие для популяризации своих идей оппозиционный марксистский журнал «Праксис» в 1963 г. Журнал выходил с 1963 до 1974 год и издавался на государственные средства. На страницах «Праксиса» критиковалась как западная капиталистическая система, так и модели социализма, построенные в СФРЮ и СССР.

Партийно-политическая элита не предпринимала карательные меры против журнала и его авторов вплоть до начала 70-х гг. Наиболее вероятная причина этого видится в том, что большинство югославских интеллектуалов старшего поколения имело прочные личные связи с руководством страны еще со времен Второй мировой войны. Так, будущий сербский диссидент, писатель Добрица Чосич был комиссаром партизанского отряда, издавал вместе с другим будущим диссидентом, историком Йованом Марьяновичем газету «Молодой партизан». Как считает, Ясна Драгович – Сосо, в 1960-х годах критика «праксисовцами»⁷ недостатков политической и идеологической жизни СФРЮ воспринималась правящей элитой «как семейная ссора»⁸. Свидетельством того, что власть в 1960-е – начале 1970-х гг. терпимо относилась к деятельности «праксисовцев», является отсутствие упоминаний о «Праксисе» и его авторах в протоколах заседаний Идеологической комиссии ЦК СКЮ этого периода, хотя из протоколов видно, что Комиссия внимательно следила за средствами массовой информации, издательской деятельностью, развитием культуры, литературным процессом и интеллектуальным климатом в стране в целом.

Таким образом, благодаря общему партизанскому прошлому в течение долгого времени интеллектуальная оппозиция чувствовала себя практически безнаказанной. Об этом свидетельствует и «Краткая хроника арестов и запрещений»⁹, которую составили авторы сборника «Белая книга 1984. Расправа с «культурной контрреволюцией» в СФРЮ». Со-

⁶ *Dragović–Soso J.* Spasioci nacije: intelektualna opozicija Srbije i oživljavanje nacionalizma. Beograd, 2004. S. 151.

⁷ Праксисовцы – философы, авторы журнала «Праксис».

⁸ *Dragović–Soso J.* Op. cit. S. 56.

⁹ *Bela knjiga – 1984. Obracun sa «kulturnom kontrarevolucijom» u SFRJ // Priredili dr Kost Nikolic, mr Srdan Cvetkovic, dr Doko Tripkovic.* Beograd, 2010. S. 243–253.

гласно этой хронике, в период с 1960 до 1968 года в год имело место несколько арестов и запретов книг или художественных фильмов.

Ситуация в отношениях власти и интеллигенции резко изменилась в конце 60-х – начале 70-х гг., когда из союзников по народно – освободительной войне они окончательно превратились в идеологических противников. Это превращение было связано с изменившейся внутривнутриполитической обстановкой в СФРЮ. Именно к этому времени уходят, на наш взгляд, причины пассивности профессионального исторического сообщества Югославии в 80-ые годы.

Конец 1960-х – начало 1970-х гг. в СФРЮ были отмечены двумя внутривнутриполитическими потрясениями: «Жарким летом» в Белграде 1968 г. и «Маспоком» в Хорватии 1971 г. Это были массовые выступления против политики Союза коммунистов Югославии, они были жестко подавлены властью, за ними последовали масштабные чистки руководителей и интеллектуальной элиты республик.

От таких чисток пострадали, в первую очередь, университетские центры. Контроль за их работой резко усилился. Так, в Белграде, в Отделе сопровождения негативных антисоциалистических появлений в Университете и научных и культурных учреждениях было семь специальных референтов¹⁰. После «Жаркого лета» 1968 г. Белградский университет был подвергнут чисткам, оттуда были уволены все преподаватели, поддерживавшие студенческие выступления или заподозренные в неблагонадежности. От чисток в наибольшей степени пострадал Философский факультет, откуда убрали всех преподавателей – праксисовцев.

Незадолго до этого отделение истории Философского факультета Белградского университета было подвергнуто чистке в связи с выступлением на XIV пленуме ЦК СКС профессора отделения истории Философского факультета Белградского университет Йована Марьяновича. Марьянович поддержал позицию Добрицы Чосича и осудил искусственное конституционное признание нации «мусульман». Выступления Д. Чосича и Й. Марьяновича обсуждались на заседании Идеологической комиссии Центрального комитета Союза коммунистов Югославии. Реакция на эти доклады была однозначной: они квалифицировались как диверсия, авторов называли «националистами», «остатками потерпевших поражение бюрократических сил»¹¹. Профессор Марьянович был уволен, историческое отделение подверглось чистке.

Таким образом, профессиональное историческое сообщество, сконцентрированное вокруг Белградского университета, в начале 1970-х гг. дважды подверглось чисткам. Служба безопасности и руководство стра-

¹⁰ Bela knjiga – 1984. Obracun sa «kulturnom kontrarevolucijom» u SFRJ // Priredili dr Kost Nikolic, mr Srdan Cvetkovic, dr Doko Tripkovic. Beograd, 2010. S. 14.

¹¹ АЈ. Ф. VIII. Оп. II. Ед. Хр. 2-b-162.

ны не оставляла Университет своим вниманием и в дальнейшем. И. Броз Тито в заключительной речи на прошедшей 25 января 1972 г. Второй конференции СКЮ обратил особое внимание на положение в Белградском университете и морально–политическую благонадежность его преподавателей: «Сейчас самое время для действий, для акций, для увольнения профессоров, которые портят нашу молодежь».¹² Вслед за этим директивным заявлением в закон о высших учебных заведениях 1973 г. был введен критерий «морально–политической благонадежности» как условия поступления на работу»¹³.

Таким образом, к моменту смерти И. Броз Тито историки СФПЮ были деморализованы постоянными чистками, упреками в «великосербском национализме», «антисоциализме» и «политической неблагонадежности». Этим, видимо, и объясняется их пассивность в 1980-е годы.

С другой стороны, оппозиционные интеллектуалы, ушедшие в «подполье» в начале 70-х гг., успели к моменту смерти И. Броз Тито адаптироваться к создавшимся условиям, найти формы существования. Поэтому они смогли воспользоваться ослаблением контроля и начать пересмотр запретных тем национальной истории. В силу этого новую ментальную картину прошлого стали формировать не профессиональные историки, а представители национально ориентированной интеллектуальной оппозиции.

Уже в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. эта мифологизированная картина прошлого была умело использована Слободаном Милошевичем в ходе борьбы за власть. А ситуация гомогенизации сербского народа, с одной стороны, и резкая реакция «этнократических кланов»¹⁴ других республик бывшей Югославии с другой, сделали межэтнические войны на бывшем общегославском пространстве практически неизбежными.

¹² АЈ. Ф. VIII. Оп. II. Ед. Хр. 2-b-162. S. 361.

¹³ *Dragović–Soso J.* Op. cit. S. 84.

¹⁴ *Волков В.К.* Этнократия – непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Полис. 1993. № 2. С. 16–35.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Я.Н. Рабинович

УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ: СМИРНОЙ ЕЛИЗАРЬЕВИЧ ОТРЕПЬЕВ

Род Отрепьевых-Нелидовых происходил, по сказаниям старинных родословцев, от некоего Владислава из Нильска Нелидовского, который в 1380 г. участвовал в составе полка Дмитрия Ольгердовича Брянского в Куликовской битве, а затем окончательно перешел на службу Дмитрию Донскому и получил «поместье в Боровском уезде в Суходольском стану село Никольское с деревнями». Один из его потомков «Давыд Борисов сын» при Иване III «от великого князя по прилучью назван Отрепьевым» вместе с сыном Иваном. Около 1547 г. два сына Ивана Давыдовича были переведены из Боровска в Углич, а третий сын (Матвей) – в Галич. Сын этого галицкого помещика Матвея Ивановича Отрепьева Замятня (Елизарий) имел четырех сыновей, старший из которых, Никита по прозвищу Смирной является главным героем данного очерка¹.

Младший брат Смирного Отрепьева «Богдан имя Яков» был отцом Юрия, известного как Лжедмитрий I. Таким образом, Смирной Отрепьев был *родным дядей* Юрия (Гришки) Отрепьева².

Отец Смирного Отрепьева Замятня Матвеевич постригся в монахи, стал иноком Чудова монастыря. Н.М. Карамзин писал, что Гришка жил

¹ *Сторожев В.Н.* Родословная Нелидовых-Отрепьевых // *Сторожев В.Н.* Материалы по истории русского дворянства // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете (далее – ЧОИДР). 1909. № 3(230). С. 143–152.

² Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 14. С. 59. Авторы Славянской энциклопедии ошибочно считают, что Смирной Отрепьев был троюродным дядей самозванца Ю.Б. Отрепьева. См.: Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. Т. 2. / Автор-составитель *В.В. Богуславский*. М., 2004. С. 95.

год в келье Чудова монастыря у деда своего, Замятни³. Смирной Отрепьев вместе с братьями в 1577 г. записан «в новиках неслужилых дворовых по коломенской десятне» (возможно, во время опричных «чисток» Отрепьевы были переведены из Галича в Коломну). В коломенской писцовой книге 7086 г. (1577/1578 г.) упоминается Замятня Отрепьев, который был ранее «помещиком в Большом Микулине стану Коломенского уезда».

Судя по всему, Смирной родился в начале 1560-х годов. В 1577 г. его поместный оклад «по второй статье составлял 250 четей и денег 7 рублей»⁴. Небольшой оклад и запись «неслужилый новик» подтверждает предположение, что в 1577 г. юноше еще не исполнилось 16–17 лет.

О службе Смирного Отрепьева при Иване Грозном и Федоре Ивановиче ничего не известно. Впервые он упомянут в боярском списке 1598–1599 гг. как галицкий помещик, который служил по выбору⁵. В 1602 г. он уже имел оклад не 250, а 450 четей и был головой у стрельцов, т.е. командовал приказом стрельцов из нескольких сотен человек. Служба его в это время проходила в одном из Поволжских городов. В Боярском списке за 1602–1603 гг. записано: «На Низу голова у стрельцов»⁶. Это могли быть Самара, Саратов, Царицын, Астрахань, а также Терский, Сунженский или Койсинский остроги. Не исключено, что Смирной Отрепьев был отправлен в поход в Дагестан против шамхала Тарковского в составе рати князя И.П. Ромодановского. В конце 1603 г. стрелецкий голова Смирной Отрепьев был уже в Москве. Ему предстояло выполнить миссию, от успеха которой зависела судьба страны.

Весной 1604 г., узнав об участии польских магнатов в самозванческой аванюре с неожиданно воскресшим «царевичем Димитрием», царь Борис Годунов послал Смирного Отрепьева гонцом в Литву к канцлеру Льву Сапеге с грамотой о пограничных делах. Главной его целью было собрать сведения о беглом племяннике, а затем публично обличить при личной встрече, «с очей на очи». Смирной должен был уличить Лжедмитрия в самозванстве в присутствии Сапег и других вельмож. В одной из разрядных записей указано: «А в Литву к королю послал государь в гонцах на обличенье тому вору Розтриге дядю ево род-

³ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. XI // Карамзин Н.М. История Государства Российского Издание пятое. В трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов с полными примечаниями. Кн. III (Т. IX–XII). СПб., 1843. Стб. 73–74; Карамзин Н.М. Указ. соч. Примеч. к т. XI. Стб. 38–39.

⁴ Сторожев В.Н. Боярский список 119-го году, сочинен до московского разорения при Литве с письма думного дьяка Михаила Данилова // Сторожев В.Н. Материалы по истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. № 3(230). С. 93.

⁵ Боярский список 1598–1599 годов // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России в XVI–XVII веков. М., 2004. С. 255.

⁶ Боярский список 1602–1603 годов // Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 272.

нова Галиченина Смирнова Отрепьева» Н.Н. Бантыш-Каменский писал, что в 1604 г. «послан в Варшаву родной онаго Лжедмитрия дядя Смирной Отрепьев от бояр к вельможам польским для обличения его лицом к лицу. Вельможи, не дозволив ему с ним свидеться, уверили, что они стоять за него не намерены»⁷.

Однако канцлер отклонил требование Смирного Отрепьева об очной ставке с Лжедмитрием под тем предлогом, что не может решить это дело без согласия сейма⁸. Об этой миссии сохранилось немало источников, среди которых можно назвать грамоту Михаила Романова французскому королю Людовику XIII. Михаил Романов писал: «И Жигимонт Король и паны Рада перед Царя борисовым посланником в том во всем запирались, а говорили, что они тому вору не помогают ни в чем, и мирного постановленья не нарушивают и вперед держати хотят. И отпуста от себя к Царю его посланника, больше прежнего учили тому вору всякими мерами помогать». После возвращения из Польши в Москву Смирной Отрепьев с матерью Лжедмитрия и «с сродники всенародно ево проклятого вора обличали»⁹. Скорее всего именно Смирной Отрепьев составил для Посольского приказа «сказку» о своем племяннике, которая нашла отражение во многих литературных памятниках Смутного времени¹⁰.

После воцарения Лжедмитрия в Москве в июне 1605 г. для Смирного Отрепьева и его родственников наступили тяжелые времена. Самозванец сослал их «с глаз подальше, в Сибирь». Об этом сообщает Авраамий Палицын, подчеркивая, что мать Лжедмитрия, «Богданова жена Отрепьева, вдова Варвара и з сыном своим, с его Григорьевым братом и з дядею Смирным Отрепьевым тако же обличаху. И дядя его в Сибирь

⁷ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907 год. Кн. 2 (221). С. 2; Бантыш – Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 3 (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М., 1897. С. 111.

⁸ Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. Т. 2. С. 95.

⁹ Грамота Михаила Федоровича к французскому королю Людовику XIII. 1615 г. // Шафиров П.П. Рассуждения о причинах Свейской войны. СПб., 1722. С. 105–106; Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 61; Палицын А. Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста и комм. О.А. Державиной и Е.В. Колосовой / Под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 24; Памятники дипломатических сношений московского государства с Польшей (1598–1608) // Сборник Русского исторического общества (далее – РИО). Т. 137. СПб., 1912. С. 242, 578; Сторожев В.Н. Родословная Нелидовых-Отрепьевых. С. 145, 150.

¹⁰ О посольстве Смирного Отрепьева в Польшу писали многие исследователи, начиная с В.Н. Татищева. См.: Татищев В.Н. История Российская. В семи томах. Т. 6. Л., 1966. С. 292; Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 180. См. также: Козляков В.Н. Лжедмитрий I. М., 2009. С. 55–56, 235.

сослан, от него много приим озлобления». Позднее, при царе Алексее Михайловиче, троюродный племянник Смирного Отрепьева, Федор Иванович писал в своей челобитной: «Смирнова Отрепьева и отца его Федорова (Ивана Андреевича. – *Я.Р.*) и сродников их многих за обличение мучил и разослал в ссылку в сибирские города врознь, а дома их разорены от него были до конца; и были сродники их в ссылке в сибирских городех два года, и всякую ссылочную нужду от него вора за обличение имели»¹¹.

Сведений о пребывании Смирного Отрепьева и его родственников в Сибири пока не найдено. Если судить по челобитной Федора Отрепьева, то Смирной Отрепьев и его «сродники» вернулись из Сибири через два года, в 1607 году. Царь Василий Шуйский, «вспомнив их верную службу, велел ис ссылки освободить». Шведский королевский историкограф Юхан Видекинд писал, что когда Григорий Отрепьев был убит, то его дядя «долго скрывался ввиду суровости времени»¹². Авторы «Славянской энциклопедии» оставили Смирного Отрепьева в Сибири с 1605 г. и вплоть до 1613 г., «пока Михаил Романов не вызвал его в Москву и ссылка была прекращена».

Возможно, помощь в поиске мест ссылки Смирного Отрепьева и его родственников может оказать документ, опубликованный А.М. Гневушевым. Речь идет о списке с подорожной грамоты, данной 24 июля 1606 г. по царскому наказу двоюродному дяде Смирного Отрепьева, Сурмену (Георию) Ивановичу – из Березова, от Выми до Еренского города и до Соли Вычегодской, до Устюга, до Вологды «и до Устюжны и до Москвы, чтоб есте давали Сулменю Отрельеву (?) две подводы да проводника на подводе»¹³. Это указание получил из Москвы воевода Березова князь Петр Ахамашукович Черкасский. Сурмен Отрепьев мог добраться из Москвы к предполагаемым местам ссылки своих родственников (в Березов) глубокой осенью. Возвращение в Москву также заняло несколько месяцев. Скорее всего, Смирной Отрепьев вернулся из Сибири уже после осады Москвы отрядами Ивана Болотникова.

Об участии Смирного в боях против Тушинского вора сведений почти не сохранилось. В родословной Нелидовых сказано, что в 116 году (1607/1608 г.) Смирной Отрепьев был отправлен с полком из Дмитрова к Троице к боярину и воеводе князю Владимиру Тимофеевичу Долгоруко-

¹¹ *Сторожев В.Н.* Родословная Нелидовых-Отрепьевых. С. 150; *Палицын А.* Сказание... С. 24.

¹² *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / Перевод С.А. Аннинского, А.М. Александрова / Под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли. 2000. С. 88.

¹³ Акты времени правления царя Василия Шуйского (19.5.1606 г. – 17.7.1610 г.) / Собр. и ред. *А.М. Гневушев.* М., 1914. С. 63.

ву, и велено быть с ним у Троицы, «а о проходе своем велено писать ко государю ему, Смирному, самому». Трудно сказать, о каких событиях идет речь, во всяком случае, этот поход происходил еще до начала знаменитой осады Троицы тушинцами, которая началась в 117 г. (в сентябре 1608 г.). Возможно, этот поход «из Дмитрова к Троице» связан с отправкой из Москвы в Польшу в конце июля 1608 г. Марины Мнишек и польских послов, сопровождать которых было поручено В.Т. Долгорукову. Из челобитной Федора Отрепьева видно, что Смирной Отрепьев и его «сродники» «на Москве в осаде сидели», сражаясь против тушинцев, служили царю Василию «верно и непоколебимо», Тушинскому вору «креста не целовали, ни к какому воровству не приставали и в измене не бывали»¹⁴.

Царь Василий Шуйский полностью доверял Смирному Отрепьеву. Само его присутствие среди правителей соседних стран должно было дискредитировать движение Лжедмитрия II. Именно Смирному Отрепьеву царь поручил вести переговоры со шведским королем о дополнительной военной помощи в борьбе против польского короля Сигизмунда. Еще в конце февраля 1609 г. представители князя М.В. Скопина-Шуйского заключили в Выборге для борьбы с Лжедмитрием II союзный договор со Швецией. Король Карл IX обязывался прислать на помощь Шуйскому две тысячи конницы и три тысячи пехоты. За это, кроме платы наемникам и всяческих льгот, к Швеции должна была отойти крепость Корела с уездом¹⁵.

К ноябрю 1609 г. союзному войску М.В. Скопина-Шуйского и Я. Делагарди удалось освободить северные и замосковные города от тушинцев¹⁶. Тушинцы, осаждавшие Троицу, сами оказались в полуокружении.

Но у царя Василия появился новый, более опасный враг. К этому времени польский король Сигизмунд III начал открытую интервенцию против России и осадил в сентябре 1609 г. Смоленск. Шведская помощь

¹⁴ *Сторожев В.Н.* Родословная Нелидовых-Отрепьевых. С. 147.

¹⁵ Договорная запись стольника и воеводы Семена Головина и дьяка Сыдавного Зиновьева с шведскими послами об уступке Швеции города Корелы с уездом (секретная часть Выборгского договора). Выборг, конец февраля 1609 г. // *Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.* СПб., 1841 (далее – АИ). Т. II. СПб., 1841. № 160; Копия с договору о помощи шведской, учиненного в Выборге в 1609 году, чрез стольника и воеводу Семена Головина с товарищи с российской стороны // *Шафиров П.П.* Рассуждение, какие законные причины Петр Великий... к начатию войны против Карола XII Шведского 1700 года имел... СПб., 1722. С. 92–101; См. также: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Т. IV (Пруссия, Франция, Швеция). М., 1902. С. 139–141.

¹⁶ *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: Движение Дмитрия II. Волгоград, 1999.

была очень нужна Василию Шуйскому. В конце августа 1609 г. царь особой грамотой подтвердил свое согласие передать крепость Корелу шведам. В ноябре 1609 г. Василий Шуйский подтвердил Выборгский договор, и шведскому королю была отправлена царская грамота об уступке Корелы¹⁷. Эту царскую грамоту повезли в Корелу послы – Смирной Отрепьев и подъячий (в некоторых документах – дьяк) Пятой Григорьев.

Об этой миссии Смирного Отрепьева дореволюционные исследователи ничего не писали, исключая опубликованный в 1902 г. труд Н.Н. Бантыш-Каменского. В Боярском списке 119 года (1610/1611 г.) Смирной Отрепьев указан в числе московских дворян (это – повышение по службе, ранее он был записан из городов по выбору). Против его фамилии имеется краткая запись: «...в Свее», т.е. в Швеции¹⁸. Подробно на этой миссии Смирного Отрепьева в Стокгольм остановились Г.А. Замятин и И.П. Шаскольский, а из современных исследователей – Е.И. Кобзарева и А.А. Селин¹⁹.

Как отмечал Н.Н. Бантыш-Каменский, Смирного Отрепьева и Пятого Григорьева царь Василий отправил в ноябре 1609 г. из Москвы в Швецию «с прошением – прислать еще несколько вспомогательных войск». Якоб Делагарди послал вместе с ними в качестве проводника Ханса Бойе. Послы выехали из Москвы 26 ноября и прибыли в Орешек в январе 1610 г. Начались новые переговоры с жителями Корелы, которые не желали уступать свой город шведам²⁰.

Кореляне на переговорах со Смирным Отрепьевым в Орешке в январе 1610 г. просили отложить срок передачи крепости до Троицына дня (июнь 1610 г.), объясняя это невозможностью вывезти имущество зимой, поскольку это можно было осуществить только водным путем по Ладожскому озеру. Стороны решили передать этот вопрос на рассмот-

¹⁷ Грамота царя Василия Ивановича шведскому королю Карлу IX об уступке Корелы. 22 ноября 1609 г. // АИ. Т. 2. № 272. С. 327–329.

¹⁸ *Сторожев В.Н.* Боярский список 119-го году... С. 93.

¹⁹ *Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол в начале XVII в.: Падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича; *он же.* Борьба за Корелу между Московским государством и Швецией в конце XVI – начале XVII вв. // *он же.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / Сост. Г.М. Коваленко. СПб., 2008; *Шаскольский И.П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. С. 58–59; *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005; *Селин А.А.* Новгородские судьбы Смутного времени. Великий Новгород, 2009. С. 68.

²⁰ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 141; *Замятин Г.А.* Борьба за Корелу... С. 442; *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 89.

рение царя (возможно, посол имел тайные инструкции Василия Шуйского затягивать переговоры)²¹.

Не успев получить сведений о январских переговорах в Орешке, уже в январе 1610 г. царь отправил в Корелу новых послов – «Ивана Меньшого Михайловича Пушкина, да Алексея Иванова сына Безобразова, да дьяка Микиту Дмитриева»²². В начале февраля 1610 г. они прибыли в Орешек, а затем – в Корелу. Прежние послы, С.Е. Отрепьев и П. Григорьев, отправились в Швецию с царской грамотой выполнять поручение Василия Шуйского к шведскому королю. В феврале С.Е. Отрепьев и П. Григорьев прибыли в Выборг. Р.Б. Мюллер в 1948 г. опубликовала сборник документов о Карелии, в том числе три грамоты воеводы Выборга Тённе Юргенсена жителям и воеводам Корелы, в которых говорилось о приезде в Выборг «царя и великого князя великомошного посла Смирного Елизарьевича Отрепьева да Пятого Григорьева» (который назван дьяком). Г.А. Замятин полагает, что «проездом через Выборг они, кажется, вели переговоры с Тённе Ёранссоном и Арвидом Тённессоном и по вопросу о Кореле». Положение царя Василия в то время (весна 1610 г.) было еще довольно прочным, поэтому речь о шведском королевиче как кандидате на московский престол на переговорах не заходила²³.

Юхан Видекинд высоко оценивал эти переговоры. Королевский секретарь Монс Мортенсон докладывал королю, что скоро из Москвы придет «особо важный сенатор с двумя боярами, для того, чтобы передать в руки шведов Кексгольмскую область, а затем отправиться в Швецию к королю, с торжественным посольством по делам, как они говорили, большого значения. Посла звали Смирной Елизарьевич Отрепьев, это был дядя Григория Отрепьева». По мнению А.Л. Хорошкевич, русское посольство прибыло в Стокгольм 14 апреля 1610 г. Первая аудиенция у короля состоялась в Стокгольме, по свидетельству Видекинды, 12 июня 1610 г. На этой аудиенции Смирной Отрепьев вручил королю в качестве подарка драгоценное ожерелье, на котором был вырезан девиз: «Ради тебя готов на все»²⁴. По-видимому, он получил ответные по-

²¹ *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 58–59.

²² *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 2 (221). С. 53.

²³ «Лист» выборгского воеводы Тённе Йоренссона жителям города Корелы с обещанием неприкосновенности при занятии города шведами // Карелия в XVII в.: Сборник документов / Сост. Р.Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948. № 6. С. 19. См. также; Там же. № 7. С. 20–21. № 8. С. 21–23; *Замятин Г.А.* Борьба за Корелу. С. 443. Ср.: *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 79.

²⁴ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 89, 578 (комментарии).

дарки для себя и для царя Василия Шуйского, которые через несколько лет были вручены новому московскому царю Михаилу Романову.

Через 12 дней после этой аудиенции состоялась Клушинская битва, резко изменившая положение дел в России. Осенью 1610 г. король Карл узнал о присяге москвичей (август) и новгородцев (октябрь) королевичу Владиславу и о начале боевых действий между войсками Семибоярщины и шведами.

Сведения из Москвы до Швеции доходили через один-два месяца. Вначале король узнал из письма Я. Делагарди о свержении Василия Шуйского. Затем до Стокгольма стали доходить слухи о возможности избрания московским царем польского королевича, которым Карл IX не поверил и попытался повлиять на москвичей в выборе нового царя. 30 октября 1610 г. Смирному Отрепьеву и Пятому Григорьеву была дана королевская инструкция. Король не знал, что Москва уже два месяца назад присягнула польскому королевичу, москвичи отправили своих послов под Смоленск, а в столице находился польский гарнизон. Послов Василия Шуйского, С. Отрепьева и П. Григорьева, отправляли из Стокгольма в Выборг, откуда они должны были под присмотром шведских комиссаров написать письмо в Москву. Х. Альмквист и Г.А. Замятин привели текст этой королевской инструкции. Предусматривалось два варианта. В случае избрания нового царя (польскую кандидатуру король не брал в расчет), Отрепьев должен был передать этому правителю, что Карл IX требует уступки кроме Корелы крепостей Гдова, Ивангорода, Копорья, Яма, Нотебурга и Колы. За такое вознаграждение шведский король «будет продолжать оказывать помощь новому царю против поляков». Если же царь еще не избран, то Отрепьев должен был отговорить москвичей от избрания польского королевича или татарского наследника²⁵.

Судя по последующим письмам шведского короля, речь тогда не шла о кандидатурах принцев Густава Адольфа и Карла Филиппа. Король имел в виду только представителей русских боярских родов. Поэтому осенью 1610 г. Смирного Отрепьева и Пятого Григорьева нельзя считать сторонниками «партии шведского королевича, русского царя». Сторонником этой «партии» был Якоб Делагарди, который вначале действовал самостоятельно. Возможно, в дальнейшем, в начале 1611 г. в Выборге Якоб Делагарди пытался оказать давление на С. Отрепьева и П. Григорьева. Здесь, в Выборге, русские послы оставались почти полгода.

Зимой 1611 г. до новгородских воевод И.М. Салтыкова и князя И.Н. Одоевского дошли сведения, что Смирной Отрепьев прибыл из Стокгольма в Выборг. В конце февраля 1611 г. крестьяне Илейка и Гав-

²⁵ Замятин Г.А. Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол в начале XVII в. С. 38–39.

рилка, отправленные Якобом Делагарди в Орешек, передавали воеводам, что «Смирной Отрепьев со всею казною ныне в Выборе»²⁶. Трудно сказать, о какой казне здесь шла речь. Возможно, имелись в виду королевские подарки.

Фактически Смирной Отрепьев и Пятой Григорьев стали шведскими заложниками в Выборге. Вопрос об их возвращении был окончательно решен лишь после захвата Новгорода шведами (16 июля 1611 г.) и заключения новгородцами договора с Я. Делагарди (25 июля). Уже в августе 1611 г. в Швецию был отправлен гонец Иван Якушкин²⁷. Узнав о присяге новгородцев, шведские власти отпустили С. Отрепьева и П. Григорьева из Выборга в Новгород. По мнению А.А. Селина, «только осенью 1611 г. Отрепьев и Пятой Григорьев добрались до занятого шведами Новгорода»²⁸.

К тому времени (осень 1611 г.) можно уже утверждать, что Смирной Отрепьев присягнул шведскому королевичу как московский дворянин, представитель Москвы (неясно, однако, какую московскую власть он теперь представлял, так как отправивший его царь Василий Шуйский находился в польском плену). О связях между Смирным и руководителем Подмосковного ополчения Прокопием Ляпуновым зимой – летом 1611 г. источники ничего не сообщают, поэтому нет оснований говорить, что он принадлежал к Подмосковному ополчению.

Таким образом, пребывание Смирного Отрепьева в Швеции продолжалось полтора года (зима 1610 – осень 1611 г.).

О пребывании Смирного Отрепьева в Новгороде с осени 1611 г. до лета 1612 г. почти ничего не известно. Г.А. Замятин отметил, что С. Отрепьев имел поместья в Чертицком погосте Старорусского уезда, не указав, когда они были пожалованы²⁹. Е.И. Кобзарева рассматривала вопрос о размерах земельных пожалований С.Е. Отрепьеву, который в Новгороде был пришлым человеком и ранее не имел здесь земель. Скорее всего, ему был сохранен прежний оклад, которым он был верстан при Василии Шуйском. Е.И. Кобзарева пишет: «Из тех, кто впервые приобрел землю, самый большой оклад, максимальный для Новгорода – 800 четей – был у С.Е. Отрепьева». При таком большом окладе он полу-

²⁶ Отписка о неприязненных действиях Шведского полководца Делагарди в Новгородской области. 1611, март // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук (далее – ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 184. С. 315. См. также: Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. 35. С. 192.

²⁷ *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // ЧОИДР. 1866. Кн. III. Отд. IV. С. 307.

²⁸ *Селин А.А.* Новгородские судьбы Смутного времени. С. 68.

²⁹ *Замятин Г.А.* Очерки... Борьба за Старую Руссу.

чил в Шелонской пятине к лету 1612 г. 239 четей³⁰. Где находились эти поместья С. Отрепьева, исследовательница не сообщает (в Чертицком погосте он получил поместья позднее, в августе – сентябре 1612 г.). В Дачных книгах Шелонской пятины 1611/1512 г. записано: «По 800 чети... Смирной Отрепьев... Дано в 120 г. из дворцовых сел в Лятцком погосте да в Старорусском уезде в Чертицком погосте 239 ч.»³¹. Смирной Отрепьев, как отмечает Е.И. Кобзарева, привлекался к сбору кормов немецким людям. Среди документов Новгородского архива к настоящему времени обнаружено очень мало сведений о деятельности С. Отрепьева в Новгородской земле до лета 1612 г., но с осени этого года он упоминается во многих документах.

Возможно, после возвращения из Швеции Смирной Отрепьев первое время много внимания уделял личным (семейным) делам «на новом месте службы», поскольку раньше не имел никаких связей с Новгородом. Неизвестно, когда он женился, откуда была родом его жена Агафья. Его подписи нет под приговором об отправке посольства архимандрита Никандра в Стокгольм (25.12.1611 г.).

Можно предположить, что пребывание Смирного Отрепьева в Новгородской земле способствовало краху движения Псковского вора Сидорки (Лжедмитрия III), который объявлял себя чудесным образом спасшимся царем Дмитрием. В конце мая 1612 г. самозванец был арестован псковичами, а затем отправлен под конвоем в Москву.

Вновь мы видим Смирного Отрепьева летом 1612 г. в качестве одного из руководителей посольства, которое новгородцы отправили в Ярославль к князю Д.М. Пожарскому. Об этих переговорах в Ярославле писали все исследователи, занимавшиеся Смутным временем. Однако при этом мы наблюдаем парадоксальное явление. Дореволюционные исследователи (включая С. Смирнова, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, Д.И. Иловайского, И.Е. Забелина, В. Корсакову и др.) основываются только на Новом Летописце, а этот источник в качестве послов упоминает только князя Федора Оболенского (впоследствии – первого воеводу левобережного Саратова) и игумена Геннадия³².

Между тем еще в дореволюционный период был опубликован ряд интересных источников, свидетельствующих об участии в посольстве

³⁰ Кобзарева Е.И. Указ. соч. С. 136, 192.

³¹ Книги дачные Шелонской пятины. 1611/12 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod (документы Новгородского оккупационного архива в Стокгольме)(далее – RA, NOA). Serie 1:86. С. 5.

³² По-видимому, об участии Смирного Отрепьева в посольстве в Ярославль к князю Пожарскому не знал даже такой серьезный исследователь, как В. Сторожев, не упомянувший об этом факте из его биографии в своем очерке.

Смирного Отрепьева. Речь идет об отписке князя Д.М. Пожарского, а также об известном труде шведского дипломата Петра Петрея.

В Отписке князя Д.М. Пожарского и Ярославской Земской думы новгородскому митрополиту Исидору впервые указываются полностью имена посланцев: «Николы Чудотворца Вяжицкого монастыря игумен Геннадий, да стольник князь Федор Тимофеевич Черной Оболенский да дворянин Смирной Елизарьевич Отрепьев, и дворяне из пятин и торговые люди»³³. Петр Петрей также сообщает, что от дворянства прибыли из Новгорода в Ярославль выборные Федор Тимофеевич Оболенский и Смирной Елизарьевич Отрепьев (*Smirnou Elisareevits Utrepia*)³⁴.

Первым на участие Смирного Отрепьева в переговорах с князем Д.М. Пожарским в Ярославле обратил внимание в 1913 г. Г.А. Замятин. Некоторые исследователи конца XX в. также подчеркивали участие С.Е. Отрепьева в этих переговорах³⁵. Подробно на данных переговорах и на участии в них Смирного Отрепьева остановились Е.И. Кобзарева и А.А. Селин. По расчетам А.А. Селина, послы выехали из Новгорода в Ярославль 8 июня 1612 г.

Ход переговоров в Ярославле изучен хорошо, поэтому нет смысла подробно останавливаться на них. Смирной Отрепьев и другие новгородские послы вернулись в Новгород в середине августа 1612 г. вместе с послами князя Д.М. Пожарского. В Новом Летописце сообщается, что «послаша к новгородцам с присланными от них Перфирья Секирина»³⁶.

13 августа из Новгорода для их встречи и сбора кормов членам посольства был отправлен по Бельской дороге подъячий Михаил Кудрявцев с наказом: «Ехать до Прилук или где доведетца встретить Послы: Вяжицкого монастыря игумена Геннадия, стольника князя Федора Тимофеевича Черного Оболенского, дворянина Смирного Елизарьевича Отрепьева с товарищи да московского государства <...> посланника

³³ Новый Летописец. С. 121 (Гл. 299. «О послах из Нова города»); См. также: Отписка кн. Д.М. Пожарского и Ярославской Земской думы митрополиту Исидору. [1612 г.] // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической Комиссией. СПб., 1846. Т. 1. № 164. С. 286–290; *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 362.

³⁴ *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // ЧОИДР. 1866. Кн. III. Отд. IV. С. 308.

³⁵ *Скрынников Р.Г.* Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М., 1981. С. 253: «Новгородские власти прислали в Ярославль полномочных представителей во главе с князем Федором Оболенским и дядей первого самозванца Смирным Отрепьевым».

³⁶ Новый летописец. С. 121.

Перфирья Ивановича Секерина с товарищи»³⁷. В письме Я. Делагарди королю от 23 августа 1612 г. говорится, что новгородцы и ярославские послы уже прибыли в Новгород³⁸. В другом документе, опубликованном К.И. Якубовым, сообщается о сборах денег с дворцовых сел («с выти по полтине») для ярославских посланников П.И. Секирина «с товарищи, которые приехали в Великий Новгород с князем Федором Оболенским да с Смирным Отрепьевым»³⁹. Послы привезли ответ из Ярославля, из которого следует, что у Собора и князя Д.М. Пожарского было серьезное намерение избрать в цари Карла Филиппа.

После возвращения из Ярославля вся деятельность Смирного Отрепьева была связана со Старой Руссой. Сведения об этом периоде его биографии содержатся во многих документах Новгородского архива. Источников с московской стороны значительно меньше. Исследователям была давно известна грамота царя Михаила Романова, адресованная первому воеводе Старой Руссы Я.М. Боборыкину, об отписке всех поместий уезда в Дворцовый приказ (впервые опубликована в 1836 г.)⁴⁰.

На этот источник часто ссылались исследователи истории солеварения в Старой Руссе, краеведы. Однако лишь Г.А. Замятин обратил внимание на тех людей, которые служили шведам в период оккупации Новгорода и получали за это земельные пожалования. Историк писал: «При шведах началось расхищение в Старорусском уезде дворцовых земель и черных волостей. Я. Делагарди роздал в поместья земли: в Чертицком погосте Третьяку Якушкину, князю Федору Оболенскому, Смирному Отрепьеву; в Петровском погосте Анце Брякилёву, Угриму Лупандину, Богдану Дубровскому, Григорию Негановскому, дьяку Пяттому Григорьеву; боярину И.Н. Одоевскому пожалован был весь Славинский погост. Только после заключения Столбовского мира последо-

³⁷ Грамота бояр и воевод подьячему Михаилу Кудрявцеву ехать по Бельской дороге для встречи послов Новгородского государства, возвращающихся из Ярославля и для сбора кормов для послов. 1612. 13.08 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 69–70.

³⁸ Донесение Я. Делагарди королю Густаву Адольфу. 1613. 23.8 // Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / Пер. А.В. Полторацкого // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. V. С. 15.

³⁹ Якубов К.И. Русские рукописи Стокгольмского Государственного архива // ЧОИДР. 1890. Кн. 4 (155). С. 49.

⁴⁰ Царская грамота Старорусскому воеводе Боборыкину по челобитной Старорусских посадских людей об отобрании от дворян и детей боярских розданных им дворцовых сел и черных волостей. 1617, июля 11 // ААЭ. Т. 3. № 91. С. 124–125. См. также: РИБ. СПб., 1878. Т. 5 (Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706). № 4. Стб. 10–13; РИБ. Т. 35 (Архив П.М. Строева). СПб., 1917. № 276. Стб. 447–450.

вал 11 июля 1617 г. царский указ – отписать все, розданные при шведах, имения снова на имя царя»⁴¹.

Г.А. Замятин не работал с документами Новгородского оккупационного архива. Они были ему знакомы только по конспективным публикациям К. Якубова. Благодаря трудам К.И. Якубова, А.А. Селина и Е.И. Кобзаревой можно выяснить отдельные страницы биографии Смирного Отрепьева, когда он был вторым воеводой в Старой Руссе с осени 1612 до лета 1613 г.

Посольская служба Смирного Отрепьева в Ярославле была высоко оценена Новгородским правительством Делагарди-Одоевского. 3 сентября 1612 г., приблизительно через две недели после возвращения в Новгород, новгородское правительство пожаловало дополнительными земельными владениями князя Ф.Т. Черново-Оболенского и С.Е. Отрепьева за ведение переговоров с князем Д.М. Пожарским: «Сентября в 3 день дана отдельная грамота кн. Федору Оболенскому да Смирному Отрепьеву на старорусское поместье в Чертицком погосте, что осталось за отделом у Ивана Якушкина, да в Ляцком погосте в селе Боброве»⁴². В другом документе уточняется, какие деревни получил Смирной Отрепьев: «В том же Чертицком погосте Смирновское поместье Отрепьева Крекша Большая, Бологижа, Петрово»⁴³.

Смирной Отрепьев и князь Федор Тимофеевич Черново-Оболенский получили поместья 265 четей в Старорусском уезде (каждый – по 132,5 чети). Это были дворцовые земли в Чертицком погосте, расположенные между Старой Руссой и Взводом. С учетом этих дополнительных пожалований осенью 1612 г. С. Отрепьев имел уже 371 чети⁴⁴.

Сохранилась челобитная Смирного Отрепьева Федора Оболенского и Ивана Якушкина боярам, в которой они просили уменьшить непомерно большой обежной оклад в их поместьях в Старорусском уезде (у них было в тягле 10 обож). Обжа – мера пахотной площади и одновременно единица налогообложения. Смирной Отрепьев «с товарищи» жаловались, что у них на обжу положили по 10–12 мужиков, тогда как у других

⁴¹ Замятин Г.А. «К Российскому царствию пристоят». Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами, в 1613–1614 гг. / Сост. А.Н. Одинокоев, Я.Н. Рабинович / Под ред. Г.М. Коваленко. Великий Новгород, 2012. С. 129.

⁴² Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Водской, Шелонской и Деревской. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:100. С. 4–5.

⁴³ Дозорная книга Старорусского уезда дозору Григория Никитича Муравьева да подьячего Семейки Шустова. 1615, март // RA, NOA. Serie I: 7. Л. 71–72.

⁴⁴ Кобзарева Е.И. Указ. соч. С. 197.

помещиков – в два три раза больше (по 25–30 мужиков). Соответственно, им приходилось платить гораздо больше налогов⁴⁵.

С поместий Отрепьева и Оболенского было приказано никаких податей в Дворцовый приказ не взимать. До этого Филон Аничков отписал хлеб с их поместий на государя. По челобитной Отрепьева и Оболенского «для их разорения» этот хлеб было указано им выдать обратно⁴⁶.

Вместе со Смирным Отрепьевым в Старую Руссу вернулся еще один участник переговоров в Ярославле, Лука Милославский, которому было поручено собирать в этом уезде денежные доходы по новому дозору Филона Аничкова⁴⁷. Прибыв в город 4 сентября 1612 г., Лука Милославский сразу же вступил в конфликт с воеводой князем Андреем Шаховским и подъячим Федором Витовтовым, обвиняя их в недостаточном усердии в сборе государственных доходов. Результатом доноса Милославского было указание Якоба Делагарди взыскать с воевод города недостающие 40 рублей⁴⁸. Кроме того, один из руководителей посольства в Ярославль, Смирной Елизарьевич Отрепьев, был назначен в конце октября 1612 г. вторым воеводой в Старую Руссу, товарищем к князю Андрею Шаховскому⁴⁹.

По-видимому, отношения между Смирным Отрепьевым, «дружком» Луки Милославского, и первым воеводой Андреем Шаховским складывались непросто. Фактически, Смирной Отрепьев выступал в качестве контролирующего органа.

К.И. Якубов приводит интересный документ: «Июля в 22 день. По отписке из Старые Русы воевод князя Ондreja Шеховского да Смирного Отрепьева да подячего Федора Витовтова, что они доправили на жалованье и на корм немецким ратным людем в зачет в денежные доходы с обеж вперед на 122 год сто рублев. Взято с обжи по рублю. Платил

⁴⁵ См.: Челобитная Федора Витовтова, Андрея Шаховского о том, переписывать ли им заново поместья Ивана Якушкина, Смирного Отрепьева и князя Федора Черного Оболенского // RA, NOA. Serie 2:51. Л. 81.

⁴⁶ Память дьяку П. Григорьеву о том, что 265 ч. в Старорусском уезде, что осталось за дачей у Ивана Якушкина дано по половинам Смирному Отрепьеву и кн. Федору Оболенскому и о невзимании с этих поместий в Дворцовый приказ никаких податей. 2.09.1612 // RA, NOA. Serie 2:349. Л. 51; Челобитная боярам и воеводам С. Отрепьева и кн. Ф. Оболенского... // RA, NOA. Serie 2:349. Л. 59.

⁴⁷ Грамота бояр и воевод Луке Милославскому и подъячему Григорию Нечаеву ехать в Старорусский уезд // RA, NOA. Serie 2:349. Л. 61–62.

⁴⁸ Отписка старорусских воевод Якову Делагарди. 1612, 4–5 сентября // RA, NOA. Serie 2:349. Л. 73–74

⁴⁹ Грамота бояр и воевод о посылке в Руссу вторым воеводой С.Е. Отрепьева. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:349. Л. 114–117; Отписка П. Григорьева в Руссу о назначении 28.10.1612 г. в товарищи к кн. Шаховскому воеводу Смирного Елизарьевича Отрепьева и о заботах новых воевод совместно о Старорусских и околорусских жителях // RA, NOA. Serie 2:349. Л. 64

деньги Гаврила Карцов да целовальник Нечайко Лаврентьев»⁵⁰. Таким образом, в июле 1613 г. Смирной Отрепьев находился еще в Старой Руссе и собирал налоги вперед на следующий год.

Возмущенное сбором налогов население Старорусского уезда поднялось на восстание против шведов. В это время в Москве произошло венчание на царство Михаила Романова (11 июля), которого признали уже многие города страны. Кандидатура Михаила Романова находила все новых сторонников и в Новгородской земле.

По мнению Г.А. Замятина, движение против шведов у Старой Руссы было поднято сторонниками Москвы по собственному почину. О том, кто мог вначале возглавить сопротивление шведам и новгородцам в Старой Руссе, можно строить различные предположения. Как писал Г.А. Замятин, «широкие массы населения Старорусского уезда страдали от непомерных поборов и бесчинств шведов оккупантов и новых землевладельцев; крестьянам ничего другого не оставалось, как бежать в другие места, либо браться за оружие»⁵¹.

Среди недовольных был второй воевода Старой Руссы Смирной Елизарьев Отрепьев (один из новых помещиков Старорусского уезда). В начале 1613 г. Смирной Отрепьев договорился со Спасо-Преображенским монастырем, чтобы взять займы на семена 50 четей ржи. Вернуть этот долг он был должен после сбора урожая. Так как зерно находилось в Новгороде, то бояре разрешили воеводе взять эту рожь из государевых житниц в Старой Руссе⁵². Из отписок сборщика кормов Петра Ногина видно, что урожай 1613 г. в Старорусском уезде новгородские власти собрать и вывезти не сумели. Смирной Отрепьев оказался неоплатным должником, его поместья были разорены.

Конечно, это не стало основной причиной его перехода на сторону Москвы. Были, на наш взгляд, более глубокие причины, среди которых – неприбытие шведского королевича в Новгород, его отказ перейти в православную веру, венчание на царство Михаила Романова, восстание в Тихвинском монастыре, грамоты московских воевод, отсутствие у С. Отрепьева прочных корней в Новгороде и наоборот – его связи в Москве, конфликты с первым воеводой Старой Руссы князем Андреем Шаховским. Не стоит упускать из виду и угрозу жизни со стороны москвичей и восставших крестьян. Трудно сказать, какая связь существовала

⁵⁰ Якубов К.И. Русские рукописи... // ЧОИДР. 1890. Кн. 4 (155). С. 51–52.

⁵¹ Замятин Г.А. Очерки... Борьба за Старую Руссу.

⁵² Роспись выдельного на государя хлеба со Старорусского уезда, сеянного на 120 г. и 120-го году ярового по дозору Луки Милославского, книгам Филона Оничкова с товарищи, Другини Съянова и подьячего Федота Кожарина и Мелентия Вараксина с товарищи, и что какого государева хлеба осталось в Старой Русе в государевых житницах. 1613. 11.08 // RA, NOA. Serie 2: 28. Л. 42.

между Смирным Отрепьевым и руководителем московского войска под Старой Руссой Андреем Федоровичем Палицыным, который в дальнейшем настойчиво пытался вызволить из плена семью Смирного Отрепьева. В итоге уже летом – осенью 1613 г. вскоре после отправки известной отписки в Новгород от 22 июля 1613 г., Смирной Отрепьев, оставив жену в Старой Руссе, перешел на сторону Москвы. В Новгороде его считали изменником. Позже старорусский рассыльщик Петр Бобровский в своей челобитной отмечал, что «Смирной Отрепьев сеял насильно рож на его пашне, а ему рож сеять не давал, стремясь завладеть его помещьем. И тебе, государю, тот Смирной Отрепьев изменил, отъехал к вором»⁵³.

Несмотря на измену С. Отрепьева, новгородские власти в дальнейшем проявляли заботу о его жене, снабжая ее продовольствием. В августе 1614 г. последовало распоряжение из Новгорода «Олексею Аврамовичу Колычеву да подьячему Поснику Кувшинову... дати из старорусского ис пустошного и из выморочного хлеба Смирново жене Отрепьева для бедности ж шесть чети ржи»⁵⁴.

Известно, что в марте 1614 г. московский воевода Рамышевского острога Андрей Палицын вел переговоры со шведским военачальником Лоренцом Вагнером об обмене Агафьи Отрепьевой на двух пленных шведов – Рентебахера и Флемина, но обмен не состоялся. Об обмене Агафьи Отрепьевой и ее слуг весной 1615 г. вновь велись переговоры между москвичами и шведами на реке Яуне. С московской стороны эти переговоры возглавлял С.Г. Коробьин. В списке пленников были перечислены «Смирново жена Отрепьева Огафья, а у ней людей Копоско з женою з Дарьицею да с сыном с Фарафонком да жонка Оксиньца»⁵⁵.

Переход Смирного Отрепьева на сторону Москвы очень обрадовал молодого царя Михаила Романова. Для царя в это время главным врагом был Иван Заруцкий (точнее – трехлетний мальчик Иван Дмитриевич, сын Марины Мнишек и второго самозванца, который вместе с атаманом Заруцким и Мариной находился в это время в мятежной Астрахани). Присутствие Смирного Отрепьева в стане сторонников Михаила Романова подчеркивало нелегитимность царицы Марины и ее сына. Со своей

⁵³ Дело по челобитью старорусского рассыльщика Петра Корповского о своем поместье. 1614. 3.08 // RA, NOA. Serie 2: 77. Л. 1–2.

⁵⁴ Память А.А. Колычеву о даче кн. А.К. Шаховскому, жене С. Отрепьева и подьячему Ф. Витовтову хлеба из выморочных поместий. 1614. 2.08 // RA, NOA. Serie 2: 289. Л. 17.

⁵⁵ Грамота старорусского воеводы Лоренца Вагнера воеводе Рамышевского острога Федору Левашеву. 1614, между 27 и 31 марта // Российски государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 96, 1614. Д. 1. Л. 51-51а об.; Список с полоняничные росписи руским людем слово в слово, какову дали на съезде неметцкие посланные Чесному Корцову с товарищи // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3, Л. 101–106. Благодарю А.А. Селина за предоставленные копии документов РГАДА.

стороны, Смирной Отрепьев передал царю Михаилу подарки, полученные им от короля Карла IX во время пребывания в Швеции. Некоторые из них сохранились до настоящего времени. В Ипатьевском монастыре находится древняя икона Троицы, которая была передана монастырю царем Михаилом 14 февраля 1616 г. Оклад иконы в настоящее время хранится в Оружейной палате Московского Кремля. Среди драгоценностей оклада имеются три золотые шведские монеты весом в 7 червонцев («семикратные золотые»). В Стокгольмском архиве сохранилась книга о шведских дипломатических подарках, среди которых упоминаются такие монеты⁵⁶.

О доверии правительства Михаила Романова к Смирному Отрепьеву свидетельствует тот факт, что уже в конце 1613 г. он был назначен воеводой Можайска (где он и умер в 1614 г.). Он участвовал в составлении дозорных книг города Можайска. От 25 марта 1614 г. известен «список с дозорной книги посадских слобод города Можайска письма и меры Смирного Елизарьевича Отрепьева». В Разрядной книге за 122 год (1613/1614 г.) сохранилась запись: «В Можайску Смирной Елизарьев сын Отрепьев, и Смирной умер, на его место велено быть в Можайску воеводе Ивану Ондрееву сыну Замытцкому»⁵⁷. О «последней службе Смирного Отрепьева на воеводстве в Можайске» пишет современный исследователь В.Н. Козляков, который выделяет также другие этапы биографии нашего героя⁵⁸.

В заключение очерка хотелось бы ответить на вопрос о том, почему мы не встречаем фамилии Отрепьевых в источниках с конца XVII века. Первое время при Михаиле Романове Отрепьевы особенно не страдали. Да, один из их родственников незаконно занял российский престол и способствовал гибели Бориса Годунова, злейшего врага Романовых. Но патриарху Филарету на Григория Отрепьева, который вызволил его из ссылки и сделал ростовским митрополитом, обижаться не приходилось. В 1620-е – 1630-е годы известно даже о поминаниях в Макарьевском Унженском монастыре убиенного Григория Отрепьева. Со второй половины XVII в. положение изменилось. Род Отрепьевых к тому времени не пресекался и был довольно разветвленным. В период восстания Степана

⁵⁶ Благодарю заведующего отделом нумизматики и археологии музея-заповедника «Московский кремль» Сергея Викторовича Зверева за предоставленную информацию.

⁵⁷ Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 293; Барсуков А. Списки городовых воевод и др. лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 139; Можайские акты 1506–1775 / Сообщил архим. Лужецкого мон. Дионисий. СПб., 1892. С. 70; *Сторожев В.Н.* Родословная Нелидовых-Отрепьевых. С. 147.

⁵⁸ *Козляков В.Н.* Лжедмитрий I. С. 235.

Разина многие представители рода Отрепьевых (смоляне и галичане – всего перечислены 13 человек) «били челом» царю Алексею Михайловичу, чтобы царь дал им другую фамилию. Отрепьевы жаловались, что они «от всех людей принимают понос и укоризно больше 60 лет внапрасне за их прозвище для воровства разстриги Гришки Отрепьева». В своей челобитной они указывали, что «прежде их сродники писались Фарисеевыми, а их однородцы – Нелидовыми. А ныне без государева указа они прежним прозвищем писаться не смеют». Челобитчики просили, чтобы царь велел им писаться иным прозвищем, «чтоб воровское Гришки Отрепьева разстриги проклятое имя в народе российского государства и прозвища впредь не вспоминалось». 9 мая 1671 г. последовал указ царя Алексея Михайловича, чтобы «Отрепьевым впредь писаться Нелидовыми»⁵⁹. Портретом одной из представительниц Отрепьевых-Нелидовых – Екатерины Ивановны Нелидовой кисти Д.Г. Левицкого (1773) мы можем любоваться и сегодня в Русском музее в Санкт Петербурге.

⁵⁹ *Сторожев В.Н.* Родословная Нелидовых-Отрепьевых. С. 151.

Л.П.Лантева

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ КАК СОЗДАТЕЛЬ МИФОВ И ЛЕГЕНД

*Памяти чешского историка
Честмира Аморта*

2012 год ознаменовался в жизни нашей страны значительным числом культурных мероприятий и памятных дат, имеющих большое образовательное и воспитательное значение. Среди этих дат важное место занимают события войны 1812 г., когда русская армия и народ России одержали победу над армией Наполеона Бонапарта, вторгшейся в пределы нашей Родины с огромной силой, наварбованной почти из всех народов Европы. Спустя 200 лет это эпохальное событие российской истории было достойно помянуто. На историческом Бородинском поле, о событиях на котором знает каждый, кто учился в школе и читал стихотворение М.Ю. Лермонтова, участники исторических клубов России и других стран показали «великолепное сражение». Они же представили и битву под Малоярославцем. В новом блеске предстал музей «Бородинская панорама» в Москве, исторические памятные мероприятия проходили на Поклонной горе и т.д. Открылся новый музей Отечественной войны 1812 года. Кинематографисты создали ряд интересных фильмов, в газетах печатались материалы о том, как все русские люди в 1812 г. – крестьяне и духовенство, интеллигенция и офицеры, купцы и ремесленники, аристократы и простые люди составили ополчение в 26 тысяч человек и были готовы положить свои жизни за «матушку Москву».

В ополчение пошли и поэт В.А. Жуковский, и С.Н. Глинка, и И.М. Карамзин, и князь П.А. Вяземский, другие известные деятели культуры. В рядах регулярной армии сражались поэт Константин Батюшков, раненый в битве при Аустерлице, Сергей Марин, скончавшийся от аустерлицкой пули в 1813 г., знаменитый Денис Давыдов и Федор Глинка, профессор Андрей Кайсаров, граф М.Д. Мамонов и т.д., не говоря уже о декабристах, т.е. весь цвет русской культуры первой четверти XIX в. Наши героические предки получили в печати, в средствах массовой информации достойную оценку и благодарную память.

Как обычно, в юбилейное время появляется новая научная и популярная литература, и на этот раз Отечественная война 1812 г. освещена в большом числе изданий разных жанров, начиная от серьезных монографий до газетных статей. В научных исследованиях приводится много нового материала, уточняются события, роль действующих лиц, значе-

ние отдельных фактов. По-новому оцениваются многие явления и процессы европейской и российской истории конца XVIII – первой четверти XIX в. Но вместе с тем повторяются мифы, легенды, созданные как в период памятных событий, так и после них. Некоторые мифы живут до настоящего времени, как бы историки их ни опровергали. Одним из творцов таких мифов был сам Наполеон Бонапарт.

В 1963 г. во время поездки в Чехословакию для работы в архивах автору этих строк посчастливилось посетить место сражения армии Наполеона Бонапарта с войсками русско-австрийской коалиции в 1805 г. у Славкова, в Моравии, более известного в литературе как Аустерлиц.

Сопровождавший меня профессор Карлова университета Й. Полишенский – крупнейший чешский историк XX в., специалист по истории Восточной Европы, автор многих книг, в том числе монографии «Наполеон и сердце Европы»¹, прочитал мне увлекательную лекцию о грандиозном сражении, обратив особое внимание на то, что документы, сохранившиеся в архивах населенных пунктов, жители которых были свидетелями событий и зафиксировали их в разных формах, по своему содержанию в корне расходятся с официальными сведениями. В частности, во французских официальных донесениях с театра военных действий, газетах и др. источниках утверждалось, что в битве под Аустерлицем русская армия численностью в 20 тыс. человек была потоплена в двух моравских прудах. Между тем материалы, сохранившиеся в моравских архивах, однозначно показывают, что никакого массового «утопления» русских войск в моравских прудах во время сражения не было и быть не могло.

Однако версия об «утоплении» укрепилась в исторической литературе, не только во французской, но и в историографии других стран. Так, ее развивают в своих сочинениях французские историки Тьерри и Дюма². Она фигурирует в работе английского исследователя Д. Роуза³. Мнение о гибели русской армии в моравских прудах под огнем французской артиллерии, пересказывают и русские историки, в том числе и советского периода. Так, в книге Е.В. Тарле «Наполеон»⁴, впервые изданной в 1951 г., автор мастерски изображает «кровавую битву», одну из самых грандиозных во всемирной истории, одну «из самых поразительных в наполеоновской эпопее». «Не погибла бы русская армия так страшно, – пишет Е.В. Тарле, – если бы русские генералы не попали в ту ловушку, которую измыслил и осуществил Наполеон <...> Он прижал русских к линии полузамерзших прудов. В прудах потонули или были

¹ *Polišenský J.* Napoleon a srdce Evropy. Praha, 1971.

² *Thiers A.* Histoire de la Consulat et de l'Empire. T. VI. 1847. P. 253; *Dumas M.* Précis des événements militaires. Paris. 1821. T.XIII. P. 306.

³ *Rose J.H.* The life of Napoleon. London, 1922. Vol. I. P. 50.

⁴ *Тарле Е.В.* Наполеон. М., 1957.

уничтожены французской картечью целые полки, другие сдались в плен. Русские кавалергарды были истреблены почти полностью еще в разгар битвы». По мнению автора книги, русские генералы были полными невеждами в военном деле (кроме Кутузова). По причине их бездарности несколько «тысяч были брошены к прудам и здесь потонули, так как Наполеон, заметив это движение, приказал бить ядрами в лед»⁵. «Император Франц и Александр бежали с поля битвы еще задолго до окончательной катастрофы, – пишет далее автор. Их свита бежала врассыпную, бросив обоих монархов по дороге... Короткий зимний день склонялся к вечеру, солнце, ярко светившее весь день, зашло⁶, а Александр и Франц (т.е. австрийский император – Л.Л.) в темноте спасались от плена... Александр дрожал, как в лихорадке, и плакал, потеряв самообладание»⁷. А плакал ли Наполеон, когда наблюдал из Кремля горящую Москву и понял, что проиграл войну или когда во время битвы на Березине бежал, бросив свою армию? – этого Е.В. Тарле не видел, а французские источники, которыми пользовался автор книги, об этом умалчивают.

Картина об «утоплении» русских войск в прудах Моравии проникла и в советские школьные учебники истории. В одном из них сказано, что Наполеон разбил австрийцев, загнал русские войска на замерзшие пруды и приказал стрелять по льду из пушек, в результате чего лед проломился и «великое множество русских войск утонуло в ледяной воде»⁸. Автором же этих сведений был сам главнокомандующий французской армией Наполеон Бонапарт. На следующий день после битвы, 3 декабря 1805 г., он издал приказ, который читался во всех частях французской армии. В приказе говорилось: «Солдаты, я доволен Вами: в день Аустерлица вы осуществили все, чего я ждал от вашей храбрости... Армия в 100 тысяч человек под начальством русского и австрийского императоров меньше чем в четыре часа была разрезана и рассеяна. Те, которым удалось ускользнуть от вашего оружия, потоплены в озерах»⁹. Эти же сведения распространял адъютант Наполеона Марселин де Марбо, который писал о том, что будто бы сам видел, как 500 или 600 русских провалились под лед вместе с конями, пушками и повозками¹⁰. Аналогичные описания имеются и в мемуарах французского полковника Серюзье, утверждав-

⁵ Тарле Е.В. Наполеон. С. 155.

⁶ Другие авторы указывают, что в день битвы стояла декабрьская мгла.

⁷ Тарле Е.В. Наполеон. С. 155.

⁸ Ефимов А.В. Новая история. 1789–1870. М., 1953.

⁹ Тарле Е.В. С. 155. См. Также: *Corespondance de Napoleon*. Т. XI. № 9537. Р. 539–540. Дальнейшее изложение материала настоящей статьи основывается на данных чехословацкого историка Ч. Аморта (1922–2012), автора монографии о действиях русских войск на территории Чехии в период походов Суворова и Кутузова, а также других работ, в том числе исследования «Битва у Славкова».

¹⁰ *Memorien des französichen Generals Marcellin der Marbot*. 1899. Bd. I. S. 224.

шего, что по приказу Наполеона одно из тяжелых орудий было нацелено на лед и разбивало его, а позднее к нему присоединились другие французские батареи. «В короткое время мы похоронили несколько тысяч русских и австрийцев в пучине пруда»¹¹, – писал Серюзе. Ему вторит другой адъютант Наполеона, Сегюр: «...тысячи русских вступили на лед, покрывавший зеркало пруда. Вдруг мы увидели, как это белое зеркало стало темным от густых толп, отважившихся вступить на роковую дорогу, проваливавшуюся под ударами наших безжалостных ядер. Наблюдавший за этим император воскликнул: «Это Абукир!»¹².

Искаженные сведения Наполеон распространял для того, чтобы увеличив потери русских войск, усилить впечатление от своей победы. По мнению некоторых историков, битва под Аустерлицем была вершиной военной славы Наполеона. Два года спустя Наполеон должен был воевать с повстанцами в Испании, позднее в Тироле, в 1812 г. Великая армия Наполеона была разгромлена в России, а в 1813 г. против него выступила вся Европа. Таким образом – писал Й.Полишенский, – «Славков означал одновременно и вершину славы Наполеона, и начало его падения». Битва у Аустерлица нашла отражение в творчестве великих мастеров пера, таких как Бальзак, Стендаль, Дюма, Мюссе, Гейне и др. Высказывания Наполеона вошли в исторические сочинения, авторы которых некритически использовали французские источники.

Однако была и другая точка зрения. Уже современники относились с недоверием к сведениям французов. Так, австрийская газета «*Pressburger Zeitung*» писала, что «никто не смог бы утонуть во время Аустерлицкого сражения, даже если бы попытался сделать это умышленно».

Большое число тел погибших на поле боя могло вызвать эпидемию, которая угрожала охватить и французскую армию, и Наполеон приказал в период с 8 по 16 декабря спустить Зачанский пруд и установить количество утонувших русских¹³. После выполнения приказа Наполеона, вы-

¹¹ Цит. по кн.: *Slovak A.* Bitva u Slavkova. 1935. S. 89.

¹² *Ségur Ph.* Un Aide de Camp de Napoléon. Paris, 1894. P. 288. Наполеон Бонапарт имел в виду сражение 1–2.8.1798 г. у мыса Абукир (Египет) между французскими и английскими флотами, в котором последний одержал победу меньшими силами благодаря применению новой тактики и лучшей подготовке личного состава. Поражение французского флота лишило армию коммуникаций, связывавших ее с Францией, и стало одной из причин неудачи Египетской экспедиции Наполеона в 1798–1801 гг. По-видимому, такое значение для антифранцузской коалиции Наполеон придавал своей победе при Аустерлице.

¹³ В литературе, особенно французской, Зачанский пруд называется озером. В действительности это было искусственное сооружение для разведения рыбы (почешки – рыбник), которое можно было пополнять водой и спускать ее в интересах рыбоводства. Озеро, как известно, соответствующих приспособлений не имеет, и не могло быть спущено. Между прочим, в Военно-энциклопедическом словаре

яснилось, что на дне пруда найдено вместо предполагавшихся нескольких тысяч только три трупа русских солдат, да и эти солдаты не утонули, а были убиты пулями. Как свидетельствуют обнаруженные архивные документы, управляющий Хрилицкого поместья Ф. Бутрманн в официальном донесении от 29 декабря 1805 г. писал, что жители деревень Зачаны, Тршебомыслице, Уезд и Штернов получили приказ после спуска Зачанского пруда обследовать дно и камыши. В результате обследования «из Зачанского пруда вытащили 133 конских трупа; жители деревень Зачаны, Тршебомыслице и Рахманов уже зарыли часть трупов; жители деревни Несвачилка зарыли семь конских трупов, а 10 еще лежат на берегу. Жители других деревень роют ямы. В пруду остается еще 27 конских трупов... На дне пруда обнаружено только два трупа русских солдат»¹⁴. Подобные данные приводит и местный хронист из Тельнице: «Русские бросили в названном пруду в камышах 250 коней и много возов. Было найдено только три убитых русских солдата, но ни один из них не был утопленником. Пруд был замерзший. Когда возы попали в камыши, то застряли в них, но как уже сказано, из солдат – вопреки французским сообщениям – не утонул ни один»¹⁵.

Другой источник сообщает: «У сокольницкого амбара было взято в плен 8 000 русских; остальные бежали к полузамерзшему Зачанскому пруду, потеряли в нем много имущества и пушек; но сами повернули через лощину и виноградники к Менину»¹⁶. Донесения из Хрилицкого поместья подтверждают, что «Зачанский пруд с 8 по 16 декабря был спущен, и целых 8 дней из него доставали лошадей и пушки, но человеческих трупов обнаружено не было»¹⁷. Население окрестных деревень, как утверждали донесения, день и ночь толпилось около пруда, и многие жители доставали из него различные предметы¹⁸. Еще в одном документе того времени сообщается, что на льду Зачанского пруда после битвы остался «один умирающий егерь... и один казак. Оба были похоронены у пруда». Кроме них, в «названном пруду ни один солдат найден не был – ни русский, ни императорский (т.е. австрийский), ни неприятельский»¹⁹. Вторым прудом, где французы якобы потопили 20 тысяч русских солдат, был Менинский, расположенный на территории Жедлоховицкого поме-

(М., 1983) на схеме битвы под Аустерлицем «рыбник» Зачан обозначен как озеро. Очевидно, автор статьи отдал дань установившейся традиции.

¹⁴ Okresni archive v Kroměříži, fond: Statek v Chrlicich. 1805, 29. XII.

¹⁵ Archiv římskokatolickeho úřadu v Telnici. Protokollum domes ticum, 19 prosince 1805.

¹⁶ Archiv římskokatolickeho farniho úřadu v Měnině. Pametni kniha, 19 prosince 1805.

¹⁷ Okresni archive v Kroměříži, fond: Statek v Chrlicich. 1805, 22. XII.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Okresni archive v Kroměříži, fond: Statek v Chrlicich. 1806, 27. III.

стья. Местный хронист пишет по этому поводу следующее: «Бесстыдной, ни с чем не сравнимой ложью является французский бюллетень о битве у Славкова; в нем говорится, что в Менинских озерах и болотах во время бегства погибло более 20 тыс. русских. Это неправда: прежде всего, у Менина нет ни болот, ни озер, есть только искусственные пруды. Во-вторых, через пруд никто не бежал, потому что лед был слишком тонок. Кроме того, путь отступления между двумя прудами (Зачанским и Менинским) был совершенно свободен. Через три дня после битвы служащий Жедлоховицкой канцелярии Гейсслер был послан с людьми в Менин, чтобы похоронить там убитых. Как он сам мне сказал, он обнаружил лишь пять убитых, которых и приказал похоронить. Много трупов лежало у Тельнице и Сокольниц, но это уже вне территории Менинского поместья. В деревне Менин людей не было, оставался только трактирщик. От него Гейсслер узнал, что в камышах у пруда спрятались 73 русских. Сын трактирщика провел их к своим. Следов пробитого льда обнаружено не было. Позднее пруд был спущен и многие тысячи свидетелей смогли узнать правду. Не только двадцати тысяч русских, но ни единого человека или коня не было найдено на дне пруда, как не оказалось обнаруженным ни одного колеса или других частей повозок или двуколок, что и доказывает насколько изолгался французский бюллетень»²⁰.

К версии о множестве утонувших русских солдат относились скептически и некоторые военные специалисты и историки. Например, Бернгард фон Бюлов в одной из своих книг иронизировал по поводу французских сообщений «о массовой гибели русских в прудах»²¹.

В первой половине XX в. на основании изучения архивных документов против этой легенды выступили чехословацкие историки. Первым решительно опроверг домыслы французов на основании документов историк Алоиз Словак. Одну из глав своей книги «Битва у Славкова» он так и назвал «Легенды о погибших в Зачанском и Менинском прудах»²². Имеются указания на этот факт и в статье «Битва у Славкова» К.Вондрачека²³, а также в работе Л. Госака²⁴.

Дополнительные архивные материалы были обнаружены во второй половине XX века. Так, Б. Шинделарж, в рецензии на книгу Е.В. Тарле в 1951 г.²⁵ доказывает несостоятельность утверждения французов, ссы-

²⁰ *Eder*. Chronik der Orte Sulowitz und Pohrlitz. S. 123–124.

²¹ *Bülow B. von*. Der Feldzug von 1805 militärisch und politisch beleuchtet. 1806. Bd. II. S. 44.

²² *Slovak A*. Bitva u Slavkova. 1935. S. 88–100.

²³ *Vondráček K*. Bitva u Slavkova // Napoleon. Praha, 1932. S. 181.

²⁴ *Hosák L*. Historicky mistopis země Moravskosleské. Praha; Brno, 1938. S. 302–303.

²⁵ *Šindelař B*. Rec. ad op.: *Tarle J.V.* Napoleon // Časopis Matice Moravské. Řöc. LXX (1951). S. 499–502. См. также: *Лантева Л.П.* Правда о катастрофе на моравских прудах в Аустерлицком сражении // Вопросы истории. 1964. № 12. С. 203–206.

лаясь на работу А.Словака и дополнительные источники. Чехословацкий историк Честмир Аморт, автор монографии о пребывании русских войск на территории Чехии в период войн против наполеоновской Франции²⁶, на основании архивных документов опровергает выдумку французского полководца о том, что русская армия в битве у Славкова утонула в моравских прудах. В 1971 г. вышла упомянутая выше книга «Наполеон и сердце Европы» Й. Полишенского – чешского историка, широко известного своими трудами в Германии, Англии, Франции, США (среди обширной библиографии его трудов имеется немало сочинений на английском, французском и немецком языках как переведенных с чешского, так и оригинальных). В указанной книге автор не только описывает ход битвы под Аустерлицем, но подробно анализирует предшествующие ей обстоятельства и конечный результат, опираясь на данные многочисленных источников, хранящихся в архиве Министерства внутренних дел и других чехословацких архивах. Анализ Й. Полишенским событий и обстоятельств, связанных с отношением Наполеона Бонапарта и странами Центральной Европы приводит автора к выводу, что историческое освещение этого сюжета представляет собой сочетание действительности и легенд.

Одним из творцов легенд был сам Наполеон Бонапарт. При этом склонность французского императора к мифотворчеству объясняется отнюдь не романтическим настроением (о чем нередко пишут в сочинениях об этой эпохе), а политическим расчетом. Преувеличение значения военных побед, замалчивание неудач, трудностей и просчетов в стратегии и тактике представляло собой настоящую информационную войну, направленную на дезинформацию противника и на создание выгодной ему политической атмосферы в современном европейском обществе.

Разумеется, такую атмосферу создавал не один Наполеон Бонапарт. Каждое его слово, высказанное публично или в кругу приближенных, распространялось в газетах, обрастало подробностями и слухами, тем более что полководец имел обыкновение обращаться к своим солдатам не только через приказы, но и лично: объезжал строй оставшихся в живых, заботился о раненых в битвах и погребении погибших. Наполеон Бонапарт постоянно внушал армии, что она не только гордость Франции, каждый ее солдат – герой, который вызывает восхищение всей Европы.

О популярности Наполеона в армии свидетельствует, например, стихотворение Генриха Гейне.

²⁶ См., напр.: *Amort Č. Kutuzov a Napoleon na Moravě. Praha, 1971. S. 77–109.*

Во Францию два гренадера,
Из русского плена брели,
И голову грустно склонивши
Дошли до немецкой земли.

Да, песенка спета, – сказал один.
Уж лучше уснуть навеки,
Но ведь пропадут жена и сын,
Без моей опеки.

Что тебе участь сына, жены?
Есть посерьезней утрата,
Пусть побираются, коль голодны!
В плену мой император!

Коль я умру, соратник мой,
На этой тропинке узкой,
Ты унеси мой труп домой,
Зарой в земле французской.

Лежать там буду как страж со щитом
Внимая природы шепот,
Пока не услышу орудий гром
И конский грохочущий топот.

Проскачут, мечами блестя и звеня,
Сам император со свитой,
Воспряну с мечом из могилы и я,
Чтоб быть ему верной защитой.

(перевод Л.С. Азарх)

Не только в армии был популярен Наполеон. Вся «левая» Европа считала его носителем и выразителем великих прогрессивных идей французской революции. Его личностью восхищалась французская интеллектуальная элита, а также И.В. Гёте, Г.В. Ф. Гегель и др. Л.В. Бетховен посвятил ему симфонию²⁷. Хорошо известны симпатии представителей русской романтической литературы, например, М.Ю. Лермонтова, к французскому гению. Этой героизации способствовали легенды, создававшиеся

²⁷ После того, как Наполеон стал императором, Бетховен отказался от посвящения и назвал свою симфонию «Героическая».

Наполеоном о самом себе. Не все из них опровергнуты, несмотря на удручающее множество литературы о нем.

Очень живучим оказался и миф о гибели русской армии в моравских прудах во время битвы под Аустерлицем в 1805 г. В 1990 г. очередной раз в России была издана книга Е.В. Тарле «Наполеон», где повторяются те же самые байки о тысячах русских утопленников в Зачанском и Менинском моравских рыбниках. Между тем войны Наполеона несли Европе разрушение городов и исчезновение деревень, обнищание населения, эпидемии, утрату художественных и других ценностей, которые подвергались разграблению французской армией и отправлялись во Францию по приказу самого Наполеона Бонапарта. По мнению Й. Полишенского, ко времени войн в Центральной Европе Наполеон отошел от принципов, провозглашенных французской революцией и начал политику сближения с феодальными государями, а битва у Аустерлица стала одновременно и вершиной его славы и началом ее падения²⁸. Войны Наполеона были направлены не на освобождение народов Европы от изжившего себя феодального строя, а на удовлетворение его собственных амбиций, и хотя его деятельность обозначила начало новой эпохи европейской истории, завоевательная политика вызвала протест народов и снизила позитивные результаты, достигнутые французской буржуазной революцией конца XVIII века.

²⁸ *Polišenský J. Napoleon a srdce Evropy. S. 67.*

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

А.Н. Галямичев

УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ ГРАМОТА ГРАДИШТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ СВ. СТЕФАНА В ОЛОМОУЦЕ (3 ФЕВРАЛЯ 1078 г.)

Публикуемая в русском переводе грамота была издана удельным князем Оттоном, правившим в Оломоуце в 1061–1087 гг.

Она представляет собой интересный источник по истории Моравии времен расцвета системы градской организации – самобытной модели средневекового общества и государства, сложившейся в странах Центральной Европы (Чехии, Польше, Венгрии) в XI веке¹.

Своим названием эта модель организации общества обязана градам – укрепленным резиденциям княжеских наместников и их дружин, которые являлись главными жизненными центрами центральноевропейских государств в XI–XII вв. Они представляли собой очаги административного и судебного управления прилежавших к ним территориальных округов, и вместе с тем – центры церковной организации, теснейшим образом связанной в этот период с государственностью. Одним из крупнейших градов Чешского государства, центром одного из удельных княжеств, образованных в 1055 г. на землях Моравии, являлся Оломоуц. В 1063 г. в Оломоуце было основано епископство, не подчинявшееся Праге, что еще более возвысило его статус.

Публикуемая грамота сопровождала основание первого в Моравии монастыря. Решая задачу обеспечения монастыря условиями для существования, князь Оттон и его жена Евфимия щедро наделяют его материальными благами – землями, угодьями, пошлинами, десятинами и т.п. Грамота позволяет составить представление о так называемой служебной организации – составной части градской организации, входившей в

¹ Общую характеристику системы градской организации см.: *Тржештик Д.* Средневековая модель государства периода раннего феодализма // *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей.* М., 1987. С. 124–133.

нее системе поселений несвободных людей, призванных обеспечивать потребности социальных верхов в ремесленных изделиях и услугах. С одной стороны, ее составляли сельские поселения ремесленников и слуг, обязанности которых не требовали постоянного присутствия в граде и позволяли заниматься земледелием для обеспечения собственных потребностей. С другой стороны, в нее входили подградья – постоянные поселения слуг и ремесленных специалистов в непосредственной близости от градов, в постоянном обслуживающем труде которых нуждались их знатные обитатели². Труд несвободного населения подградий, требуя высокой ремесленной квалификации (оружейники, ювелиры и пр.) или постоянного присутствия в граде (повара, пекари, прачки, сторожа и пр.) не оставлял возможности для его совмещения с земледельческими работами, и потому забота о его обеспечении продовольствием ложилась на князя, его наместника, а в данном случае – на получивший в качестве дарения служилых людей монастырь.

Поскольку сама княжеская власть не могла выступить в качестве дарителя по отношению к самой себе, именно грамоты дарения в пользу церковных институтов, к числу которых принадлежит и учредительная грамота Градиштенского монастыря, являются основой представлений о социально-экономической структуре системы градской организации. Градиштенская грамота является одной из самых пространственных и потому является первостепенно важным источником по истории Чехии и Моравии XI века.

Извлечения из грамоты были опубликованы в переводе на русский язык, выполненным Б.Н. Флорей, в «Хрестоматии по истории южных и западных славян» (Минск, 1987. Т. 1. С. 174–175).

Во имя святой и неделимой троицы. Оттон, Божьей милостью то, что он есть (*Otto dei gracia id quod est*). Завет древних мудрецов и обычаи гласят, что если кто-либо пожелает кому-либо пожаловать что-то в наследственную собственность и вознамерится при этом сделать дарение прочным и нерушимым, то он должен доверить это памяти посредством какой-либо грамоты со свидетельством князей, епископов и аббатов, а также всех графов и остальных знатных людей. Считая этот обычай разумным, я, князь Оттон, повелел, чтобы была составлена эта грамота ради памяти и подтверждения как в нынешнее, так и в будущее время.

Итак, мне угодно, чтобы всем христианам, присутствующим, отсутствующим и будущим, было известно, что я ради обретения вечного

² О служебной организации у западных и восточных славян см. подробнее: *Флоря Б.Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // *Отечественная история.* 1992. № 2. С. 56–74.

воздаяния со своей возлюбленной супругой по имени Евфимия³ (Eufemia) с Божьей помощью построил в честь Господа нашего Иисуса Христа и святого первомученика Стефана монастырь (in honore salvatoris nostril domini Jesu Christi et sancti prothomartyris Stephani), который находится близ города Оломоуца (prope urbem Olomuc). Согласно вышеупомянутому обычаю, мы оба также одарили его по мере своих возможностей, я – из собственного имущества, она – из своего приданого полями, пастбищами, лугами, землепашщами, виноградарями, быками, овцами, свиньями, скотом и прочими указанными далее необходимыми вещами. Таковы же названия деревень, которые мы подарили святому Стефану во владение братьев, служащих здесь Богу: первая, которая называется Киселёвицы (Kisselowici), вторая – Рошин (Roschin), третья – Гайчин (Gauchyn), четвертая – в уезде Лаштяны (Ugezd Lasene), границей которого является речка Лоденице (qui terminator rivulo Lodenica). Кроме того, был подарен двор, который называется Усобрно (curia, que vocatur Uzobren) с прилегающими к нему деревнями и со всеми платежами и повинностями, которыми прежде он был обязан своей госпоже. Был подарен также лес, который называется Любохча (silva, que vocatur lubochsa). Была дарована деревня Накло (Nakel) на том условии, чтобы те, кто задумает в ней поселиться, платили налог и десятину блаженному Стефану. Из прочего же, как то: идти на войну по приказу герцога, строить град или мост или выполнять какую-то иную необходимую работу пусть делают то, что прикажет вышеназванный высокородный отец⁴. Были подарены [в деревне] Устин (Ustyn) три пахотных надела (tria aratra), в Стиховицах (Stycowiczi) – один, в Жаровичах (Sarowiczi) – один, в Градчанах (Gradcane), Тешетицах (Tieseticzi), Злобичах (Zlobiczi), Безмирове (Bezmirow), Обедковичах (Obiedkowiczi), Челчицах (Celcziczi) – по одному наделу, в Прусах (Prusi) – два надела, в Сушицах (Sussiczi) – один, в Бунёвицах (Bunoviczi), Любоши (Luboss), Поповицах (Popowiczi), Желеховицах (Zelechowiczi), Жадловицах (Zadlowiczi), Тополянах (Topolaz) – два надела, в Тежальцах (Tesalczi) и Жировицах (Zirowiczi) – один надел, Щенницах (Scennicze), Гневотине (Gnevotine) – один надел, в Грушке (Rusca), Бржезовицах (Wrzesoviczi), Унетицах (Uneticzi), Хомутовичах (Chomutowiczi) – один надел со всеми их обычными платежами и повинностями. Был дарован также каждый шестой денарий из Ольшавы (de Olsava sexuus denarius) и каждый шестой денарий с моста града Бржецлава⁵ (de ponte Bratislaue civitatis sextus denarius), каждый шестой денарий с дороги, которая ведет в Польшу

³ Евфимия Венгерская – правнучка венгерского короля Стефана I Святого.

⁴ Т.е. монастырь.

⁵ Бржецлав – город в Моравии на реке Дые в 50 км к юго-востоку от Брно. Существует до настоящего времени.

[и проходит] через град Градец⁶ (*de via, que ducit ad Poloniam iuxta civitatem Gradecz*) и каждый десятый денарий с монеты⁷ (*et de moneta decimus denarius*). Были подарены также два рыбника, первый из которых называется Выдома (*Wydoma*), а второй – Текалец (*Tekalesz*). Далее из челяди (*de familia*) [были подарены] Суда с сыном (*Suda cum filio*), Тесата (*Tesata*) с сыном, Милей (*Milei*) с сыном, Кржисцен (*Krziscen*) с сыном, Безен с тремя сыновьями (*Bezen cum tribus filiis*), Мирош с братом Остроєм (*Miross cum fratre Ostroi*), два мельника (*duo molentes*), два пекаря (*duo pistores*), два повара (*duo coqui*), два истопника (*duo stubarum calefactores*), два кузнеца (*duo fabri*), два портных (*duo sutores*), два мастера по изготовлению чашек и мисок (*duo scutellarum et cyphorum artifices*), два гончара (*duo figuli*), два [подсобных] работника (*duo operarii*). Следует иметь в виду, что одни из тех, кого мы перечислили, являются рабами (*servi*), а других нужно будет купить. Четырех рыбаков (*quatuor piscatores*), семь пахотных наделов с землешашцами (*septem aratra cum aratoribus*), за всех их необходимо заплатить деньгами, за каждую голову – триста денариев, с тем условием, что если кто-либо из них когда-либо пожелает освободиться из рабства, он должен будет вернуть сумму, которая была за него заплачена, чтобы на эти деньги можно было приобрести другого раба. Были подарены также десять коров с пастухом, сто свиней со свинопасом, двести овец с двумя овчарами и их сыновьями, четыре виноградаря с сыновьями, сорок кобыл с тремя пастухами и двумя конюхами.

Что же останется в собственности моей супруги Евфимии в движимом и недвижимом имуществе и из ее приданого, то она желает распорядиться этим так: если кроме дочери по имени Богуслава (*Bohuslawa*), которую мы имеем сейчас, у нее будут дети, они разделят между собой половину, другая же половина должна достаться святому Стефану ради спасения ее души. Если же она не будет больше иметь детей, а Богуслава будет отдана замуж, то всё вместе со стадами, овцами и прочим скотом и пастухами, а также виноградарей и землешашцев со всем остальным разного рода имуществом должен получить святой Стефан.

А чтобы мой дар в последующие времена оставался нерушимым, я призвал некоторых подтвердить его своим свидетельством, и это было сделано князем Вратиславом⁸ (*Wratizlao duce*), епископом Иоанном⁹ (*Johanne episcopo*), аббатами Мегинардом и Витом (*abbatibus: Meginardo,*

⁶ Вероятно, Градец-над-Моравицей современного Моравскосилезского края.

⁷ Возможно, имеется в виду часть продукции одного из монетных дворов в Моравии.

⁸ Вратислав II – старший брат князя Оттона, верховный правитель Чехии (с 1061 г. – князь, с 1086 г. – король).

⁹ Иоанн – шестой Оломоуцкий епископ (1063–1085).

Vito), капелланами Святобором, Бенедиктом, Петром, Бенедиктом (capellanis: Zwatoboro, Benedicto, Petro, Benedicto), графами Змулем, Предой, Милотой, Божепорой (comitibus: Zmulo, Preda, Milota, Vozepora) и другими, перечисление имен которых было бы очень длинным.

Если же это дарение, подтвержденное названными свидетелями, кто-либо вознамерится нарушить, да будет проклят проклятием всемогущего Бога и святого первомученика Стефана и отлучен епископом Иоанном, предстоятелем этой церкви (Johannis episcopi, eiusdem ecclesie dedicatoris).

Дарение было совершено в тысяча семьдесят восьмом году от воплощения Господнего. Грамота же эта была дана в третьи ноны февраля первому аббату этого монастыря Иоанну (Johanni, primo eisdem ecclesie abbati), при освящении монастыря. Аминь.

Перевод грамоты выполнен по изданию: *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae*. Pragaе, 1904. Т. I/1. № 79. Р. 82–85. При выборе транскрипции славянских имен и географических названий учитывались варианты, предложенные Иржи Пражеком в чешском переводе грамоты (См.: *Naše národní minulost v dokumentech*. Praha, 1954. D. I. S. 30–32).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Петр Германович – аспирант кафедры Отечественной истории и архивоведения Дальневосточного Федерального университета (Владивосток).

Бесчастнов Николай Николаевич – заведующий сектором по науке и экспозициям филиала «Кремль» Астраханского объединенного историко-архитектурного музея-заповедника.

Васильченко Максим Анатольевич – аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (далее ИИиМО СГУ).

Вацулик Ярослав – доктор философии, профессор, зав. кафедрой истории педагогического факультета имени Т.Г. Масарика (Брно, Чешская Республика).

Галямичев Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории средних веков ИИиМО СГУ.

Городецкая Наталия Борисовна – аспирантка кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного федерального университета имени Первого президента России Б.Н. Ельцина (далее – УГФУ) (Екатеринбург).

Кочуков Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской цивилизации и методики преподавания истории ИИиМО СГУ.

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории, декан факультета истории, философии и искусств Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь).

Лазарев Яков Анатольевич – кандидат исторических наук, приглашенный исследователь Центра гуманитарных исследований при Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва).

Лаптева Людмила Павловна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Лебедева Анна Алексеевна – аспирантка кафедры истории средних веков ИИиМО СГУ.

Малашина Наталья Викторовна – старший преподаватель Московского университета леса.

Панин Евгений Валерьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры «История и политология» Университета машиностроения (Москва).

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Северо-Кавказского Федерального университета.

Рабинович Яков Николаевич – кандидат исторических наук, документовед кафедры истории России ИИиМО СГУ.

Родимцев Андрей Александрович – аспирант кафедры истории средних веков ИИиМО СГУ.

Семёнова Анастасия Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории российской государственности и права Поволжского Института управления им. П.А. Столыпина (Саратов).

Соколов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России УГФУ.

Суворов Валерий Владимирович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии Саратовского государственного медицинского университета имени В.И. Разумовского.

Чапка Франтишек – доктор философии, доцент кафедры истории педагогического факультета Университета имени Т.Г. Масарика (Брно).

СОДЕРЖАНИЕ

Из истории русского славяноведения

<i>Л.П. Лантева.</i> Г.А. Ильинский как исследователь средневековой истории и культуры Болгарии.....	3
--	---

Статьи из Чехии

<i>Я. Вацулик.</i> Масарик и Украина	22
<i>Ф. Чапка.</i> Начальный этап развития физкультурного движения «Сокол» в чешских землях и славянство	30

Вопросы истории и культуры зарубежных славянских народов и России

<i>А.А. Лебедева.</i> Первые города на немецком праве в средневековой Моравии.....	41
<i>А.А. Родимцев.</i> Армянские общины в средневековой Галицкой Руси и их роль в экономической жизни городов.....	47
<i>Е.Н. Многолетняя.</i> Особенности развития книгопечатания в Моравии (вторая половина XV в. – 1620 г.)	53
<i>Н.Н. Бесчастнов.</i> Русско-ногайские отношения в 1606–1608 гг.: ногайские улусы и борьба с астраханскими мятежниками	59
<i>Я.А. Лазарев.</i> Формирование «Гетманской Украины»: к вопросу о монополизации власти казацкими институтами в «Малой России» во второй половине XVII – первой трети XVIII в.	64
<i>С.В. Соколов.</i> Историография XVI–XVIII вв. о славянском происхождении варягов: источники и аргументация	72

<i>А.Н. Галямичев.</i> Отечественная война 1812 года и Чешское Национальное Возрождение	78
<i>С.А. Кочуков.</i> «Душеприказчик славянофилов» о роли Российской империи в освобождении славян Балканского Полуострова от власти турок (речи И.С. Аксакова в Московском Славянском благотворительном комитете)	84
<i>А.Н. Птицын.</i> Словенские учителя в Российской империи.....	94
<i>А.А. Семёнова.</i> Художественная литература в преподавании курса «История религии» (На примере темы «Язычество восточных славян»)	104
<i>Н.В. Малашина.</i> Абрамцевское детство и «детское» Абрамцево ..	114
<i>В.В. Суворов.</i> «Восточничество» и славянофильство: проблема преемственности идей.....	126
<i>И.В.Крючков.</i> Балканский вопрос и внешнеполитические задачи России на страницах альманаха «Русская мысль» в 1908–1909 гг.	130
<i>П.Г. Александров.</i> Наступательная операция у Зборова и создание Чехословацкой армии.....	141
<i>М.А. Васильченко.</i> Идеи добровольчества и интеграция Чехословацкого корпуса в структуру Вооруженных сил Первой Чехословацкой республики	149
<i>Е.В. Панин.</i> Спорные вопросы истории присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР в 1939 г.	155
<i>Н.Б. Городецкая.</i> Интеллектуальная элита и политическая власть в Югославии в конце 60-х – 70-е гг. XX века: конфликт вчерашних союзников с трагическими последствиями	162
Исторические очерки	
<i>Я.Н. Рабинович.</i> Увлекательная страница истории Смутного времени: Смирной Елизарьевич Отрепьев	166

<i>Л.П. Лаптева.</i> Наполеон Бонапарт как создатель мифов и легенд	184
---	-----

Публикации источников

<i>А.Н. Галямичев.</i> Учредительная грамота Градиштенского монастыря св. Стефана в Оломоуце (3 февраля 1078 г.)	193
--	-----

Сведения об авторах.....	197
--------------------------	-----

Содержание.....	200
-----------------	-----

Для заметок

Научное издание

СЛАВЯНСКИЙ СБОРНИК

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 11

Сборник издается в авторской редакции

Ответственный за выпуск *А.Н. Галямичев*
Оригинал-макет подготовила *Ю.А. Алёшина*
Дизайн обложки *А.И. Жемков*

Подписано в печать 15.05.2013. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,85 (12,75). Уч.-изд. 9,81. Тираж 100 экз.

Издательство «Наука»
410600, Саратов, ул. Пугачевская, 117, к. 50.